

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

**«ПРИГОРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В РЕГИОНАЛЬНОМ СРЕЗЕ:
ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ГОРОДСКИЕ ТЕРРИТОРИИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Сборник тезисов докладов международной научной конференции
(14–16 ноября 2019 г.)

Улан-Удэ
Издательство БНЦ СО РАН
2019

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

**“SUBURBAN REVOLUTION” AND PERIPHERAL
URBAN TERRITORIES IN THE POST-SOVIET SPACE**

Volume of abstracts of the international scientific conference
(November 14–16, 2019)

Ulan-Ude
Publishing House of BSC SB RAS
2019

УДК 316
ББК 60.5
П 75

Издание осуществлено при финансовой поддержке филиала Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации и распространяется бесплатно. Мнение авторов может не совпадать с позицией Фонда.

Редакционная коллегия:
к. и. н. *А. С. Бреславский*
к. с. н. *В. Г. Жалсанова*

П 75

«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве: сб. тез. междунаrod. науч. конф. (Улан-Удэ, 14–16 ноября 2019 г.). В 2-х ч. / отв. ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. – 208 с.

ISBN 975-8-7925-0571-1

В сборнике опубликованы тезисы докладов участников международной научной конференции, посвященной региональным формам урбанизации и субурбанизации в странах на постсоветском пространстве. Конференция была организована при содействии филиала Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации.

ISBN 975-8-7925-0571-1

© ИМБТ СО РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2019

“Suburban revolution” and peripheral urban territories in the post-soviet space: volume of abstracts of the international scientific conference (Ulan-Ude, November 14–16, 2019) / ed. by A. S. Breslavsky. – Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS, 2019. – 208 p.

The volume contains abstracts of reports of the international scientific conference on regional forms of urbanization and suburbanization in the post-Soviet countries. The conference and edition were supported by Rosa Luxemburg Foundation (regional department in Russia).

ВВЕДЕНИЕ

Бурная субурбанизация, связанная с освоением периферийных городских областей и усилением их роли в региональном развитии, становится все более привычным и заметным явлением в развитии крупных городов во всех регионах мира. Современный мир становится все более городским и одновременно все более пригородным, а сама глобальная урбанизация находит свое воплощение преимущественно в субурбанизации [Keil 2017]. Города и страны, о которых пойдет речь в настоящем издании, одновременно подтверждают и оспаривают этот важный для современной урбанистики тезис, представляя разные формы городского и пригородного роста и развития в странах на постсоветском пространстве.

Книга включает в себя тезисы докладов участников международной научной конференции «Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве». Встреча была организована Институтом монголоведения, буддологии тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук при финансовой поддержке филиала фонда Розы Люксембург в Российской Федерации 14–16 ноября 2019 г. в г. Улан-Удэ. Она была призвана поддержать дискуссию о региональных формах так называемой «постсоциалистической пригородной революции» и неоднозначных эффектах неолиберальных реформ в области городского управления в странах на постсоветском пространстве.

Говоря о феномене «постсоциалистической пригородной революции» [Stanilov, Sykora 2014], мы имеем в виду взрывной рост частной застройки 1990–2010-х гг. в пригородных зонах крупных городов на территории бывшего СССР и шире – в странах социалистического блока после долгих лет государственных ограничений. Движущими силами этого взрывного роста стали: демократизация государственного управления в сфере городского развития, деиндустриализация и кризис сельских территорий, формирование частного рынка жилья, либерализация отношений в области распределения и застройки городских и пригородных земель, развитие частного строительства, усиление внутренних и международных миграций и пр.

Сегодня на всем постсоветском пространстве не только столичные города, но и многие крупные региональные центры демонстрируют

устойчивый демографический и территориальный рост за счет освоения новых пригородных территорий. Расширяя зоны городской периферии, субурбанизация в разных ее формах приобретает все большее значение в развитии самих городских центров, городских агломераций и окружающих регионов в целом. При этом ее влияние на общественное и территориальное развитие в наших странах имеет как положительные, так и проблемные стороны. В то же время о возрастающей роли, которую пригородная инфраструктура, жители пригородов играют в жизни крупных городов в России, странах Центральной Азии, Восточной Европы, мы знаем по-прежнему не так уж и много. Именно поэтому в рамках конференции на основе имеющихся исследований нам было важно определить региональные траектории городского периферийного развития в постсоветских странах, обсудить масштабы, источники и последствия взрывной (суб)урбанизации на постсоветском пространстве в 1990–2010-е гг., попытаться понять, в чем состоит культурное и социальное значение новых пригородов в обществах постсоциализма, задуматься о необходимости формирования специфических понятийных конструкций и языков описания в организуемых нами исследованиях.

Книга включает в себя две части. Первая на русском, вторая – на английском языке. Каждая из частей состоит из двух разделов. Первый посвящен региональным формам постсоциалистической пригородной революции и содержит тезисы докладов о (суб)урбанизации в России, Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Монголии, Венгрии, Чехии и Латвии. Второй раздел представляет в уже более конкретных кейсах перспективы и особенности (суб)урбанизации в современной России.

Литература

Keil R. Suburban planet. Making the world urban from the outside in. – Cambridge: Polity press, 2017. – 256 p.

Stanilov K., Sykora L. (eds.) Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe, Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. – 360 p.

*Ответственный редактор,
к. и. н. А. С. Бреславский*

ЧАСТЬ 1

СЕКЦИЯ 1

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРИГОРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*Анатолий Сергеевич Бреславский,
канд. ист. наук, вед. науч. сотрудник
Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
breslavsky@imbt.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-8-13

«ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИГОРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ПРИГОРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Российская субурбанизация, многообразная по своему содержанию в силу региональной многоукладности страны, может быть крайне интересной и полезной для более глубокого понимания феномена т.н. «постсоциалистической пригородной революции» и ее региональных форм. В то же самое время пригороды крупных российских городов и пригородный образ жизни в их разных региональных проявлениях, несмотря на внушительные перспективы для сравнительного и обобщающего анализа, пока остаются слабо изученными. В поле «пригородных исследований», которое в России лишь начинает складываться, сегодня работает около 10 специалистов (преимущественно географы, социологи, историки) из нескольких регионов страны. В их задачи входит конструирование общего предметного поля, постановка исследовательских целей,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00050\19 «(Суб)урбанизация в республиках на востоке России: траектории территориального и демографического развития в 1991–2016 гг.».

поиск «работающих» концептов для анализа и понимания российских данных, критический анализ источниковой базы исследований, сбор и систематизация регионального материала, типологизация и обобщение региональных кейсов, включение результатов исследований в международные дискуссии.

Ключевые слова: урбанизация, субурбанизация, пригороды, Россия, пригородные исследования.

Набирающая обороты дискуссия о феномене «постсоциалистической пригородной революции» [Stanilov, Sykora 2014], особенно продуктивно развивающаяся сегодня в исследовательских центрах Восточной Европы, формирует важный запрос на российские региональные исследования (суб)урбанизации, выходящие за рамки Москвы и Санкт-Петербурга. Многоукладность российской (суб)урбанизации, связанная с региональным экономическим неравенством, различиями в социальной структуре городских сообществ, климате, местных культурных, в т. ч. архитектурных традициях и пр. уже предполагает широкие возможности для конкретизации обозначенного феномена («пригородной революции»), уточнения его источников, форм, последствий и пр. в разных частях «постсоциалистического» мира. Как же обстоит дело с пригородными исследованиями в России?

Два года назад, в июне 2017 г., в г. Улан-Удэ состоялся всероссийский научный семинар «Что мы знаем о современных российских пригородах?», в рамках которого отечественные исследователи (суб)урбанизации получили возможность обсудить итоги своей работы, а также обозначить наиболее значимые для них вопросы, связанные с предметным полем пригородных исследований [Что мы знаем... 2017]. Учитывая, что само поле и сообщество исследователей, интересующихся вопросами субурбанизации, в нашей стране лишь складываются, на повестке стояли простые, на первый взгляд, вопросы. Каковы масштабы и источники пригородного роста в современной России? Какова социальная и академическая значимость пригородных исследований? Зачем нам изучать пригороды? Каким может быть российское определение пригородов? Какие зарубежные подходы к их изучению могут быть нам особенно полезны? Складывается ли в России эффективная практика управления пригородным развитием? Как, какими методами отечественные исследователи изучают пригороды? В каких регионах пригородные исследования проводились, а в каких – еще нет? Эти далеко не прозаичные вопросы были и остаются важными для

каждого российского исследователя, который стремится к продвижению своей исследовательской программы, к включению результатов своей работы в общероссийские и международные дискуссии.

В преддверии семинара 2017 г. мной был подготовлен обзор работ / исследовательских программ, связанных с изучением пригородов крупных городов в современной России. Обзор опубликован во вводной статье сборника [Бреславский 2017]. Отмечу здесь, что в период с 2000 по 2016 г. из 79 городов России, население каждого из которых составляет более 250 тыс. чел. (на 2016 г.) только в 7, судя по данным Российской электронной научной библиотеки РИНЦ, проводились комплексные полевые исследования в области пригородного развития. Это такие города, как Иркутск, Калуга, Красноярск, Москва, Санкт-Петербург, Тюмень, Улан-Удэ. Семь городов из 79, т. е. менее 9 %. За последние 2 года, благодаря работам И. О. Щепетковой, к этим городам добавилась Пермь [2019]. В еще нескольких городах были проведены узконаправленные, но не комплексные исследования, затрагивающие пригородную тематику. Важно отметить, что авторы, о которых шла речь в обзоре 2017 г., в основном, продолжили работу в рамках своих тем.

В целом же невнимание исследователей к пригородам крупных городов несколько обескураживает, учитывая какое значение крупные города и городские агломерации приобретают сегодня в экономике и системе расселения в стране. В списке, как мы видим, нет большинства городов-миллионников России (Новосибирска, Екатеринбурга, Челябинска, Казани и пр.), не говоря уже о менее крупных городских агломерациях и городах. Несмотря на небольшой количественный рост и профессионализацию городских исследований в стране в последнее десятилетие, пригороды получают внимание лишь со стороны отдельных «энтузиастов». Характерно, что за последние 15 лет среди всех диссертаций по социологии, географии и экономике была защищена лишь одна, в названии которой присутствовало слово «пригород» [Григоричев 2014]. Хотя понятие «пригороды» и «пригородные территории» определено в наших академических словарях давно [Пригород 2019], оно, как представляется, пока слабо востребовано и инструментально осмыслено теми, кто изучает города, системы расселения, территориальное планирование и т. п. в России. До сих пор опубликовано лишь 3 авторские монографии по материалам исследований пригоро-

дов крупных городов России [Григоричев 2013; Бреславский 2014; Казакова 2017].

В то же самое время именно пригородные территории в России становятся сегодня основной площадкой городского развития (поскольку земельные и инфраструктурные ресурсы центральных городских областей ограничены, а сами города часто не предоставляют комфортной среды для проживания). Игнорировать это обстоятельство не позволит как минимум продолжающийся рост населения крупнейших городов. Это касается не только Москвы и Санкт-Петербурга, других активно растущих городов России, например Тюмени и Краснодара, но и многих региональных центров, продолжающих стягивать внутрирегиональное население. Даже в тех городских агломерациях и крупных городах, где сочетание естественного и миграционного прироста не дает положительных показателей, процессы (пере)обустройства пригородных территорий могут протекать и протекают интенсивно.

Более конкретно говорить об источниках пригородного роста в России в целом, о роли урбанизации и субурбанизации в этих процессах мы пока, увы, не можем из-за слабости российской статистики и малого количества региональных исследований. Но несмотря на ощутимые различия между городами в отдельных регионах страны, сегодня мы все же можем выделить основные сегменты их пригородных зон, обозначить (с оговорками) масштабы происходящих в них изменений [Мкртчян 2018], указать на текущие и возможные последствия этих изменений. Однако без региональных исследований российских пригородов, истории их формирования, определения их сущностных черт и особенностей, без изучения источников их роста и развития, миграции населения и систем расселения, связывающих села – пригороды – города, без понимания масштабов и результатов пригородного роста и т. д. – без всего этого дальнейшее развитие нашей предметной области обойтись не может.

Начать изучать пригороды сейчас, кажется, самое время. С одной стороны, более чем в 70 крупных городах России такие исследования вообще не проводятся, с другой, – экономика страны и ее население все более концентрируются в городах. Стихийность освоения пригородных территорий, невнимание к этим процессам со стороны регионов и государства в целом способны обернуться многими негативными последствиями, проявление которых – лишь дело времени. Концентра-

ция бедности в пригородах крупных городов, проблемы с трудовой занятостью, правопорядком, реализацией муниципалитетами своих полномочий, экологические и транспортные проблемы становятся все более ощутимыми. Особенности российского налогообложения, бюджетного кодекса, закона о местном самоуправлении, слабость межмуниципального взаимодействия часто становятся барьерами в решении обозначенных проблем. Не всегда региональные и муниципальные власти обладают достаточными, полными данными, принимая решения в области инфраструктурного, социально-экономического и демографического развития пригородных территорий. Все это формирует и общественную повестку пригородных исследований.

С академической точки зрения, изучение «российского поля» оканчивается значимым не только для развития отечественной урбанистики, утверждения ее общественного статуса, но и для расширяющихся международных дискуссий в области suburban studies, которые с начала 2000-х гг. включают в себя все больше исследований в странах развивающегося и постсоциалистического мира. Шанс ответить на этот запрос мы все еще имеем. В существующих условиях многое будет зависеть от региональных исследователей, их инициативы и интереса к предметному полю пригородных исследований.

Литература и источники

Бреславский А. С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 192 с.

Бреславский А. С. Введение. Пригороды и пригородные исследования в современной России / А.С. Бреславский // Что мы знаем о современных российских пригородах?: сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – С. 3–24.

Григоричев К. В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. – Иркутск: Оттиск, 2013. – 248 с.

Григоричев К. В. Пригородные сообщества как социальный феномен: формирование социального пространства пригорода: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. – Иркутский. гос. ун-т, 2014. – 307 с.

Казаква А. Ю. Пригородный образ жизни в современной российской провинции. Социальная база, проблемы и перспективы развития. – Саратов: Вузовское образование, 2017. – 259 с.

Мкртчян Н.В. Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2018 – № 6. – С. 26–38.

Пригород // Демографический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / гл. ред. Д. И. Валентей. М.: Советская энциклопедия. – Режим доступа: <http://geography.su/demogr/alph0016.shtml> (дата обращения: 15.10.2019).

Что мы знаем о современных российских пригородах?: сб. науч. ст. / отв. ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – 220 с.

Щепеткова И. О. Территориальная организация садово-дачных образований Пермской городской агломерации: автореф. дис. к. г. н.: 25.00.24. – Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2019. – 20 с.

Stanilov K., Sykora L. (eds.) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*, Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. – 360 p.

*Никита Владимирович Мкртчян,
канд. геогр. наук, вед. науч. сотрудник
Института демографии Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия
nmkrtchyan@hse.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-14-21

МИГРАЦИЯ И СУБУРБАНИЗАЦИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦАХ И ПРИГОРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ

Региональные столицы, представленные в России почти исключительно крупными городами, и их пригороды являются центрами миграционного притяжения населения. Как показали расчеты, произведенные на основе базы данных показателей муниципальных образований (БД ПМО, Росстат) за 2012–2017 гг., по темпам миграционного прироста пригороды опережают столицы и фактически являются в России классом территорий, лидирующих по данному показателю. Данные о внутрирегиональной миграции в 39 регионах России, полученные по специальному запросу в территориальных органах Росстата, показали, что в подавляющем большинстве регионов пригороды перетягивают население у региональных центров, что является явным признаком начавшейся субурбанизации в России. Ежегодный суммарный миграционный переток населения из региональных столиц в пригороды составляет примерно 40–50 тыс. чел., что почти вдвое превышает миграционный прирост населения Краснодарского края за счет внутрисоссийской миграции.

Ключевые слова: региональные столицы, пригороды, миграция, субурбанизация, Россия.

Возобновление уверенного роста населения крупных городов России в результате миграции после перерыва в 1990-е гг., связанного с трансформационным кризисом, вновь напомнило о стадийности процессов урбанизации и степени ее завершенности/незавершенности в стране [Нефедова, Трейвиш 2002]. В какой мере рост крупных городов

распространяется на окружающие их территории (пригороды, субурбии) – для ответа на этот вопрос проанализируем роль отдельных потоков миграции в динамике населения и его структуры в столицах регионов России и их пригородных зонах.

Накопленный исследователями в Западной Европе и США немалый опыт изучения вопросов динамики населения крупных городов и их пригородов, разнообразие источников статистической информации о миграционных процессах в этих территориях позволил перейти к изучению структурных характеристик населения пригородов [Wulff, Lobo 2009], особенностей естественного движения населения и др. С определенным отставанием структурные особенности роста населения городов и их пригородов стали изучаться в постсоциалистических странах Восточной Европы, в т. ч. на примере столиц стран или отдельных крупнейших агломераций [Kurek, Wojtowicz, Galka 2015; Ouředníček 2007]. В этих странах процессы субурбанизации, выраженные в опережающем росте пригородов крупных городов при стагнации крупных городов (центров), уверенно отмечаются исследователями уже в 1990-е гг. [Sander 2014; Tammaru, Kulu, Kask 2004].

В постсоветских странах развитие процессов субурбанизации запаздывает, имеет место незавершенность российской урбанизации [Нефедова, Покровский, Трейвиш 2015]. Увереннее растут крупные города [Карачурина, Мкртчян 2013; Махрова, Кириллов 2014], опережающий рост населения демонстрируют региональные столицы (в абсолютном большинстве – города с населением более 200 тыс. чел.) [Карачурина 2018]. В отличие от других стран, процессы субурбанизации в России изучены еще недостаточно, комплексное изучение пригородов в последние годы осуществлялось в Московской [Махрова, Нефедова, Трейвиш 2008; Ioffe, Zayonchkovskaya 2011], Иркутской [Григоричев 2013, 2017; Емельянова, Серебренников 2016] агломерациях, в Улан-Удэ и окрестностях [Бреславский 2014]. Согласно их результатам, рост населения пригородов связан как с расширением городов за пределы своих административных границ, так и с притоком в пригороды мигрантов из внутрорегиональной периферии, строительством в субурбии коттеджных поселков, куда переселяются жители центров агломерации. Именно в последнем случае мы имеем дело с классической субурбанизацией, на протяжении уже длительного времени наблюдаемой во многих развитых странах [Rérat 2012]. Также призна-

ком субурбанизации является рост пригородов за счет переезда в них жителей центра агломерации, что также наблюдается на западе, и, с определенным лагом запаздывания, в постсоциалистических странах [Sander 2014; Gnatiuk 2016].

Данные и использованные методы. Расчеты основаны на данных официальной статистики о численности и миграции населения на уровне городских округов и муниципальных районов (База данных показателей муниципальных образований – БД ПМО) по 72 регионам России. За исключением самых общих данных, в анализе не учитывались Москва, Санкт-Петербург, Московская, Ленинградскую области, которые в силу размера и структурной неоднородности пригородов заслуживают отдельного рассмотрения, а также ряд регионов, информация о которых не представлена в БД ПМО. Также использованы данные о внутрирегиональной миграции (форма t_pt2n) по 39 регионам, полученные из территориальных органов Росстата по специальному запросу. Пригороды региональных столиц выделены на основе авторской методики, опробованной в ряде публикаций [Мкртчян 2017; 2018]. К пригородам (пригородным зонам) здесь относим муниципальные образования, имеющие значительную по протяженности границу с территорией городского округа, на территории которого находится столица региона. Они могут состоять как из одного, так и нескольких муниципальных образований, чем крупнее региональная столица, тем, обычно, крупнее ее пригород.

Результаты и их обсуждение. Как показали ранее проведенные расчеты [Мкртчян 2017; 2018], в среднем численность населения пригородов в последние годы растет быстрее, чем региональных центров. По показателю интенсивности миграционного прироста в последние годы пригороды опережают региональные столицы (табл. 1).

В 2012–2016 гг. ежегодный прирост населения столиц и их пригородов за счет миграции в среднем составил 307 тыс. чел. (без учета Москвы, Санкт-Петербурга и их областей), в т. ч. 194 тыс. – за счет внутрироссийской и 113 тыс. – международной миграции. При этом весь прирост во внутрироссийской миграции обеспечивался за счет внутрирегиональных перемещений, т.к. в целом из региональных столиц и пристолочных территорий имел место небольшой (около 14 тыс. чел. ежегодно) отток населения в Москву, Санкт-Петербург и их области.

Почти 3/4 миграционного прироста пришлось на региональные столицы, но его интенсивность была выше в пригородах. Причем различия в интенсивности притока обеспечивает только внутрорегиональная миграция, показатели межрегиональной и международной миграции абсолютно схожи.

Таблица 1

Компоненты изменения численности населения рассматриваемых регионов*, 2012–2016 гг., на 1000

Показатель	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост	АТП
Все население рассматриваемых регионов, в т. ч.:	-0,3	-0,4	0,1	0,0
столицы регионов и пристоличные территории, всего	7,5	1,2	6,3	0,0
столицы регионов	7,2	1,4	5,8	0,1
пристоличные территории	8,7	0,5	8,2	0,4
остальные территории	-6,1	-1,5	-4,5	0,0

* без учета Москвы, Санкт-Петербурга, Московской, Ленинградской областей, республик Дагестан, Ингушетия и Тыва, Ненецкого и Чукотского АО.

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации, статистические бюллетени за 2013–2017 гг.; Росстат, БД ПМО.

В целом миграционный баланс крупных городов и их пригородов не имеет четко выраженной региональной специфики: активно притягивающие мигрантов региональные центры и их пригороды преобладают во всех частях страны, что доказывает повсеместную распространенность центростремительного тренда миграции.

Внутрирегиональная миграция – черты субурбанизации. Региональные столицы и их пригороды являются «операторами» очень большой доли миграции в пределах регионов. Быстрый рост пригородов в немалой степени обеспечивает миграция из городов, вокруг которых они формируются. Согласно данным по 39 регионам РФ, на внутрорегиональную миграцию «с участием» региональных столиц и их

пригородов приходится 17,3 фиксируемой Росстатом долговременной внутристрановой миграции и треть внутрирегиональной миграции.

Для пригородов роль региональной столицы в миграционном обороте особенно велика: в 2017 г. 45 % внутрироссийских (как внутри-, так и межрегиональных) мигрантов, прибывающих в пригороды, переезжают из региональной столицы, вокруг которых они формируются (табл. 2). В свою очередь, 42 % внутрироссийских мигрантов, покидающих пригороды, выбывают в региональную столицу.

Таблица 2

Распределение долговременных внутрироссийских мигрантов в столицы, пригороды и периферийные территории по направлениям переселений, 2017 г., %

Прибывшие в:	Откуда прибывают мигранты					Итого
	из др. регионов	из того же МО	из регион. столицы	из пригор. РС	из периф. МО	
регион. столицы	45,0	0,7	0,0	8,7	45,7	100,0
пригороды РС	26,0	6,6	45,0	1,4	21,0	100,0
периф. МО	46,7	10,7	14,0	1,4	27,1	100,0
Выбывшие из:	Куда выбывают мигранты					Итого
	в др. регионы	в тот же МО	в регион. столицу	в при-город РС	в периф. МО	
регион. столиц	53,2	0,8	0,0	12,8	33,1	100,0
пригородов РС	31,6	9,0	41,9	1,8	15,7	100,0
Периф. МО	47,5	10,2	17,3	2,2	22,9	100,0

Источник: Росстат, данные по 39 регионам, полученные по запросу.

Многие крупнейшие региональные столицы (табл. 3) имеют приток во внутрирегиональной миграции, но все теряют население в обмене с собственными пригородами. В целом из 39 регионов более

чем у 80 % региональные столицы теряют население в миграционном обмене с пригородами. Миграционный прирост пригородов 38 региональных столиц со своими столицами в 2017 г. составил 22,2 тыс. чел. Если распространить эти данные на оставшиеся регионы, получится, что переток населения из столиц в их пригороды ежегодно, по нашей оценке, составляет 40–50 тыс. чел., что превышает миграционный прирост Санкт-Петербурга или, почти вдвое – Краснодарского края. Именно пригороды во многих регионах России становятся территориями, испытывающими миграционный прирост со всеми без исключения муниципальными образованиями своего региона. Это можно расценивать как несомненные признаки субурбанизации, получающей в России все большую распространенность, несмотря на сильные географические вариации.

Таблица 3

Миграционный прирост/убыль населения отдельных региональных столиц с населением более 1 млн. человек, 2017, чел.

Город	Всего	Межрегион.	Внутри-регион.	Столица	Пригород	Остальные МО
Краснодар	11035	7262	3773	-	-406	4179
Уфа	1579	-886	2465	-	-2642	5107
Казань	3482	1799	1683	-	-2952	4635
Пермь	2609	-1417	4026	-	-1079	5105
Самара	-5248	-2168	-3080	-	-3147	67
Саратов	1341	-2050	3391	-	-470	3861
Челябинск	355	-2191	2546	-	-901	3447
Омск	-5827	-7659	1832	-	-192	2024
Новосибирск	278	1616	-1338	-	-2322	984
Красноярск	906	-970	1876	-	-1368	3244
ИТОГО	9326	-7310	16636	-	-11789	28425

Источник: Росстат, данные по 39 регионам, полученные по запросу.

Не только региональные столицы, но и центры второго порядка отдают население своим пригородам. Подобная картина наблюдается, например, в Тольятти, Нижнекамске, Набережных Челнах, Старом

Осколе, Стерлитамаке, Магнитогорске. Полагаем, что субурбанизация будет охватывать все большую долю городских агломераций, концентрирующих миграционную потоки как внутри-, так и межрегиональные.

Таким образом, расчеты показывают, что в России в 2010-е гг., с сильным запозданием не только относительно США, стран Западной, но и многих стран Восточной Европы, получил развитие процесс субурбанизации. Однако анализ статистических данных не позволяет судить, в какой мере этот процесс связан с развитием пригородов в классическом их понимании – малоэтажной застройки и иных признаков специфической пригородной среды, а в каком – выходом городов за пределы их административных границ. Ответ на эти вопросы нуждается в дальнейших исследованиях, в т. ч. на отдельных региональных кейсах.

Литература и источники

Бреславский А. С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч. ред. М. Н. Балдано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 192 с.

Григоричев К. В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. – Иркутск: Отгиск, 2013. – 248 с.

Григоричев К. В. Субрегиональные миграции и формирование пригорода сибирского города // Мир большого Алтая. – 2017. – №1(3). – С. 31–42.

Емельянова Н. В., Серебренников Е. Н. Социально-демографическая оценка качества жизни населения Иркутской агломерации // Вестник Забайкальского гос. ун-та. – 2016. – Т. 22, № 6. – С. 96–107.

Карачурина Л. Б. Динамика населения региональных центров и вторых городов регионов в России: проявляются ли тенденции к полицентризму? // Известия РАН. Сер. геогр. – 2018. – № 4. – С. 7–21.

Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Изменение численности населения муниципальных образований РФ (1989–2010 гг.): центр-периферийные взаимодействия // География населения и социальная география. Вопросы географии. Сер. Вопросы географии Русское географическое общество, Московский филиал. – 2013. – С. 82–107.

Махрова А. Г., Кириллов П. Л. «Жилищная проекция» современной российской урбанизации // Региональные исследования. – 2014. – № 4. – С. 134–144.

Махрова А. Г., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Московская область сегодня и завтра: Тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008. – 344 с.

Мкртчян Н. В. Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах? / отв. ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2017. – С. 26–36.

Мкртчян Н. В. Региональные столицы и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия РАН. Сер. географическая. – 2018.– № 6. – С. 26–38.

Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 60–69.

Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI в. // Проблемы урбанизации на рубеже веков / отв. ред. А. Г. Махрова. – Смоленск: Ойкумена, 2002. – С. 71–86.

Gnatiuk O. Demographic dimension of suburbanization in Ukraine in the light of urban development theories // AUC Geographica [S.l.]. N 52(2). – P. 151–163.

Ioffe G., Zayonchkovskaya Zh. Spatial shifts in the population of Moscow region // Eurasian Geogr. Econ. – 2011. – N 52(4). – P. 543–566.

Kulu H., Boyle P. J High fertility in city suburbs: Compositional or contextual effects? // European Journal of Population. – 2009. – N 25(2). – P. 157–174.

Kurek S., Wojtowicz M., Galka J. The changing role of migration and natural increase in suburban population growth: The case of a non-capital post-socialist city (The Krakow Metropolitan Area, Poland) // Moravian Geographical Reports. – 2015. – N 23(4). – P. 59–70.

Ouředníček M. Differential suburban development in the Prague urban region // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. – 2007. – N 89(2). – P. 111–126.

Rérat P. The New Demographic Growth of Cities: The Case of Reurbanisation in Switzerland // Urban Studies. – 2012. – N 49(5). – P. 1107–1125.

Sander N. Internal migration in Germany, 1995–2010: New insights into East-West migration and re-urbanisation // Comparative Population Studies. – 2014. – N 39(2). – P. 217–246.

Tammaru T., Kulu H., Kask I. Urbanization, Suburbanization, and Counterurbanization in Estonia // Eurasian Geography and Economics. – 2004. – N 45(3). – P. 212–229.

Wulff M., Lobo M. The new gentrifiers: The role of households and migration in reshaping Melbourne's core and inner suburbs // Urban Policy and Research. – 2009. –N 27(3). – P. 315–331.

*Константин Вадимович Григоричев,
д-р социол. наук, проректор
по науч. работе и международ.
деятельности, проф. Иркутского
государственного университета,
Иркутск, Россия*

*вед. науч. сотрудник факультета истории
и политических наук
Томского государственного университета
Томск, Россия
grigoritchev@yandex.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-22-26

«ЧАСТНЫЙ СЕКТОР» РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: ОТ НАСЛЕДИЯ СОВЕТСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ К «ВНУТРЕННЕМУ ПРИГОРОДУ»

В докладе ставится проблема распространения субурбанизма как образа жизни в обширных массивах усадебной застройки, определяемых в российских городах как «частный сектор». Показывается, что «частный сектор» занимает значительную часть пространства провинциальных городов, однако специфика его постсоветских трансформаций остается вне исследовательского внимания. На основе нескольких вариантов предлагается гипотеза о том, что именно «частный сектор» и его сообщества могут выступать основным полем распространения субурбанизма в постсоветских российских городах.

Ключевые слова: субурбанизация, «частный сектор», внутренний пригород.

«Постсоциалистическая пригородная революция», фиксируемая исследователями как один из ключевых трендов городского развития постсоветских стран в последние десятилетия» [Stanilov, Sykora 2014], в российских условиях протекает заметно менее динамично. Несмотря на то, что именно пригороды крупных городов остаются единственными точками сохранения и даже роста населения [Мкртчян 2017; Григоричев, 2018], говорить о радикальном изменении роли пригородов в системе расселения в России пока сложно. Это отражается и в относи-

тельно невысоких темпах роста миграции за административную черту городов, и в сохранении модели использования загородного жилья как второго и/или сезонного в качестве базовой, и в преобладании городского «элитного» жилья в качестве признака высокого социального статуса. Пригородные поселения зачастую остаются зоной расселения мигрантов из сельской местности как эффект незавершенной советской урбанизации [Бреславский 2014], зоной вынужденного расселения горожан, вытесненных из престижных городских районов в результате реконструкций либо экономической неустроенности [Казакова 2017]. Проживание на периферии крупного города зачастую становится территориальной стигмой [Казакова 2017а], формирующей образ субурбии как социально неблагополучных окраин. Примеры массового движения горожан в пригород [Григоричев 2013] как осознанного выбора пригородного образа жизни остаются, скорее, вариантами возможного будущего, но не доминирующей тенденции.

Одна из ключевых причин такой ситуации, на мой взгляд, лежит в специфике пространственной, архитектурной и социальной организации российского города. Ускоренная советская урбанизация 1930–1950-х годов сформировала значительную специфику развития советского города, одним из проявлений которой стал так называемый «частный сектор» – районы малоэтажной усадебной застройки, складывавшиеся на основе стихийной застройки переселенцев из села, где воспроизводились сельские практики организации сообществ и повседневности. Воплощающий в себе явление, обозначенное В. Л. Глазычевым как «слободизация городов» [1995], этот социопропространственный феномен сохраняется в большинстве российских городов за пределами столичных мегаполисов. Даже в крупнейших городах-миллионниках Сибири (Омск, Красноярск, Новосибирск) «частный сектор» занимает обширные массивы, не только заполняющие пустоты между кварталами многоэтажной застройки, но и формирующие целые районы со специфичной «не городской» организацией пространства и сообществ, накладывающие серьезный отпечаток на характер как пространственного, так и социального развития города. В менее крупных городах-региональных столицах, «частный сектор» нередко составляет большую часть застроенной территории, а проживающее здесь население – значимую часть городских сообществ.

С момента формирования данный феномен описывался во властной риторике и градостроительной документации как явление временное и для города маргинальное. Предполагалось, что в перспективе этот «побочный эффект» урбанизации уступит место плановой застройке в рамках концепции «социалистического города». Как следствие, сообщества, сформировавшиеся в районах «частного сектора», рассматривались как временные, а их «не городской» образ жизни – как переходное, временное состояние. Сохранение обширных массивов «частного сектора» в российских городах привело к консервации такой переходности на десятилетия. В результате, в российских городах сформировался феномен переходных сообществ, сохраняющих свой маргинальный статус на протяжении жизни уже двух-трех поколений. В обыденном сознании, властной риторике и, зачастую, и в немногочисленных академических текстах районы «частного сектора» априорно определяются как районы проживания маргинализированных групп и нередко дискурсивно криминализировались. Такое восприятие значительного сегмента городского пространства российских городов и проживающих в них сообществ сохраняется до настоящего времени, а представления о постсоветских трансформациях российского города на них *de facto* не распространяются.

Вместе с тем, полевые наблюдения в Омске, Хабаровске и несколько более детально изученных кейсов в Иркутске показывают, что именно «частный сектор» становится одной из важнейших пространств рецепции субурбанизма как образа жизни. Визуально наиболее заметными проявлениями проникновения пригородного образа жизни внутрь городской черты становятся анклав коттеджной застройки, которые возникают на границах массивов «частного сектора» с престижными районами многоэтажной застройки, либо с рекреационными пространствами. Сообщества таких анклавов формируются по модели *gated community* [Low 2003], что, вероятно, отражает общую постсоветскую тенденцию пространственного и символического обособления новых элит [напр.: *Gasior-Niemiec, Glasze, Pütz* 2009; *Hirt* 2012]. Очевидные отличия от прилегающего «частного сектора» в архитектурном облике, в организации жилого пространства и усадьбы подчеркиваются иным образом и ритмом жизни.

Однако появление таких закрытых сообществ не является доминирующим вариантом проникновения субурбанизма в пределы городской

черты. Значительно большим по масштабам трендом является изменение облика основного массива частного сектора. Продолжительные (более 10 лет) наблюдения за небольшим участком «частного сектора» Иркутска позволяют предположить, что ключевой тенденцией его развития стала трансформация по модели «внутреннего пригорода». Например, одним из объектов моего наблюдения является небольшая улица в северо-западной части города, застройка которой многоэтажными домами не планируется в силу специфики грунтов (близость поймы реки), что зафиксировано в генеральном плане развития Иркутска. За время наблюдения из 47 усадеб, расположенных здесь, были полностью перестроены 12 и значительно перестроены еще 17. Новые и перестроенные дома отличаются от исходного облика «частного сектора» как новой планировкой и материалами, так и наличием полного спектра коммунальных удобств, основанных на локальных технологиях (собственные скважины водоснабжения, системы водоочистки, водоотведения и т. п.). Перестраиваются не только жилые помещения, но и пространство усадьбы, которое почти полностью утрачивает обеспечивающую функцию (как подсобное хозяйство), приобретая, преимущественно рекреационное значение. Важно подчеркнуть, что среди владельцев перестроенных усадеб присутствуют как представители коренного сообщества (второе и третье поколение, проживающих в данной локальности), так и приезжие. Вложения в капитальное строительство вместе с изменением организации пространства и функций усадеб, на мой взгляд, являются маркером рефлексивного выбора расселения вне многоэтажной застройки. Ряд интервью, собранных в подобных локальностях, подтверждают выбор такого расселения как особого образа жизни, наиболее близкого к характеристикам субурбанизма [Walks 2013].

Таким образом, мне представляется возможным предположить, что одним из наиболее массовых вариантов субурбанизации в региональных городах постсоветской России является трансформация «частного сектора» по модели внутреннего пригорода. Распространение здесь субурбанизма, несмотря на значительные масштабы, слабо рефлексивируется как в академическом, так и в управленческом дискурсе в силу стереотипного восприятия таких локальностей как маргинальных. Однако именно «частный сектор» может оказаться основным пространством распространения субурбанизма в современной России.

Литература и источники

Бреславский А. С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч. ред. М. Н. Балдано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 192 с.

Глазычев В. Л. Слободизация страны Гардарики // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. – М.: Аргус, 1995. – С. 63–68.

Григоричев К. В. В тени большого города. Социальное пространство пригорода. – Иркутск: Отгиск, 2013. – 238 с.

Григоричев К. В. Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика глобального тренда // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития / отв. ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 175–189.

Казакова А. Ю. Пригородный образ жизни в современной российской провинции. Социальная база, проблемы и перспективы развития. – Саратов: Вузовское образование, 2017. – 259 с.

Казакова А. Ю. Территориальная стигма: содержание и знак оценки // Социальные и гуманитарные знания. – 2017. – Т. 3. – № 4(12). – С. 357–368.

Мкртчян Н. В. Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах? / отв. ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – С. 26–36.

Gasior-Niemiec A., Glasze G., Pütz R. A Glimpse over the Rising Walls: The Reflection of Post-Communist Transformation in the Polish Discourse of Gated Communities // East European Politics & Societies. – 2003. – Vol. 23. – N. 2. – P. 244–265.

Hirt S. Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City. – Oxford: Willey-Blackwell, 2012. – 252 p.

Low S.M. Behind the Gates: Life, Security and the Pursuit of Happiness in Fortress America. – New York and London: Routledge, 2003. – 275 p.

Stanilov K., Sykora L. (eds.) Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe – Oxford: Willey-Blackwell, 2014. – 360 p.

*Этибар Санан-оглы Бадалов,
д-р филос. по географии,
ст. науч. сотрудник
Института географии
Национальной академии
Азербайджана,
Баку, Азербайджан
badalov.1958@mail.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-27-32

УРБАНИЗАЦИЯ И СУБУРБАНИЗАЦИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В статье анализируется историческое развитие и формирование урбанизации и субурбанизации в городском расселении Азербайджана. Исследуются процесс урбанизации и его влияние на городское расселение, проблема развития городских агломераций. Выявляются пути социально-экономического развития и трансформации территориальной организации больших и крупных городских агломераций. Проводится анализ динамики роста населения в городских агломерациях. На основе проведенных исследований выдвинуты рекомендации по регулированию городского расселения в Азербайджане.

Ключевые слова: урбанизация, субурбанизация, агломерации, город спутник, пригород.

Историю урбанизации и субурбанизации в Азербайджане можно разделить на 4 этапа. Первый этап связан с развитием нефтедобывающей промышленности, интенсивный рост которой произошел в 80–90-х гг. XIX в. В целом за период 1880–1913 гг. численность городского населения Азербайджана увеличилась более чем вдвое: с 11 до 24 %. Второй этап охватывает 1930–1960-е гг., когда в республике стала

проводиться политика индустриализации, итогом которой стало формирование 38 городов (1933–1967 гг.). Число городов составило 54, а численность городского населения увеличилась более чем вдвое: с 24 до 50 %. Третий этап охватывает 1970–1980-е гг. (1968–1991 гг.), когда городской статус получили 15 поселков. В конечном итоге число городов увеличилось до 69. Доля городского населения в республике выросла с 50 до 54,2 %, а численность населения – от 2444,9 до 3858,3 тыс. чел., следовательно, темпы роста составили 57,8 %. Бакинская агломерация, как и раньше, играла важную роль в структуре народного хозяйства и являлась «локомотивом» урбанизации в республике. Нефтяная и газовая промышленность сыграла определенную роль в индустриализации всего Апшеронского региона. Она развивалась на основе крупного города и района добывающей промышленности, генетически представляющей единое целое [Эфендиев 2009]. Баку являлся моноцентрической агломерацией и для него было характерно густое скопление спутников средней и малой величины. По числу поселений-спутников в 1959 г. Бакинская агломерация занимала второе место в СССР [Города... 1961]. В советский период проводилась политика сдерживания роста Баку. В 1926–1959-х гг. население Баку увеличивается на 41,7 %, а его пригородов – на 93,3 %. В 1959–1970-е гг. на – 32,5 и 51,7 % соответственно, в 1970–1989-е гг. – на 28,0 и 60,0 % [Бадалов 2016]. Эти показатели доказывают, что политика административно-командного механизма по ограничению роста Баку в этот период удалась, замедлило темпы роста.

Баку является основным центром урбанизации и индустриальным ядром страны, отличаясь территориальной сосредоточенностью промышленного производства. Анализ показывает, что в бакинской городской агломерации с 1970 по 1990 г. численность населения увеличилась на 689,5 тыс. чел. Тенденция в динамике складывается под влиянием высокого темпа естественного прироста, а доля прироста миграции в общем приросте уменьшается до 15 %. При этом прирост населения в самом Баку увеличивается на 338,8 тыс. чел., а в пригородах – на 350,7 тыс. чел. За этот период в Баку проведены крупные работы по жилищному и культурно-бытовому строительству, благоустройству и озеленению, развитию инженерных и транспортных систем. Бурное жилищное строительство и развитие промышленности в пригородной зоне, а также в спутниковом городе Сумгаите, который стал промышленным центром нефтехимии и металлургии, ускорили

процесс субурбанизации в Бакинской агломерации. В республике в условиях социалистической системы хозяйствования рационально регулировался рост городов. В этот период на базе использования местных природных ресурсов формировались новые промышленные узлы, как Гянджа (Кировабад)-Дашкесанский, Мингечаур-Евлахский и Ширван (Али-Байрамлы)-Сальянский [Эминов 2005]. Они имели благоприятные транспортные условия, и в этих узлах происходила концентрация промышленности и трудовых ресурсов. В процессе эволюции этих городов усложняются их экономические функции, изменяется социально-демографический состав жителей, увеличивается территория городов и численность населения, формируются малые агломерации.

Четвертый этап охватывает постсоветский период, когда в начале 1990-х гг. в Азербайджане произошла военная агрессия со стороны Армении, в результате которой было оккупировано 12 городов и более 30 поселков, а более 1 млн населения стали беженцами. Отказ от планового хозяйства и переход к рыночной экономике, а также разрыв старых производственных отношений и война ухудшили политическую и социально-экономическую ситуацию в стране. В этот период формируются еще 9 городов, их число достигает 78. В постсоветский период (1991–2019 гг.) доля городского населения в республике уменьшилась до 52,8 %, темпы роста численности населения составили 36,7 %, они увеличились с 3858,3 до 5273,9 тыс. чел. При анализе динамики численности городского населения выявлено, что интенсивный рост урбанизации произошел в 1980-е гг. и после 2000-х гг., однако выделяется также период стагнации в 1990-е гг. В постсоветский период с 1991 по 2004 г. процессы урбанизации и субурбанизации развивались медленным темпом, но после 2005 г. развитие этих процессов шло более ускоренными темпами. Динамика численности городского населения в 2005–2018 гг. выросла и составила 1061,8 тыс. чел., в т. ч. благодаря естественному приросту – 666,3 тыс. чел., или 62,8 %, 20 % – за счет миграции и до 20 % приходится на новые формирующиеся городские поселения.

В постсоветский период в динамике урбанизованности регионов наблюдалось уменьшение доли городского населения в Аране и Гянджа-Газахе (из-за быстрого роста численности сельского населения регионов), а большой рост произошел только в Горном Ширване. В

1991–2019-е гг. темпы роста численности городского населения во всех регионах составляли от 40 до 60 %, наименьший показатель был в Гянджа-Газахе (менее 30 %). Процесс развития городского расселения и динамика численности городских поселений имеют существенные различия по отдельным городским группам. Наиболее быстрыми темпами росли большие (50–100 тыс. чел.) и крупные (100–500 тыс. чел.) города. Малые города развивались более медленными темпами [Бадалов 2014].

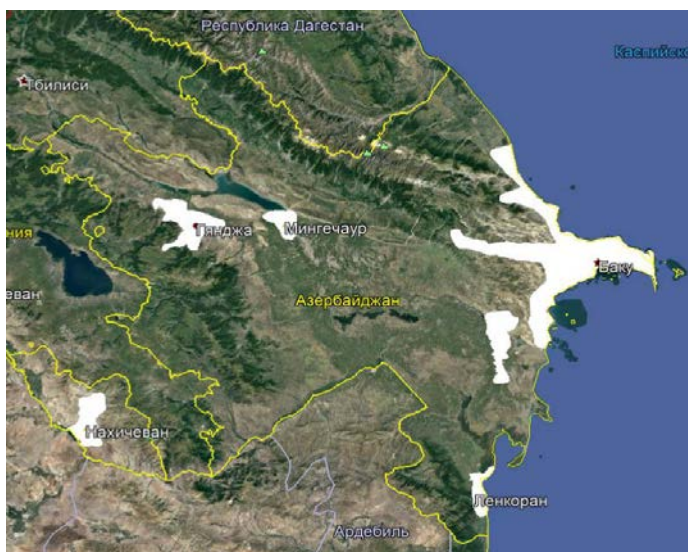

Рис. 1. Агломерация Азербайджана

Существует иерархическая соподчиненность городов различного ранга. Ее основой является значимость каждого города во всей экономической, социально-культурной и административной жизни республики. Баку как столица Азербайджанской Республики возглавляет всю иерархию городов не только по численности населения, но и по многообразию и масштабам своих функций. Ступенью ниже находятся Гянджа – второй центр республики, Сумгаит – город спутник, Мингечаур – город республиканского значения, а также большие города, отличающиеся как центры регионов. Это Ширван, Шеки, Губа, Ленкорань, Нахичевань, Евлах и др. Средние и малые города выделяются как районные центры, но уровень урбанизации в них менее развит.

На современном этапе Бакинская агломерация характеризуется высоким уровнем субурбанизации и интенсивным градостроительным развитием. В этот период вокруг городского ядра и в Сумгаите формируются современные промышленные парки, а на побережье полуострова – курортная зона. Происходит также хаотичная застройка в виде индивидуального строительства, были построены десятки поселений. Агломерация занимала 2,8 тыс. кв. км, и в ее составе было два города-спутника: Сумгаит и Хырдалан, 72 поселка и 7 сел, численность населения составляла 2,8 млн чел. Анализ показывает, что по объемам трудовых маятниковых миграций и интенсивности транспортного сообщения, границы агломерации увеличились. Например, увеличение транспортной доступности до полуторачасовой изохронной привело к увеличению территории до 5,0 тыс. кв. км, число городов-спутников выросло до 7, а численность населения – до 3,0 млн чел. Тенденции субурбанизации также происходят и вокруг других крупных городов. Гянджа – вторая агломерация, с территорией более 1 тыс. кв. км, в составе имеет 5 городов-спутников, 30 поселков, численность населения 480 тыс. чел. Формируются также агломерации Мингечаур, Ширван, Ленкорань, Нахичевань, вокруг них расположено несколько городов и поселков.

Для регулирования развития Бакинской агломерации необходимо решать главную проблему, заключающуюся в том, что более 600 тыс. индивидуальных домов не имеют регистрации. В них проживает более 2 млн чел., не имеющих прописки. Они не относятся к постоянному населению. Также временно проживает более 500 тыс. беженцев. По неофициальным данным, фактическая численность населения в агломерации больше 5 млн чел. Это значит, что основная часть населения страны концентрируется здесь. И поэтому, несмотря на постройку новых автодорог и узлов, мостов, подземных туннелей, есть транспортные проблемы, а субурбанизация привела к росту маятниковой миграции и стихийному территориальному расползанию города, ухудшению экологической ситуации.

На современном этапе урбанизации крупные городские агломерации являются ключевым звеном расселения населения. Исследования агломераций показывают, что их рост и обновление, а также обогащение их функциональной структуры происходило более медленными темпами, чем демографические процессы. Для развития городских

агломераций и перехода к новому, качественному состоянию нужно увеличить территории и функции городов, которые являются центрами агломераций. Для формирования их внешних зон необходимо преобразовать крупные села в поселки.

Литература

Бадалов Э. С. Основные направления развития Бакинской городской агломерации // География и природные ресурсы. – 2016. – Т. 2. – С. 201–208.

Бадалов Э. С. Роль планировки в регулировании расселения Бакинской агломерации // Прикладные направления применения современной географической науки. – Баку: БГУ, 2014. – С. 360–365.

Города-спутники / ред. В. Г. Давидович, Б. С. Хорев. – М.: Гос. изд-во, 1961. – 195 с.

Эминов З. Н. Население Азербайджана. – Баку: Чираг, 2005. – 560 с.

Эфендиев В. А. Пути регулирования города Баку в единой системе производства и расселения Азербайджана // Труды Географического общества Азербайджана. 2019. – Т. 14. – 2009. – С. 128–132.

*Культшат Агибаевна Медеуова,
д-р филос. наук, проф. кафедры
философии Евразийского
национального университета
имени Л.Н. Гумилева
Нур-Султан, Казахстан
mkulshat@mail.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-33-39

ПРИГОРОДЫ АСТАНЫ/НУР-СУЛТАНА: ОТ ЗЕЛЕННОГО ПОЯСА ДО КОТТЕДЖНОГО ХАОСА

В фокусе внимания доклада – факторы, повлиявшие на развитие новых субурбанизационных процессов в Казахстане, и то, как после переноса столицы из Алма-Аты в Астану в 1997 г. у небольших населенных пунктов «открылся» коммуникативный канал с бурно и порой хаотично развивающейся столицей. Анализируется характер превентивных мер против неконтролируемого роста окраин и пригородов. На примерах планов и реализации программ «Жасыл ел», «Зеленый пояс столицы», мероприятий по формированию устойчивого «пояса продуктовой безопасности» рассматриваются дискуссии о характере точек роста новой столицы. Анализируются основные положения и метафоры развития генеральных планов столицы и пригородов, постепенный переход от метафоры симбиотического роста к риторике агломерационного развития. На примерах из двух населенных пунктов Коянды и Родина рассматривается общий контекст постсоветского реформирования представлений о жизни в частном секторе и особенностях маятниковой миграции.

Ключевые слова: столица, генеральный план, пригородная зона, агломерация, зеленый пояс, государственные программы.

В официальных и неофициальных дискурсах новой столицы Казахстана понятие «агломерации» еще не представляется ключевым,

центрирующим весь круг задач стремительно разрастающегося пространства столицы и его пригородных территорий. И это несмотря на то что было принято два последовательных документа: «Межрегиональный план мероприятий по развитию Астанинской агломерации до 2020 г.» [*Постановление* 2013]; и «Долгосрочный план формирования Астанинской агломерации до 2030 г.» [*Постановление* 2018]. Оба документа скорее очерчивают общую конфигурацию территорий, примыкающих к столице, и далее по стандартным сценариям описывают возможности для развития, которые по сути повторяют нормы описания, характерные для прошлого века со всеми иерархическими отношениями центра-периферии. Так, одними из ключевых понятий документа 2013 г. стали «продуктовая безопасность столицы» и «зеленый пояс столицы». Среди приоритетных отраслей и кластеров развития астанинской агломерации доминируют задачи снабжения столицы продовольствием. Экономическая специализация для агломераций сфокусирована на растениеводстве и животноводстве, при этом делается акцент на том, что пригородная зона – это инфраструктурно скоординированная зона вокруг города-ядра Астаны. В качестве рисков отмечается проблема маятниковой миграции в столицу: «Астанинская агломерация представляет собой моноцентричную агломерацию, в состав которой, помимо города Астаны, входят город Акколь и 4 сельских округа Аккольского, 13 сельских округов Аршалынского, 18 сельских округов Целиноградского, 11 сельских округов Шортандинского районов. Перечисленные территории входят в 1,5-часовую изохрону транспортной доступности (т. е. не более 110 км вдоль магистральных путей сообщения и не более 75 км на иных участках) от города Астаны. Данная изохрона соответствует международной практике интенсивной ежедневной трудовой миграции в город-ядро из прилегающих населенных пунктов» [*Постановление* 2013].

Более широкий фрейм регионального развития был представлен программой «Жасыл даму» (Зеленое развитие) [*Указ* 2010], согласно которому создание зеленой зоны вокруг Астаны – это часть более масштабных мероприятий по воспроизводству лесов и лесоразведения, озеленения населенных пунктов. Эта программа долгосрочного инвестирования в формирование комфортного ландшафта вокруг столицы, направленного на развитие туризма, охоты и рекреации. Поскольку в непосредственной близости от внешних границ

агломерации расположены Коргалжынский заповедник, государственный национальный парк «Бурабай», Ерейментауский и Атбасарский заказники, то зеленый пояс столицы в конечном итоге превращается в пояс, связывающий природный, социальный и культурный ландшафты центрального и северного Казахстана. Это соответствует ключевой идеи Кисе Куракавы (автора генерального плана столицы), согласно которой город никогда не остановится в своем развитии, потому что он будет находиться в постоянном симбиозе с природой. Согласно рекомендациям японского архитектора для Астаны важно поддерживать связь с культурным и природным ландшафтом именно через сохранение природы в структуре городского ландшафта [Бекус, Медеуова 2011].

«...Остальную территорию города составляют “Зеленые клинья”, входящие с индивидуальной флорой и фауной со всех территорий Казахстана и вместе с парками, набережными вдоль рек Есиль, Акбулак, Сарыбулак и канала Нура-Есиль, составляющими единый природно-ландшафтный комплекс, находящийся в пределах пешеходной доступности с любой территорией города. Территория озеленения от общей территории города составит 51 %». [Постановление 2013].

Согласно первому документу (Межрегиональному плану... 2013 г.), положительный сценарий, который может реализовывать Астана, – это нормализация экономической и природно-ландшафтной нагрузки на территорию, которая до этого преимущественно специализировалась на сельском хозяйстве. Согласно второму документу (Долгосрочному плану... 2018 г.), принятому после реализации проекта ЭКСПО-2017, Астана уже интерпретируется не просто как центр агломерации, но как центр-магнит. Оптимизм разработчиков плана в отношении способности города быть магнитом вызывает сомнения именно в части того, как интерпретируется потенциал пригородных территорий. «Астана имеет потенциал приобретения статуса города-магнита для талантливых профессионалов из Западной Сибири и Центральной Азии (индекс Биллетера 19,4% в 2016 г.) ... Основной целью Долгосрочного плана является формирование Астанинской агломерации в качестве экономического центра евроазиатского континента, притягательного для населения Казахстана и других государств, прежде всего, для носителей новых знаний, идей (талантов), способных их реализовать» [Постановление 2018].

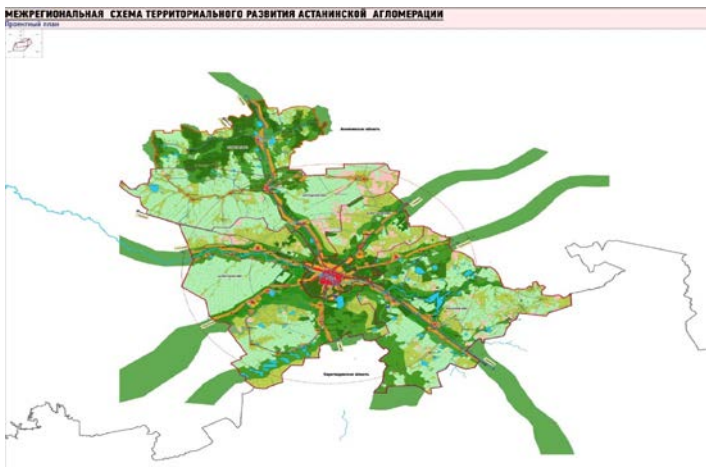

Рис. 1 Межрегиональная схема территориального развития астанинской агломерации

Из всех новых задач, нашедших отражение во втором документе, управление агломерацией стоит на последнем месте, несмотря на то что 20 лет активного переформатирования жизни в непосредственной близости от столицы привели к неравномерному развитию населенных пунктов. И если удалось удержать внешние пригородные территории на некотором отдалении от непосредственной городской черты, то коттеджная застройка, несет в себе огромные риски с точки зрения планировочного хаоса и не обеспеченности инженерными коммуникациями. При этом численность населения астанинской агломерации на 1 января 2018 г. составляла 1237тыс. чел., из них в Астане проживало 1029 тыс. чел.

И в первом, и во втором документах слабо прописаны реальные возможности для реализации задач, заявленных в преамбулах документов: «Будет принят комплекс мер по приведению качества жизни на окраинах города Астаны к условиям центра города (качество жилья, состояние социальной и инженерной инфраструктуры и другие). Также будут приняты меры по недопущению разрастания города-ядра и других населенных пунктов за счет земель сельскохозяйственного и рекреационного назначения с доведением плотности городского населения до уровня не менее 1000 чел. на один квадратный километр».

К исходным представлениям об экономической специализации перспективных сельских населенных пунктов в пригородной зоне города добавились пункты позиционирования туристско-рекреационных услуг, использования свободных земель для создания экологических деревень и этноаулов с обязательной инфраструктурой их обслуживания.

Для валидации этих планов рассмотрим некоторые аспекты реального роста двух населенных пунктов: Родина и Коянды. Аул Родина (до 2010 г. – село Приозерное) получил название от известного многопрофильного сельхозформирования, особого казахстанского бренда Агрофирмы «Родина». В первом документе именно этот населенный пункт брался в качестве примера «перспективного». Ни территория, ни численность населения здесь никогда не брались в расчет с точки зрения стремительного прироста. За весь постсоветский период численность населения колебалась от 1000 до 1200 жителей, из которых половина – это работники агрофирмы. Никакой маятниковой миграции по отношению к столице нет. Чтобы попасть на работу в агрофирму и получить социальный пакет, необходимо пройти своеобразный конкурс, в котором важными параметрами являются не только профессиональные навыки, но и социальные привычки, например нетерпимость к алкоголю. Аул выполняет помимо своей экономической роли еще и роль образцово-показательного населенного пункта. За год его посещают около 100 международных делегаций, в ауле поддерживается строгий контроль за всем публичным пространством, сельхозформирование создает активную социальную программу поддержки своих работников, взамен требуя их абсолютной лояльности в качестве жителей аула, например, отказ от частного подворного хозяйства.

Второй населенный пункт Коянды – полная противоположность Родине. В советский период в нем проживало около 300 чел., и особой специализации, кроме того, что там были животноводческие фермы, у населенного пункта не было. Поэтому в первом документе ему была отведена роль контррегулятора для неконтролируемого роста пригородных территорий. Населенный пункт находился за пределами получасовой доступности до столицы и предполагалось, что если там выдавать участки различным социальным группам (многодетным, оралманам, переселенцам) подальше от непосредственной городской

черты, то будет меньше нагрузки на столицу. Однако на деле все оказалось совсем по-другому. За 20 лет территория населенного пункта увеличилась в 18 раз, а численность населения – в 90 раз. По данным 2018 г., в населенном пункте проживало 29 тыс. чел., около 200 домохозяйств при этом располагалось на самозахваченных территориях.

Если аул Родина воплощает позднесоветскую версию достатка, порядка, равнодоступной (уравнительной) социальной среды, где все жители могут жить в почти одинаковых домах, за одинаковыми заборами, то аул Коянды представляет собой другую крайность – хаотичную застройку, повсеместное отсутствие заборов, либо, наоборот, строительство очень высоких и непроницаемых заборов. При этом, если дома советской постройки в Родине выступают как «образец» частного жилья, то в Кояндах именно постройки советского периода выглядят руинами, потому что остальная часть поселка, которая хаотично разрослась, представлена большими коттеджами. Большие коттеджные дома не центрированы в отношении границ участков, планировочных линий. Отсутствие заборов, палисадников, комбинированное использование жилых и коммерческих помещений приводит к абсолютно «несоветской» картине жизни на «земле». При всех этих «непривычных» образах аул Коянды не выглядит как фавела или трущобы, скорее наоборот, это населенный пункт, где живут столичные акторы малого и среднего бизнеса, для которых работа и жизнь разведены в пределах суточной маятниковой миграции.

Один из вариантов ответа на разнящуюся картину жизни в пределах получасовой доступности столицы заключается в том, что для многих теоретиков, разработчиков генеральных планов, принципиальных схем размещения производительных сил на территории Казахстана по-прежнему стоит актуальной задача – поиска собственного инструмента анализа складывающихся культурных практик жизни на земле. Потому что в случае сохранения советского паттерна ведения коллективного хозяйства и привязки к нему населенного пункта получается картина «улучшенного советского». В случае предоставления полной свободы жителям самим «окультуривать» свои территории, становится явной методологическая недостаточность градостроительной аналитики. Задача состоит в том, как научиться анализировать реальные процессы переформатирования представлений о жизни на земле.

Рис. 2–3. Коянды в 2005 г. и в 2019 г.

Литература и источники

Постановление Правительства Республики Казахстан от 18 июня 2013 г. № 611 «Об утверждении Межрегионального плана мероприятий по развитию Астанинской агломерации до 2020 г.».

Постановление правительства Республики Казахстан от 26 июля 2018 г. № 862 «Об утверждении Долгосрочного плана формирования Астанинской агломерации до 2030 г.».

Указ Президента Республики Казахстан от 1 февраля 2010 г. «О Стратегическом плане развития РК до 2020 г.»; Правительством разработана и утверждена отраслевая программа «Жасыл даму» на 2010–2014 гг.».

Бекус Н. Э., Медеуова К. А. Смена эпох как смена столиц: Астана как глобальный центр // Неприкосновенный запас. Вместо памяти: советское сегодня. – 2011. – № 80. – С. 139–158.

*Мирлан Муктарович Дылдаев,
канд. геогр. наук, декан факультета
экологии и менеджмента
Бишкекского государственного
университета им. К. Карасаева,
Бишкек, Кыргызская Республика
dyl'daev@mail.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-40-44

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В Кыргызской Республике городское население составляет 36 %. На территории страны расположено более 31 города, а главная отличительная специфика урбанизации заключается в том, что она проходила в условиях горного территориального размещения. Городские территории, как правило, в основном расположены в долинной и низкогорной зоне республики, за исключением некоторых урбосистем, которые расположены в среднегорной части. В Кыргызской Республике природно-исторические процессы и сложившиеся культурно-традиционные особенности повлияли на формирование специфической формы урбанизации. Она отличается от классического типа сравнительно небольшим историческим отрезком времени – порядка 100–150 лет (исключая древние крепости, мавзолеи и караванные торговые стоянки). Это отличает урбанизацию в республике от мировых процессов урбанизации, непрерывность которых имеет тысячелетнюю историю. В последние двадцать лет темпы урбанизации приобрели стихийный характер, вокруг крупных городов (Бишкек, Ош и др.) выросли так называемые «новостройки», застроенные малоэтажными домами без соответствующей инфраструктуры, что существенно ухудшило санитарно-эпидемиологическую и экологическую ситуацию.

Ключевые слова: агломерация, буферные зоны, высотная поясность, геурбанистика, демографические процессы, миграция, расселение, урбанизированные зоны.

Тенденция роста городского населения и разрастания территории городов с каждым годом имеет динамику постоянно роста. Это тенденция все активнее наблюдается в странах с переходной экономикой. По мнению Г. М. Лаппо, одного из ярких представителей географической науки и урбанистики, город – особое, ни с чем несравнимое творение ума и рук человеческих. Это среда жизни всевозрастающего числа людей и место концентрации различных, делающихся все более разнообразными видов деятельности. За городами закрепилось название двигателей прогресса. В них рождается и из них распространяется новое. Это творческие лаборатории, духовные мастерские человечества. Классическая география городов – как одно из важнейших научных направлений – зародилась в нашей стране еще в 30-е гг. [1987, с. 46].

Другой аспект урбанизации – так называемая «экологическая тень», т.е., использование большого количества природных ресурсов и сырья для поддержания жизнедеятельности города, которое также идет по нарастающей тенденции.

Все это способствует возникновению целого ряда социально-экономических проблем, связанных с процессами роста городов и увеличением численности населения. При том, что сам процесс урбанизации, который кажется позитивным, по мнению многих аналитиков, порождает бесчисленное множество социально-экономических и экологических проблем.

Основным стержнем современной структуры и пространственного развития урбанизации в республике явилось формирование городских территорий в условиях масштабной индустриализации и переноса оборонных предприятий. В то же время сложность социально-экономических преобразований в период независимости привела к диспропорциям в формировании городских населенных пунктов в целом по республике и также к «ложной урбанизации», которая особо ощущается в окрестностях таких крупных городов, как Бишкек и Ош.

В Кыргызской Республике формируется своеобразный горный тип урбанизации с присущими ей элементами. Этот тип, включающий особенности классической, «традиционной» урбанизации, а также формы расселения, которые свойственны горному рельефу или горному типу урбанизации нами именуется как «Горный тип урбанизации МУ (Mountain Urbanization)».

По своей природе урбанизированные территории республики имеют ряд специфических особенностей, характерных для горных районов: а) городские поселения и в целом населенные пункты формируются в условиях горного рельефа (амплитуда высот над уровнем моря составляет 450–7439 м), самые «верхние» поселения и отдельные села расположены на высоте более 3000 м над ур. м.; б) большинство населенных пунктов размещены в долинно-предгорной части и имеют характер неравномерного размещения (на 15 % территории республики сосредоточено почти 80 % населенных пунктов).

Таким образом, основываясь на работах географов и градостроителей К. Оторбаева (1988), С. Д. Усенова (1991), Э. К. Азыковой (1988), М. М. Дылдаева (2015), на территории республики можно выделить три типа расселения [Дылдаев 2018]:

I тип – низкогорные районы расселения на высоте до 1400 м над ур. м.;

II тип – среднегорный район расселения (1400–1700 м над ур. м.);

III тип – высокогорный район расселения на высоте более 1700 м.

По высотной поясности: до 1000 м, расположено 41 % городских территорий; от 1000 до 2000 м – 54% городских территорий; выше 2000 м один город Нарын (3 %).

Определяя роль экономического потенциала на примере развития урбанизации в Кыргызской Республике, следует отметить, что после распада плановой экономики в начале 1990-х гг. произошли глубокие системные преобразования в сторону нарушения экономической базы. Это не могло не отразиться, конечно, и на развитии процессов урбанизации в целом по республике, что привело к «бесконтрольной хаотичной урбанизации», которая особо ощущается в развитии не только крупных городов, но средних и небольших городских образований в Кыргызской Республике. В результате поток внутренней и внешней миграции нарушил демографический баланс в системе расселения.

Экономические преобразования, с которыми столкнулась Кыргызская Республика (спад экономики, снижение социального уровня граждан), отразились на процессах урбанизации и градостроительстве. Со снижением темпов урбанизации связана и слабая градообразующая база городов, в том числе промышленность, наука и т. д. Многие города в следствие спада производства оказались кризисными в

экономическом плане, усилился отток квалифицированных кадров в другие регионы или страны ближнего и дальнего зарубежья. Из-за этого городские населенные пункты, бюджеты органов местного самоуправления оказались не обеспечены средствами, позволяющими им полноценно функционировать и развиваться, в том числе полноценно планировать перспективы развития.

Многие виды социальных и культурных услуг в населенных пунктах в том числе в малых городах в период независимости из-за непригодности и разворованности социально-культурных объектов стали недоступными для большей части населения. Появились и резко обострились проблемы с ростом заболеваемости, обеспечением чистой питьевой водой и т. п. В малых городах республики существует реальная опасность вспышек инфекций отдельных заболеваний, которые относятся к социальным – туберкулез, бруцеллез, кишечные инфекции, педикулез и т. п.

Геоэкологическое состояние городов в республике в зависимости от степени влияния различных факторов имеет локальные напряженные проявления. Во многих городах существует реальная экологическая угроза, что требует разработки стратегии экологически устойчивого развития урбанизированной зоны. Системообразующими факторами формирования экологической политики должны быть экономические параметры, обоснованная антропогенная нагрузка на окружающую среду и состояние здоровья населения. В настоящее время формирование природно-экологического каркаса окружающей среды городов во многих случаях идет без учета имеющихся техногенных и природно-стихийных процессов и т. д. Представляется обоснованной необходимостью активного включения в экологическую политику государства механизмов частно-государственного партнерства, а общественности – в принятие решений по экологическим вопросам.

Необходима государственная поддержка в развитии регионов и принятии концепции расселения в рамках проводимой административно-территориальной реформы, в обеспечении комплексного планирования и стимулировании экономического, социального развития областей и районов, формировании равномерного каркаса системы расселения и размещения населенных пунктов через развитие малых и средних предприятий и сервисной экономики в городах. В том числе на государственном уровне с привлечением инвесторов ежегодно необходимо вводить новые промышленные объекты в малых городах.

Литература и источники

Дылдаев М. М., Садыков С. И., Есеналиева Б. Б. Демографические процессы в условиях горного типа размещения населенных пунктов в Кыргызской Республике // Евразийское научное объединение. – 2018. – № 5 (39). – С. 234–236.

Лаппо Г. М. География городов: учеб. пособие / Г. М. Лаппо. – М.: ВЛАДОС, 1987. – 480 с.

*Данзан Дабажапович Цыденов,
Архитектурный исследовательский
институт Тяньцзо
Шеньянского архитектурного университета
Шеньян, Китайская Народная Республика
danzan23@yandex.ru*

*Соавтор: Юань Цзиньченг,
Архитектурный исследовательский институт Тяньцзо
Шеньянский архитектурный университет
Шеньян, Китайская Народная Республика*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-45-50

РАЗРАСТАНИЕ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРИГОРОДЫ БИШКЕКА, УЛАН-БАТОРА И УЛАН-УДЭ

В постсоциалистических странах Центральной Азии процессы урбанизации и субурбанизации за последние 30 лет происходили под влиянием новых социально-демографических и экономических факторов, не типичных для хорошо изученных стран Европы и Северной Америки. А проблемы пространственного развития пригородов, существующие в этом регионе, изучены недостаточно. Главная цель работы – это анализ и сравнение современных проблем пространного развития пригородов агломераций Средней Азии.

Ключевые слова: города, пригороды, Центральная Азия, урбанизация, субурбанизация.

В статье мы рассматриваем проблемы и особенности субурбанизации трех городов – Бишкека, Улан-Батора и Улан-Удэ. Они расположены в разных странах региона – Киргизии, Монголии и России. На протяжении многих лет до 1990-х гг. эти города развивались в условиях тотального государственного регулирования экономики и внутренней миграции, ограниченных возможностей трудоустройства и

приобретения жилья для сельских мигрантов. Культура жителей региона традиционно является близкой по отношению друг к другу. К тому же выбранные города находятся в схожих условиях резко-континентального климата. Все это дает нам основу для сравнения их пригородного развития.

Используя открытые данные геоинформационных систем (ГИС) (ресурсы – *openstreetmaps*, *2GIS*), официальные генеральные планы и спутниковые снимки высокого разрешения программы *LANDSAT* методом их наложения друг на друга, нам удалось выделить пригородные и застроенные зоны. Взяв данные за 1990 и 2016 гг. и используя программу *QGIS*, мы составили карты развития территорий городов, на которых наглядно виден процесс субурбанизации. Изображение Улан-Батора и методология взята из работы [*Cui* 2018].

При анализе ситуации в городах региона мы выяснили, что, несмотря на значительные экономические и социо-демографические различия, агломерации региона проходят через схожий процесс хаотичного разрастания города и поглощения пригородных поселений. Причем, в отличие от самовольной застройки пригородов Африки, Южной Америки и Азии, застройка пригородов в изучаемых городах Центральной Азии, в следствии электоральных процессов и непоследовательного регионального руководства, имеет тенденцию к легализации [*Бреславский* 2017; *Diener, Hagen* 2013; *Hatcher* 2015].

Архитектурный облик городов приобретает новые очертания. Города Средней Азии создают впечатление огромной деревни. Большая часть их площади застроена примитивными малоэтажными зданиями огороженными заборами. Большинство домов сделаны из самых дешевых материалов, без одобренных муниципалитетом проектов и противопожарных документов. А из-за жестких климатических условий, застройка построена основательно и с явными перспективами на дальнейшее обустройство [*Mayer* 2016].

Неконтролируемый рост городских агломераций (*Urban sprawl*) в регионе уже имеют серьезные негативные последствия:

- Экологическая деградация – во всех трех городах ситуация приближается к катастрофической, во многом из-за растущего трафика и использования дешевого топлива для отопления примитивных и неэнергоэффективных построек.

- Сокращение зеленых зон и сельскохозяйственной земли.

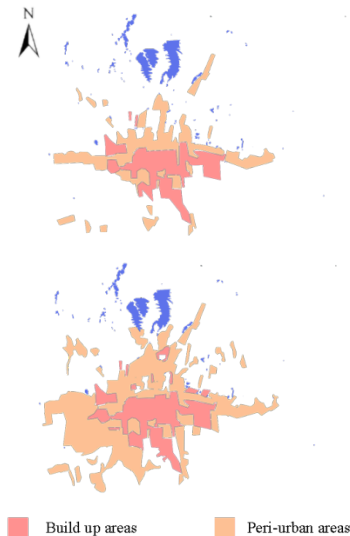

Рис. 1. Застроенная (Build-up) и слабоурбанизированные (peri-urban) территории Бишкека в 1990 (вверху) и 2016 (внизу)

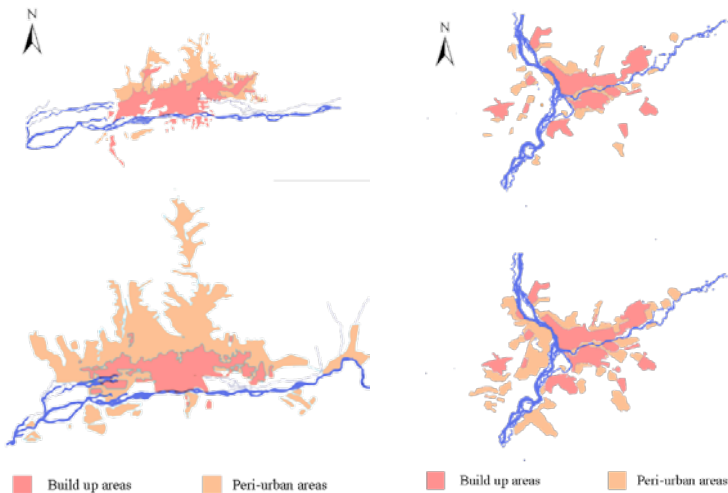

Рис. 2. Застроенная (Build-up) и слабо-урбанизированные (peri-urban) территории Улан-Батора в 1990 (вверху) и 2016 (внизу)

Рис. 3. Застроенная (Build-up) и слабоурбанизированные (peri-urban) территории Улан-Удэ в 1990 (вверху) и 2016 (внизу)

- Увеличение стоимости строительства дорожной сети и инфраструктуры. Пространственное ограничение развития города.

- Не выдерживающая растущий трафик транспортная инфраструктура.

- Сложность обеспечения общественным транспортом пригородных территорий. Вследствие чего для многих семей в пригородах, потребность иметь машину зачастую выше, чем потребность в доступной чистой воде.

- Общее снижение качества жизни жителей не только пригородов, но и города в целом.

Так же, как показало исследование, даже при относительно незначительном росте населения города, в текущих условиях, площадь, занимаемая пригородной территорией, увеличивается непропорционально значительно, что является еще одним свидетельством крайне неэффективного административного управления.

Согласно некоторым работами и моим собственным наблюдениям, большинство обустроившихся жителей пригородных территорий, которые постоянно проживают там больше 5 лет, в целом, довольны своим жильем, образуют местные сообщества и продолжают инвестировать заработанные средства в свое жилище. Одновременно с этим, жители пригородов крайне неудовлетворены окружающим их пространством. Это связано с недостатком социальной инфраструктуры (школы, детские сады, спортивные площадки), плохими дорогами, грязным воздухом, отсутствием зеленых насаждений, транспортной доступностью, мусором и преступностью. При этом большинство проживающих в пригородах людей привязаны к своим домам и часто заинтересованы в развитии окружающих их территорий [Бреславский 2014; Park 2017].

Но, к сожалению, за исключением территорий вдоль основных транспортных путей, развитие коммунальных и социальных услуг в пригородах в существующих экономических условиях затруднительно, зачастую экономически не эффективно, в сравнении с плотно застроенными территориями. Например, цена подключения к центральной отопительной системе индивидуального дома и его удельная теплоемкость может быть в десятки раз выше, чем цена подключения и удельная теплоемкость квартиры [Kamata 2010].

Также для многих жителей домов, построенных без разрешающих документов, существует свои специфические для каждого рассматри-

ваемого города риски. Например, в Бишкеке, в сейсмоактивной зоне – многие дома сделаны без проектов и из глиняных материалов, что является крайне опасным [Flynn 2012]. В Улан-Баторе существуют проблемы с дизентерией и утилизацией бытовых отходов. А в Улан-Удэ часть самовольных зданий стоят в потенциально затапливаемой зоне.

Стоит отметить, что не только у жителей пригородов, но даже у городских управленцев часто отсутствует понимание принципов устойчивого развития города и общественного вреда пригородного образа жизни [Byambadorj 2011].

Нужно признать, что существующие пригороды отельных крупных городов Средней Азии и их проблемы останутся в таком виде еще многие годы. Но агломерации Центральной Азии должны уже сейчас предпринимать меры для увеличения плотности и компактности застроенных территорий. Увеличить эффективность землепользования, оказать помощь мигрантам в развитии культуры городской жизни. Администрациям городов необходимо отказаться от сиюминутных решений, а развивать (и следовать ей) долгосрочную стратегию развития города и его пригородов, отвечающий интересам всего общества. Иначе, существующие проблемы только продолжают усугубляться. И чем больше времени пройдет, тем труднее их будет решить.

Литература и источники

Бреславский А. С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч. ред. М. Н. Балдано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 192 с.

Бреславский А. С. «Пригородная революция» в региональном срезе (Улан-Удэ) // Крестьяноведение. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 90–101.

Byambadorj T., Amati M., Ruming K. J. Twenty first century nomadic city: Ger districts and barriers to the implementation of the Ulaanbaatar city master plan // Asia Pacific Viewpoint. – 2011. – Vol. 52(2). – P. 165–177.

Cui D., Wu D., Liu J., Xiao Y., Yembuu B., Adiya Z. Understanding urbanization and its impact on the livelihood levels of urban residents in Ulaanbaatar, Mongolia // Growth and Change. 2019. – Vol. 50(2). – P. 745–774.

Diener A. C., Hagen J. City of felt and concrete: Negotiating cultural hybridity in Mongolia's capital of Ulaanbaatar // Nationalities Papers. – 2013. – Vol. 41(4). – P. 622–650.

Flynn M., Kosmarskaya N. Exploring 'north' and 'south' in post-Soviet Bishkek: Discourses and perceptions of rural–urban migration // Nationalities Papers. – 2012. – Vol. 40 (3). – P. 453–471.

Hatcher C. Illegal geographies of the state: The legalisation of a 'squatter' settlement in Bishkek, Kyrgyzstan // *International Journal of Law in the Built Environment*. – 2015. – Vol. 7(1). – P. 39–54.

Takuya K., Reichert J., Tsevegmid T., Kim Y., Sedgewick B. Managing urban expansion in Mongolia: best practices in scenario-based urban planning // *World Bank*. – 2010.

Park H., Fan P., John R., Chen J. Urbanization on the Mongolian Plateau after economic reform: Changes and causes // *Applied Geography*. – 2017. – Vol. 86. – P. 118–127.

Mayer B. Climate migration and the politics of causal attribution: A case study in Mongolia // *Migration & Development*. – 2016. Vol. 5(2). – P. 234–253.

*Габор Чанади,
канд. социол. наук
Будапештский университет,
Центр городских и региональных
исследований,
почетный директор
Будапешт, Венгрия
gcsanadi@tatk.elte.hu*

*Эдриен Чизмади
PhD, директор
Института социологии
Венгерской академии наук
Будапешт, Венгрия
csizmady.adrienne@tk.mta.hu*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-51-56

ЖИЛИЩНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ И ПРИГОРОДНОЕ РАЗВИТИЕ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ

Постсоциалистическая трансформация венгерского общества отчетливо видна в процессе субурбанизации. Мы будем исследовать социальную неоднородность участников, описывая, какие группы смогли приобрести что-то в условиях перемен, а какие – потерять. Мы пытаемся понять причины на микро- и макроуровне, а также пролить некоторый свет на последствия сегрегации в пределах населенных пунктов агломерационной зоны.

Ключевые слова: жилищная сегрегация, развитие пригорода, пост-социалистическая агломерация, Будапешт.

На примере Будапештской агломерации показаны причины ускорения субурбанизации после 1990 г. и влияние этого процесса на агломерационные поселения. Приватизация арендного жилья должна рассматриваться как существенный мотивационный фактор в условиях высокого уровня мобильности населения после смены политического режима. Приватизация жилья оказала различное воздействие на разные группы заинтересованных сторон. Помимо прочего, она значительно увеличила шансы и ограничения на переселение отдельных групп населения. Мигранты из Будапешта не могут рассматриваться как однородная группа. Есть три их основных типа. Эти три пространственно подвижные группы не только принадлежат к разностатусным социальным слоям, но также различны с точки зрения факторов, которые определяют их мобильность. Последствия их переезда также принципиально различны.

Группа высокого статуса

Первая группа – это высокостатусное население, его субурбанизационное движение в настоящее время считается «тривиальным», хорошо известным в американской и западноевропейской литературе. Одним из важных последствий перехода к рыночной экономике стало то, что этот тип субурбанизационного переселения, характерный для развитых западных обществ, получил широкое распространение и в Венгрии. В то же время эта группа способна занимать то, что она считает наиболее благоприятным пространственным положением, не только пользуясь своим выгодным рыночным положением, но и трансформируя его на рынке жилья, используя свой устоявшийся статус в социальной структуре. Однако методы переселения не просто следуют поведению, которое оптимизирует рыночную ситуацию. Более тщательный анализ данных показывает, например, что «потребность в качестве природной среды» как явная движущая сила пригородного движения, часто декларируемая членами этой социальной группы, лишь узаконивает необходимость перехода средних и высших статусных групп в среду желаемого или реального социального статуса. Можно отметить, что для групп, которые относительно свободны выбирать направления и условия пространственной мобильности, потребность в «соответствующей статусной» среде играет более важную роль в определении направления движения, чем практические соображения. Конечно, тот факт, что основным мотивом для переезда является

ся соответствующий статус, не означает, что новое место жительства, рассматриваемое таким образом, не является благоприятным в практическом плане. Кроме того, очевидно также, что при создании этих высокостатусных пригородных жилых комплексов с временно низким уровнем обеспеченности инфраструктурой жители будут использовать свои ресурсы для устранения этих недостатков, и в краткосрочной перспективе район станет выгодным и в этих аспектах. Это означает давления на органы местного самоуправления, в частности на органы муниципального развития, градостроительства, регулирующие органы и политиков с тем, чтобы они преследовали свои «законные» местные интересы.

Эта группа из-за своего высокого статуса не только способна влиять на решения небольшого города, но, например, есть несколько признаков того, что она пытается сделать более комфортным свое перемещение от места жительства до столицы. Аналогичным образом решения на региональном уровне, выходящие за рамки компетенции муниципалитета, должны приниматься с целью мобилизации всех общественных ресурсов для обеспечения того, чтобы символические резиденции, выбранные в соответствии с положением высокостатусного населения, действительно обладали максимально возможными общественными благами.

Группа среднего статуса

Второй тип переезжающих состоит из среднего класса и низших групп среднего класса. В их случае переселение происходило несколько позже, чем в случае с предыдущей группой. Они перемещались в менее привилегированные поселения или в более низкие по статусу области городов и деревни среднего статуса. В их случае, по сравнению с предыдущей группой, экологическое положение новой резиденции в районе Будапешта было относительно менее благоприятным. Важнейшим мотивом переезда в их случае были проблемы с экологией в пределах столицы. Они поняли, что их район может стать труппобным по разным причинам. В этой группе общий социальный статус был выше, чем экологический, и пригородный переезд был вызван усложнением этого противоречия. В результате в процессе субурбанизации эти социальные группы могут, конечно, ориентироваться на поселения с более низким статусом, чем первая группа, поскольку их финансовый и социальный капитал меньше. В то же время, как представ-

ляется, важное значение имеет непосредственное улучшение ситуации с жильем. Для высокостатусной группы будапештская квартира уже имела высший социальный и физический статус. Поэтому для этой группы объективные характеристики жилищной ситуации в Будапеште, возможно, не были главным стимулом к переезду, в то время как символическая ценность нового статуса жилья, возможно, доминировала. В группе среднего статуса относительно менее благоприятные жилищные условия в Будапеште действовали как отталкивающие факторы, поэтому рациональным решением для этой группы были изменения в некоторых параметрах дома.

Это перемещение стало возможным не в последнюю очередь благодаря процессу приватизации 1990-х гг., когда покупка бывшего арендного дома может рассматриваться как относительно значительное вливание капитала и для этой группы. Конечно, поскольку эти городские квартиры располагались в гораздо более низкой статусной зоне, чем в случае с ранее упомянутой группой, этого капитала было достаточно, чтобы стать рыночным покупателем (застройщиком) в среднестатусных поселениях агломерации, а также при пополнении семейного капитала за счет дополнительных средств от продажи дач, финансовой помощи родителей и т. д. Таким образом, для этой группы переезд означает в определенной мере исчерпание возможностей более широкой семьи, поэтому в некотором смысле этот шаг даже более значителен, чем в случае с первой группой. Поэтому поиск лучшего дома играет здесь большую роль.

Каковы последствия переселения этих двух социальных групп в район их проживания? Покинутые первой группой районы Будапешта с высоким статусом по-прежнему остаются таковыми. Однако бывшие районы, оставленные второй группой, сильно рискуют превратиться в трущобы из-за умеренного или более низкого статуса. Таким образом, вопреки общественному мнению, риск ухудшения ситуации в отдельных внутренних районах города связан не с оттоком людей с высоким статусом, а скорее с пригородным перемещением людей среднего статуса из трущобно-опасных районов. Однако из-за бума на рынке недвижимости в последние годы именно эти районы города находятся в стадии развития.

Группа низкого статуса

Наконец, существует относительно значительный тип движения, который часто называют субурбанизацией бедности. Люди этой кате-

гории вынуждены покидать свое место жительства, поскольку они слишком бедны, чтобы нести возросшие (растущие) расходы на жилье и содержание. В их случае плохое жилье часто сопровождается наличием задолженности по арендной плате или электроэнергии. К таким районам относятся, например, бедные жилые кварталы в столице, трущобы во внутренних районах, дворы в кондоминиумах и отдельные пригородные дома. В истории этой группы преобладал пессимистический сценарий приватизации 1990-х гг. Собственность оказала лишь минимальный положительный эффект, поскольку их новые жилищные объекты, их рыночная стоимость являются низкими, а дополнительный капитал, который они мобилизуют, настолько скромен, что их пространство для маневра резко сокращается. Это усугубляется общей проблемой, заключающейся в том, что, согласно накопленному опыту, для того, чтобы обездоленная социальная группа могла управлять возможностями, предоставляемыми в принципе социальной средой для ее собственной выгоды, требуется несколько поколений «обучения». Это связано, в частности, с низким уровнем образования группы, что, очевидно, привело к тому, что они знают меньше об условиях рынка, чем их более обеспеченные сограждане.

В их случае переезд – это попытка побега до катастрофы. Они пытаются использовать характерный тип семейного капитала. Это связано с тем историческим фактом, что значительная часть этой группы семей (или, по крайней мере, их родители или даже дедушки и бабушки) переехали в Будапешт из восточной, северо-восточной части страны в десятилетия, последовавшие после Второй мировой войны, во время процесса организации колхозов и социалистической индустриализации. Денег, доступных на строительство относительно дешевого жилья в Будапеште и ресурсов родственников, также живущих в относительно бедных районах страны, было недостаточно, чтобы найти какое-либо решение даже в более отдаленных районах агломерации. Таким образом, эти семьи возвращаются в опустевшие, относительно бедные поселения в стране, оставленные тридцать или сорок лет назад, и используют свой капитал, чтобы сделать эти полупустые и, возможно, бедные дома относительно пригодными для жизни. В этих местах безналичные формы поддержки семьи также могут быть связаны со скромным капиталом, поэтому намечается перспектива приемлемого для них на первый взгляд решения. Успех переселения зависит от того,

сможет ли данный регион страны оправиться от депрессии или нет. Поскольку большинство целевых поселений, о которых идет речь, расположены в беднейших районах страны, хотя жилищная ситуация, по-видимому, была урегулирована, проблемы с обеспечением средств к существованию не уменьшаются, а могут даже увеличиваться.

Пожалуй, самый важный вывод из нашего анализа состоит в том, что эволюция города и его окружающей среды одновременно отражает последствия «спонтанных» процессов и плановых мероприятий власти.

*Мартин Оуржедничек,
ассоциированный профессор
факультета науки,
заместитель декана
по географическим отделам,
Карлов университет
Прага, Чехия
martin.ourednicek@natur.cuni.cz*

*Адам Класак,
научный сотрудник департамента
социальной географии и регионального
развития,
Карлов университет
Прага, Чехия
klsaka@natur.cuni.cz*

*Иржи Немешкал,
научный сотрудник департамента
социальной географии и регионального
развития
Карлов университет
Прага, Чехия
jiri.nemeskal@natur.cuni.cz*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-57-62

ЧЕШСКАЯ СУБУРНИЗАЦИЯ В ЭПОХУ ПОСТТРАНСФОРМАЦИИ: РАЗВИТИЕ, ОЦЕНКА И ВЫЗОВЫ

Процесс субурбанизации является одним из наиболее изученных вопросов в рамках урбанистики Центральной и Восточной Европы, однако работы,

опубликованные в течение последних двух десятилетий, были в основном сосредоточены на разных тематических исследованиях отдельных городов [Kok, Kovács 1999; Nuissl, Rink 2005; Ouředníček 2007; Krišjāne, Bērziņš 2012]. Сопоставление масштабов и интенсивности пригородного развития на национальном уровне не имеет единого методологического подхода и общепринятого определения самого процесса. Следовательно, относительно различные измерения, используемые в тематических исследованиях, препятствуют скрупулезному сравнению процесса между разными городами и странами. Цель доклада состоит в том, чтобы ввести согласованную методологию для определения границ пригородных муниципалитетов в Чехии, описать, объяснить масштабы и пространственное распределение и сравнить развитие жилой субурбанизации в течение двух периодов: 1997–2008 и 2009–2016 гг.

Ключевые слова: субурбанизация, Чехия, пригородное развитие.

Определение субурбанизации и пригородных муниципальных образований. Субурбанизация определяется как процесс деконцентрации населения и его деятельности от ядра столичных регионов до их внутренних районов. Мы ориентируемся конкретно на пригородную жилую застройку. Изменение среды проживания является решающим фактором в процессе урбанизации, который создает напряженность и постепенную адаптацию прибывающего населения к новой физической, функциональной и социальной среде. Эти сложности, следовательно, являются основными темами эмпирического исследования в городской географии, социологии и демографии [Špačková, Ouředníček 2012]. Более того, приток новых жителей и новое жилищное строительство также являются критическими проблемами для сферы принятия решений. Поэтому характер и минимальная интенсивность строительства нового жилья рассматривались как второй фактор нашего определения. Пригородный муниципалитет определен как место с определенным минимальным уровнем жилищного строительства и долей нового населения, приезжающих из города. В случае миграции из центрального города в пригородные районы существует четыре специальных миграционных потока в зависимости от типов жилья: пригородное поселение, миграция в более старые дома, миграция пожилых людей и миграция в дома отдыха. Все эти типы миграций относительно распространены во внутренних районах чешских городов.

Методы и данные. Мы используем собственное разграничение зон пригородной жилой застройки [Ouředníček, Špačková, Klsák 2018] в ка-

честве аналитического инструмента для оценки позиционных аспектов муниципалитетов в чешской системе расселения. Основная идея методологического подхода состоит в том, чтобы выделить три основных типа чешских муниципалитетов: i) города и поселки как основные источники пригородной миграции (ii), пригородные муниципалитеты и (iii) сельские деревни и малые города. В качестве основы пригородной миграции были выбраны муниципалитеты с 10000 или более жителей (всего 130 муниципалитетов). Затем был разработан метод выбора пригородных муниципалитетов. Мы используем два статистических источника, которые доступны на уровне муниципалитетов и предоставляются ежегодно Чешским статистическим управлением: сведения о миграции и о жилищном строительстве. Мы использовали более длительные периоды оценки, чтобы сгладить годовые колебания в случае менее густонаселенных муниципалитетов. Минимальная доля миграции из основного города в муниципалитет была установлена на уровне 30 % в случае одного основного города и 40 % в случае двух или трех основных городов. Сочетание минимальной интенсивности жилищного строительства и количества завершенных квартир служит критерием для распределения муниципалитетов на три зоны пригородного проживания. Был использован иной критерий пороговых значений строительства нового жилья в первом и втором периодах. Мы также разграничили четвертую зону со всеми муниципалитетами, которые соответствовали критериям в прошлом. Мы выделили два разных периода пригородного развития: начальный этап и градацию пригородного развития в 1997–2008 гг. и период экономического кризиса и современного развития в 2009–2016 гг.

Объем и пространственное распределение жилой застройки. Объем пригородной жилой застройки в Чехии может быть измерен абсолютным и относительным количеством муниципалитетов или жителей, проживающих в пригородных зонах. Неудивительно, что все показатели растут в течение анализируемых периодов. Структура муниципалитетов делится на три основные категории – города, пригороды и сельские муниципалитеты. Стабильный пример основных городов и постепенно растущая доля муниципалитетов в пределах первой и второй зоны ярко выражены. С другой стороны, количество муниципалитетов в третьей зоне увеличивалось только до 2010 г. и с тех пор медленно сокращалось. Наконец, в период с 2008 по 2016 г. число сельских му-

ниципальных образований сократилось на 575 единиц. Численность населения, проживающего в пригородных муниципальных образованиях (1–3-я зоны), увеличилась с 1314000 в 2008 г. до 1438000 в 2016 г. Мы можем оценить примерно одну треть населения пригородных муниципалитетов, как новых приезжих - примерно 5 % общей численности населения Чехии, что является удивительно низкой цифрой. Это может быть получено из доли мигрантов на 100 постоянно проживающих жителей. Интенсивность миграции в пригороды постепенно возрастает с 28 % в 1997–2008 гг. до 37 % в период 2009–2016 гг., причем интенсивность очень высока, особенно в первой зоне (более 50 %). Таким образом, процесс субурбанизации далек от завершения и, несомненно, будет играть важную роль в будущем.

Субурбанизация – это довольно распространенный процесс, который затрагивает не только столицу и региональные центры, но буквально каждый маленький город в Чехии. Все 130 отобранных основных центров субурбанизации демонстрируют пространственную связь по крайней мере с одним пригородным муниципалитетом, который соответствовал критериям жилищного строительства и доле прибывающего населения. Фрагментация системы расселения и особенно системы генерального планирования с более строгим контролем за жилищным строительством внутри административных границ городов и меньшим контролем и знанием основных принципов планирования в небольших соседних муниципалитетах, безусловно, являются одними из основных факторов такого развития. Тем не менее пространственное распределение субурбанизации далеко не однородно по структуре. Экономическое развитие в успешных и неуспешных городских регионах существенно влияет на покупательскую способность, жилищное строительство и тенденции к снижению концентрации в городах с одинаковой численностью населения. В течение 2000-х гг. все города и поселки имели свои собственные поселения-спутники, в то время как сейчас многие более мелкие центры окружены только муниципалитетами, отнесенными к 4-й зоне. В то время как в 2000-е гг. развитие субурбанизации происходило вследствие иерархического и соседского распространения, пространственное развитие в 2010-е гг. имеет обратный характер, т. е. происходит сокращение или концентрация пригородного развития в отдельных муниципалитетах, расположенных ближе к региональным центрам. Пригородное строительство и миграция

вокруг небольших городов почти исчезли. Похоже, что пригородное строительство достигло пространственных границ, и строительство нового жилья не будет распространяться на более отдаленные населенные пункты. Тем не менее другие процессы пригородного развития, а также процессы контрурбанизации, вероятно, возрастут в ближайшем будущем.

Заключение. Согласно нашей методологии, было выявлено в общей сложности 1182 пригородных муниципалитета в Чехии. В 2016 г. 1,4 млн жителей проживали в пригородах, попавших под наибольшее влияние процесса субурбанизации. Приблизительно одна треть из них переехала из основного города, поэтому 5% всего населения Чехии можно отнести к категории пригородного. Это число представляется относительно низким по сравнению, например, с США [Johnson, Shifferd 2016]. К сожалению, аналогичное сравнение в Европе недоступно. Анализ пригородной жилой застройки в течение двух выбранных периодов – 1997–2008 и 2009–2016 гг. – показывает относительно значительные изменения в пространственной структуре пригородного развития. Как правило, это можно объяснить переходом от экстенсивной к интенсивной форме субурбанизации жилых районов. Хотя жилищное строительство не распространилось в значительной степени на другие части столичных регионов, интенсивность миграции и жилищного строительства еще выше, что создает более концентрированное развитие ближе к региональным центрам.

Литература и источники

Johnson B. E., Shifferd J. Who lives where: A comprehensive population taxonomy of cities, suburbs, exurbs, and rural areas in the United States // *The Geographical Bulletin*. – 2016. – № 57. – P. 25–40.

Kok H., Kovács Z. The Process of Suburbanization in the Agglomeration of Budapest // *Netherlands Journal of Housing and the Built Environment*. – 1999. – № 14. – P. 119–141.

Krišjāne Z., Bērziņš M. Post-socialist Urban Trends: New Patterns and Motivations for Migration in the Suburban Areas of Riga, Latvia // *Urban Studies*. – 2012. – № 49. – P. 289–306.

Nuissl H., Rink D. The “Production” of Urban Sprawl in Eastern Germany as a Phenomenon of Post-socialist Transformation // *Cities*. – 2005. – № 22. – P. 123–134.

Ouředníček M. Differential Suburban Development in the Prague Urban Region // *Geografiska Annaler: Human Geography*. – 2007. – № 89B. – P. 111–125.

Špačková P., Ouředníček, M. Spinning the Web: New Social Contacts of Prague's Suburbanites // *Cities*. – 2012. – № 29. – P. 341–349.

Ouředníček M., Špačková P., Klsák A. Zóny rezidenční suburbanizace v obcích Česka 2016: specialised map / Prague, Charles University, Faculty of Science, URRlab. <http://www.atlasobyvatelstva.cz/cs/zony-2016>.

*Зайга Кришьяне,
д-р географии, проф. департамента
гуманитарной географии,
факультета географии
и естественных наук
Латвийского университета
Рига, Латвия
zaiga.krisjane@lu.lv*

*Соавторы: Янис Круминьш, Марис Берзиньш,
Том Скадиньш, Гвидо Сечи, Элина Ансит-Берина*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-63-66

СТАРЕЮЩИЙ ГОРОДСКОЙ ЦЕНТР И ОБНОВЛЯЮЩИЕСЯ ПРИГОРОДЫ: РИГА В 2000–2016 ГГ.

Процесс старения является общей чертой для многих постсоциалистических городов в Центральной и Восточной Европе, в то время как пригородные районы демонстрируют тенденцию к омоложению. Предыдущие исследования подчеркивали, что изменения возрастной структуры населения постсоциалистических городов и пригородов в основном обусловлены субурбанизацией. Целью исследования является изучение пространственных и временных закономерностей структуры населения Риги и ее мегаполиса. Исследование анализирует переписи 2000 и 2011 гг., а также данные регистрации населения за 2016 г., чтобы дать обзор жилищных моделей и географических тенденций наиболее мобильной возрастной группы (25–34 года) и наименее мобильной (65+ лет). Наши результаты показывают, что существует жилищная кластеризация в Риге и ее мегаполисах, приводящая к жилой (демографической) поляризации.

Ключевые слова: постсоветская субурбанизация, возрастная структура, старение, жилищная (демографическая) поляризация, городской упадок.

Одна из главных проблем городского и регионального развития в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) связана с последствиями демографических изменений [Haase и др. 2011; Kabisch, Haase 2011; Kulcsak, Brown 2017; Fihel, Okólski 2019]. Многочисленные исследова-

ния показали, что демографический переход, старение, рождаемость, диверсифицированные структуры домохозяйств оказывают значительное влияние на сокращение городов, региональный рынок труда и жилья [Buzar и др. 2005; *Steinführe, Haase* 2007; *Botev* 2012; *Kurek* и соавт. 2017, *Kurek, Wojtowicz* 2018, *Kazimierczak, Szafrńska* 2019]. Многие исследования, посвященные сокращению городов и постсоциалистическому переходу, обычно приходят к выводу, что эти аспекты имеют сложные взаимосвязи [Couch et al. 2012]. Концепция множественных преобразований может быть использована как способ объяснения постсоциалистического городского перехода, особенно временной и пространственной динамики демографических изменений и их последствий для политики, планирования и регионального развития [*Sykora, Bouzarovski* 2012; *Rink* и др. 2014]. Как и в других странах ЦВЕ, в Латвии развитие пригородных районов способствовало демографическим различиям между столичными и не столичными регионами. Нынешние демографические тенденции вызывают обеспокоенность в связи с тем, что старение населения может привести к усилению демографической поляризации как на местном, так и на региональном уровне.

Поэтому целью исследования было изучение пространственных и временных закономерностей структуры населения Риги и ее мегаполиса. Наше исследование было сосредоточено на оценке изменения возрастной структуры территориальных единиц Рижской агломерации с целью определения областей, которые характеризуются тенденциями старения или омоложения с 2000 г.

В исследовании анализируются данные геокодированной сетки площадью 1 км², полученные в результате переписи населения 2000 и 2011 гг., а также по данным регистрации населения 2016 г., с тем, чтобы обеспечить обзор моделей расположения и тенденций в географии наиболее мобильных (25–34) и наименее мобильных (65+) возрастных групп. Мы используем анализ горячих точек (*Getis-Ord Gi**), чтобы найти кластеры горячих и холодных точек определенных возрастных групп и оценить их пространственную протяженность на национальном и региональном уровне путем проведения исследовательского анализа пространственно-временных данных [*Getis, Ord* 1992, 1996; *Goodwin, Schoby* 2014; *Gregory, Patuelli* 2015]. Этот часто используемый метод анализа точечных паттернов показывает, где пространственно группируются объекты с высокими или низкими значениями.

Полученные результаты свидетельствуют о различном возрастном составе и закономерностях развития в пределах столицы и ее столичного региона. Городское разрастание, развитие зеленых насаждений, развитие застройки, прибрежная джентрификация приводят к увеличению числа молодых жителей. Горячие точки молодежи проявляются в городском ядре Риги. Это можно охарактеризовать как процесс реурбанизации некоторых районов. В других районах Риги наблюдается увеличение численности пожилого населения, что особенно заметно в советских панельных жилых комплексах. С 2000 по 2016 гг. население Риги сократилось на 15 % [Central... 2019]. Некоторые из них стали жителями пригорода. Однако демографическое старение гораздо более заметно в периферийных районах пригорода. Наши результаты показывают, что для самой мобильной группы горячие точки были заметны не только в окрестностях Риги, но и в городском ядре столицы. В целом, в Риге и ее столичных районах наблюдалась повышенная жилищная кластеризация, что привело к жилой (демографической) поляризации.

Литература и источники

Botev N. Population ageing in Central and Eastern Europe and its demographic and social context // *European Journal of Ageing*. – 2012. – № (90) 2. – P. 69–79.

Buzar S., Ogden P., Hall R. Households matter: The quiet demography of urban transformation // *Progress in Human Geography* – 2005. – № (29)4. – P. 413–436.

Central Statistical Bureau of Latvia (CSB LV) ISG020. Population number and its change by statistical region, city, town and county. – 2019.

Couch C., Cocks M., Bernt M., Grossmann K., Haase A., Rink. D. Shrinking Cities in Europe // *Town & Country Planning*. – 2012. – № (81)6. – P. 264–270.

Fihel A., Okólski M. Population Sociétés. – 2019. – № 567. – URL: www.ined.fr.

Getis A., Ord J. K. Local spatial statistics: an overview // *Spatial analysis: Modelling in a GIS environment* / ed. by P. Longley, M. Batty. – New York: John Wiley & Sons, 1996. – P. 261–282.

Getis A., Ord J. K. The analysis of spatial association by use of distance statistics // *European Geographical Analysis*. – 1992. – № (24)3. – P. 189–206.

Goodwin G. C., Schoby J., Council W. A Hot Spot Analysis of Teenage Crashes: An Assessment of Crashes in Houston, Texas. – TX: Texas Southern University, 2014. – 33 p.

Gregory T., Patuelli R. Demographic ageing and the polarization of regions – an exploratory space–time analysis // *Environment and Planning A* – 2015. – № (47)5. – P. 1192–1210.

Haase A., Steinführer A., Kabisch S., Grossmann K., Hall, R. (Eds.). Residential change and demographic challenge: the inner city of East Central Europe in the 21st century. – Farnham: Ashgate Publishing, 2011. – 376 p.

Kabisch N., Haase D. Diversifying European agglomerations: evidence of urban population trends for the 21st century // *Population, space and place*. – 2011. – № (17)3. – P. 236–253.

Kazimierzczak J., Szafrńska E. Demographic and morphological shrinkage of urban neighbourhoods in a post-socialist city: the case of Łódź, Poland // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. – 2019. – № (101)2 – P. 138–163.

Kulcsak L., Brown D. Population Ageing in Eastern Europe: Toward a Coupled Micro-Macro Framework // *Regional Statistics*. – 2017. – № 7 – P. 115–134.

Kurek S., Wojtowicz M. Reurbanisation in a post-socialist city: spatial differentiation of the population in the Kraków Area (Poland) // *Geographia Polonica*. – 2018. – № (91)4. – P. 449–468.

Kurek S., Wojtowicz M., Gałka J. Does suburbanisation contribute to the rejuvenation of a metropolitan area? Changes in the age structure of the Kraków metropolitan area in Poland in the light of recent suburbanization // *Geographia Polonica*. – 2017. – № (90)2. – P. 59–70.

Rink D., Couch C., Haase A., Krzysztofik R., Nadolu B., Rumpel P. The governance of urban shrinkage in cities of post-socialist of a metropolitan area? Europe: policies, strategies and actors // *Urban Research & Practice*. – 2014. – № (7) 3 – P. 258–277.

Steinführer A., Haase A. Demographic change as future challenge for cities in East Central Europe // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. – 2007. – № (89)2. – P. 183–195.

Sýkora, L., Bouzarovski, S. Multiple transformations: Conceptualising the post-communist urban transition // *Urban Studies*. – 2012. – № (49)1. – P. 43–60.

*Гвидо Сечи,
PhD, профессор департамента
гуманитарной географии
факультета географии
и естественных наук
Латвийского университета
Рига, Латвия
guidosechi78@gmail.com*

Соавторы: Зайга Кришьяне, Марис Берзиньш, департамент гуманитарной географии факультета географии и естественных наук Латвийского университета

Дмитрий Житин, кафедра экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-67-72

СОЦИАЛЬНАЯ СЕГМЕНТАЦИЯ В ХОДЕ СУБУРБАНИЗАЦИИ ПОСЛЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И РИГИ

Данное исследование – сравнительный анализ моделей субурбанизации и их взаимосвязи с социально-пространственной динамикой сегментации и сегрегации в функциональных районах Санкт-Петербурга и Риги на основе количественных вторичных социально-экономических данных, доступных на районном и муниципальном уровне. Результаты показывают сходные модели субурбанизации и сегментации в двух тематических исследованиях и значительную связь между этими двумя явлениями. В то же время обнаруживаются некоторые существенные различия в зависимости от демографических, экономических и рыночных особенностей двух стран и городов. В итоге, выдвигается предположение об интеграции предложенного мезоуровневого анализа с мультискалярной перспективой и расширением сравнительной перспективы в анализе городов.

Ключевые слова: постсоветская субурбанизация; социально-пространственная сегментация; пространственное неравенство; сравнительный анализ; мезоуровневый анализ.

Изучение социально-пространственной динамики и неравенства в постсоциалистической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза является важной отраслью исследований переходного периода. Открытые вопросы в этой области варьируются от определения теоретических основ до доступности данных и методологических подходов. Что касается первого аспекта, то традиционные предположения, в значительной степени опирающиеся на объяснения зависимости пути и линейные нарративы модернизации, были недавно оспорены концептуализациями, сосредоточенными на «гибридной» природе постсоциалистического городского пространства. В связи с этим утверждается, что как многоуровневые / мультискалярные, так и сравнительные исследовательские подходы могут пролить свет на более сложную динамику трансформации. Эти подходы выглядят полезными для того, чтобы перейти от чисто описательного и индуктивного вклада к концептуальному, и одновременно рассмотреть общие характеристики государственного социалистического наследия и постсоциалистического перехода, а также контекстуальные особенности стран и городов.

Одним из наиболее часто изучаемых явлений в контексте социально-пространственной трансформации является динамика субурбанизации. Субурбанизация была почти несуществующим явлением при государственном социализме, но она стала актуальна в бывших социалистических государствах Восточной Европы и бывшего СССР с момента распада социалистической системы. На самом деле, многие страны постсоциалистической Европы характеризуются тенденцией к деурбанизации, которая редко встречается в современном мире. Субурбанизация в регионе была интерпретирована как динамика модернизации. Однако это явление, тесно связанное с сегментацией рынка жилья, часто имеет социально-экономическую классовую характеристику и имеет соответствующие последствия с точки зрения социально-пространственной дифференциации и сегрегации. В связи с этим в нескольких эмпирических исследованиях, проведенных в городах бывших социалистических государств Восточной Европы и бывшего СССР, обнаружена связь между субурбанизацией и социальной напряженностью,

сегрегацией и изоляцией. Кроме того, эти тенденции также связаны с типичными вредными экологическими и социальными последствиями разрастания городов.

Это исследование представляет собой попытку проанализировать, в сравнительной перспективе, тенденции и динамику субурбанизации, ее значения и последствия для социально-пространственной сегментации, в последние 30 лет в двух городах – Санкт-Петербурге и Риге, которые являются двумя крупнейшими постсоветскими городскими центрами в районе Балтийского моря. Анализ основан на данных переписи населения 2010–2011 гг. и данных регистрации населения за период 1991–2018 гг., отражающих тенденции субурбанизации с точки зрения социального статуса (образование, род занятий, благосостояние), а также стоимости имущества и типологии развития внутренних и внешних пригородов в функциональных районах двух городов. В качестве функциональной зоны мы определяем территорию, соответствующую городу, как административную единицу, а также внешние муниципальные образования, расположенные на расстоянии 60 минут езды от центра города на общественном транспорте. Мы определяем типологии внутренних и внешних пригородов на основе их демографических тенденций, их среднего уровня социально-экономического благосостояния и характеристик жилищного строительства. Такой подход позволяет понять динамику и характеристики субурбанизации в двух городах, их сходства и различия. Кроме того, он направлен на то, чтобы дать указания для метаразмышления о полезности сравнительных подходов, сильных и слабых сторонах анализа мезоуровня, а также об обосновании его интеграции с микро- и макро-перспективами.

В целом, оба города в постсоветский период характеризовались, в широком смысле, сокращением населения во внутреннем историческом ядре и советских районах массового проживания, а также увеличением внутренних и внешних пригородов. Эти процессы часто определялись поиском более дешевого жилья в пригороде в 1990-х гг., но с 2000-х гг. они в основном обусловлены строительством нового жилья. В последние два десятилетия они вносят значительный вклад в социально-экономическую сегментацию. В обоих исследованных случаях наблюдается пояс средних богатых муниципалитетов-спутников, граничащих с городской чертой и окруженных менее богатыми муниципалитетами, в то время как в пределах города богатые внутренние при-

города в основном связаны с историческими досоветскими престижными районами и районами с низкой плотностью застройки нового жилья. Помимо этого, существуют также соответствующие различия, которые отражают различные характеристики на городском, региональном и национальном уровнях с точки зрения пространственной и экономической структуры, демографических тенденций и спроса на рынке жилья. В Риге наблюдается значительно более резкое сокращение населения в самом городе и увеличение внешних пригородов (населенных пунктов-спутников), тогда как в Санкт-Петербурге прирост населения в большинстве пригородов, граничащих с городом, сочетается со стабильным уровнем в большинстве районов самого города, где общее изменение численности населения является положительным с 2003 г., в основном за счет внутренней и внешней иммиграции. Кроме того, субурбанизация, обусловленная жилищным строительством после 2000 г. в Санкт-Петербурге более неоднородна в социально-экономическом плане, в то время как в Риге это явление, как правило, связано со средним классом. Это отражает более высокую неоднородность типологий развития загородного жилья в российском случае, при этом многоэтажное жилье и застройка микрорайонов с высокой плотностью населения в основном нацелены на представителей низшего среднего класса, а жилье типа коттеджей предназначено для высших классов. В Риге частное и малоэтажное жилье, предназначенное для среднего и высшего класса, преобладает в развитии загородной недвижимости. Третье основное отличие относится к экономической и трудовой структуре муниципальных образований функционального района. В Рижской области более богатый пояс состоит из почти чисто жилых муниципалитетов, где доля пассажиров, приезжающих в город, близка к 100%. В функциональном районе Санкт-Петербурга типология наиболее богатых муниципалитетов более разнообразна, включая как жилые коттеджные районы так и города-спутники, и промышленные города, характеризующиеся относительно успешной экономической деятельностью и показателями.

В целом анализ показывает, что динамика субурбанизации сильно способствует сегментации, хотя и в разных формах в обеих областях. Эти результаты подтверждают тот факт, что рыночное развитие пригородов является важным фактором функциональной трансформации пространства и социально-пространственной сегментации и поля-

ризации в постсоветских городах. Сравнение между функциональными районами двух городов показывает в этом отношении как много сходств, так и много контекстуальных различий. Последние, однако, по-видимому, подвержены влиянию общих экономических, демографических и рыночных различий между двумя странами и городами, а не другой политико-идеологической логикой и разными стратегическими решениями.

В целом можно сказать, что принятый сравнительный подход может дать существенную информацию о характеристиках субурбанизации и ее социально-пространственных последствиях и влиянии в постсоветских городах. Однако для того, чтобы понять динамику субурбанизации недвусмысленным образом, этот подход должен быть дополнительно интегрирован с перспективой многоуровневого анализа, ориентированного как на роль стратегий и политического/идеологического дискурса на макроуровне, так и на динамику сегментации, поляризации и сегрегации на микроуровне. Отдельно следует отметить, что нужно проявлять осторожность в отношении обобщенных предположений о сходстве, принимая во внимание особенности двух городов с точки зрения влияния постсоциалистической урбанизации. Сравнение, например, с городами, построенными в социалистический период, может привести к выявлению более резких различий.

Литература и источники

Borén T., Gentile M. Metropolitan processes in post-communist states: an introduction // *Geografiska Annaler*. – 2007. – 89 B (2). – P. 95–110.

Frost I. Exploring varieties of (post)Soviet urbanization: reconciling the general and particular in post-socialist urban studies // *Europa Regional*. – 2018. – № 25 2017(2). – P. 2–14. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-59047-7>.

Golubchikov O. Interurban Development and Economic Disparities in a Russian Province // *Eurasian Geography and Economics*. – 2006. – N 47:4. – P. 478–495.

Golubchikov O. The urbanization of transition: ideology and the urban experience // *Eurasian Geography and Economics*. <http://dx.doi.org/10.1080/15387216.2016.1248461>.

Grubbauer M., Kusiak J. (Eds.). *Chasing Warsaw. Socio-Material Dynamics of Urban Change since 1990*. Campus Verlag GmbH, Frankfurt-on-Main, 2012.

Hirt S., Stanilov K. (2009). *Regional study prepared for Planning Sustainable Cities: Global Report on Human Settlements 2009*. <http://www.unhabitat.org/grhs/2009>.

Soja E. The city and spatial justice // *Spatial justice*. 2009. N.1, September.

Sykora L., Stanilov K. The challenge of post-socialist suburbanization. In: Sykora L., Stanilov K. (eds.), *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Chichester: Wiley. 2014. – 360 c.

Timar T., Varadi M. M. The uneven development of suburbanization during the transition in Hungary // *European Urban and Regional Studies*. – 2001. 8(4): – P. 349–360.

Wiest K. Comparative Debates in Post-Socialist Urban Studies // *Urban Geography*, 2012. – N 33:6. – P. 829-849.

СЕКЦИЯ 2

ПЕРСПЕКТИВЫ (СУБ)УРБАНИЗАЦИИ И ПРИГОРОДНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

*Анна Викторовна Винокурова,
канд. социол. наук, доц.
департамента социальных наук
Дальневосточного федерального
университета
Владивосток, Россия
vinokurova77@mail.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-73-79

ПРИГОРОДЫ КРУПНЫХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ: ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ (КЕЙС ВЛАДИВОСТОКА)*

В работе рассматриваются проблемы территориального и демографического развития пригородов крупных российских городов Дальнего Востока. В качестве основного объекта исследования нами выбран Владивостокский городской округ и его пригородные островные территории, конкретно – остров Русский. Анализ изучаемой проблемы мы осуществляли с опорой на данные официальной статистики и социологические методы (анкетный опрос, нарративное интервью). Состояние и противоречия модернизации островных пригородов Владивостока рассмотрены в контексте специфики географического

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00768 «Жизнь на фронтире: миграции и мобильности в приграничье».

положения, демографических, социальных и культурно-бытовых аспектов жизнедеятельности людей, постоянно проживающих на о. Русском. Территориальное развитие островных пригородных территорий должно строиться не только на основе привлечения внимания к Дальнему Востоку как стратегическому и приоритетному объекту развития социально-экономических и социально-политических отношений, но и с учетом «живых» проблем самих дальневосточников – «островитян», круг которых достаточно широк и разнообразен.

Ключевые слова: региональное и территориальное развитие; демографические процессы; Дальний Восток; Владивостокский городской округ; островные территории; пригороды.

Владивосток является одним из главных участников новой региональной политики России, сопряженной с общей задачей развития Дальнего Востока, поставленной Президентом Российской Федерации В. В. Путиным: «Сегодня мы видим будущее Дальнего Востока как одного из ключевых центров социально-экономического развития страны, который должен быть эффективно интегрирован в быстро развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион в целом» [*Актуализация стратегии... 2017*].

Столица Приморья в последние годы стала настоящим полигоном для отработки новых идей развития экономики, социальной сферы и управления, реализуемых в пилотном варианте на Дальнем Востоке [см. подробнее: *ФЗ № 119-ФЗ «О дальневосточном гектаре»*; *ФЗ № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток»*; *ФЗ № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ»*]. При этом не стоит забывать, что при планировании и ведении городского хозяйства, промышленного и гражданского строительства важно учитывать наличие большого количества транспорта и промышленных предприятий, полуостровное географическое положение города, гористость рельефа. Владивостокский городской округ занимает территорию полуострова Муравьева-Амурского, полуостров Песчаный и около 50 островов залива Петра Великого. Помимо самого Владивостока, в его состав входят следующие поселения: с. Береговое, поселки Попова, Рейнеке, Русский, Трудовое. Из пяти указанных пригородных территорий три являются островными.

Из-за дефицита земель на материковой части Владивостока власти, застройщики, покупатели жилья, простые горожане все чаще обращают внимание именно на островные территории, среди которых наиболее привлекателен о. Русский. Автомобильный мост через пролив Бос-

фор Восточный, построенный в 2012 г., обеспечивает наземное сообщение с Русским, в то время как острова Попова и Рейнеке связаны с материком только паромной переправой. В то же время статус острова Русский неоднозначен. Он определяется как «точка роста для всего Дальневосточного региона, крупный центр международного сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона», как «город-спутник», как «территория опережающего развития» и т. п. [см. подробнее: *Бойков 2014; Крупнов 2014; Третьяк 2015*]. Во всех приведенных определениях фиксируется не столько современное положение острова, сколько его перспективное состояние.

Перспективы территориального развития детально представлены в «Концепции развития острова Русский» [см. подробнее: *Распоряжение Правительства РФ от 30 мая 2017 года № 1134-р*], реализация которой планируется в два этапа: I этап – 2017–2022 гг.; II этап – 2023–2027 гг. На первом этапе предусматривается строительство инфраструктуры Владивостокской кольцевой автомобильной дороги (мост Владивосток – остров Елены, мост остров Елены – полуостров Саперный) и автомобильного моста через бухту Новик с магистральной дорогой, обеспечивающей доступ к объектам инфраструктуры, расположенным на основной части острова Русский. К планируемым объектам первой очереди относятся: центр международного сотрудничества, алмазный центр, центр ядерной медицины, туристско-рекреационные объекты (природный комплекс острова Русский, парк «Патриот», многофункциональный семейный центр с аквапарком и туристический комплекс «Владивостокская крепость»), торгово-развлекательные площади, инновационно-культурный центр.

Таким образом, территориальное развитие Русского как островного пригорода Владивостока предусматривает создание международного научно-образовательного и технологического кластера с реализацией вспомогательных функций (жилой, торгово-развлекательной, гостиничной, офисной, рекреационной, социальной), с увязкой их между собой и развитием города в целом.

Однако, как отмечают эксперты, на сегодняшний день активно используется только около 30% площади острова, в основном – территория полуострова Саперный [*Шатина 2017*]. Еще более острый вопрос, который препятствует развитию Русского – это то, что вся территория острова находится в запретной зоне военного объекта – Владивостокского лесничества Министерства обороны. Кроме того, часть территории острова относится к охранным зонам памятников природы краево-

го значения – геологическим разломам Тобизинский, Анизийский, Чернышевский, где запрещается ведение хозяйственной деятельности.

Также имеется множество проблем социального характера, с которыми сталкиваются «островитяне». В настоящее время численность населения острова Русский существенно увеличилась. Если в 2010 г. она составляла 4703 чел. [*Численность населения России...* 2010] , то к настоящему времени достигает порядка 15 000 чел. Такой стремительный рост был обусловлен строительством и введением в эксплуатацию жилых площадей кампуса Дальневосточного федерального университета. На сегодняшний день в кампусе постоянно проживает около 10 500 чел., из которых подавляющее большинство – студенты [*Цифры и факты 2019*].

Студенческая молодежь, проживающая на острове Русский, представляет особый интерес, поскольку данная социальная группа может быть определена как образовательные мигранты. А образовательная миграция – это один из самых желательных миграционных каналов для Приморского края, поскольку, таким образом, обеспечиваются экономические, геополитические и социально-демографические эффекты. К числу последних можно отнести увеличение молодежных групп в возрастной структуре населения, пополнение трудовых ресурсов, в том числе и за счет высококвалифицированных специалистов.

Именно поэтому нам представилось целесообразным проведение исследования, выявляющего, насколько комфортным для студентов является проживание в кампусе ДВФУ. Исследование носило разведывательный характер, проводилось в марте-апреле 2019 г. Основной метод сбора информации – анкетный опрос. Выборочная совокупность – квотная. В качестве квотируемых признаков нами были выбраны пол и регион происхождения студентов. Общий объем выборочной совокупности составил 225 чел.

Перейдем к описанию основных результатов исследования. При выборе образовательного учреждения студенты зачастую руководствуются вполне прагматичными мотивами. В том числе они отмечают комфортные условия жизни (60,7 % опрошенных). Но при этом демонстрируют желание объединить удобство с другими характеристиками, а именно с высоким качеством образования. Можно сказать, что мотивы студентов, связанные с выбором вуза, не являются сугубо прагма-

тичными, ориентированными только на удобство и комфорт, они учитывают и содержание, и условия образовательного процесса.

Практически все иногородние студенты (95 %) проживают именно в общежитиях на острове Русском. Но 24,6 % студентов, принявших участие в нашем исследовании, указали на наличие жилищных проблем: сложность самой процедуры получения места в общежитии; необходимость освобождать комнату на период летних каникул; бытовые трудности (перебои с горячей водой, работой лифтов и т.п.). 18,9 % отметили невозможность получить доступ к медицинским услугам.

Также получить место в общежитии могут сотрудники ДВФУ, которые не имеют постоянной регистрации на территории Владивостокского городского округа. В настоящее время в кампусе ДВФУ проживают около 300 преподавателей, представителей административно-управленческого персонала [Город на острове 2016]. Мы дополнили результаты анкетного опроса студентов нарративными интервью с научно-педагогическими работниками, проживающими в общежитиях кампуса. В качестве информантов согласились принять участие в исследовании 18 человек из числа профессорско-преподавательского состава, в качестве основного котируемого признака мы опирались на следующие социально-демографические характеристики респондентов: семейный статус (женат/замужем) и наличие детей.

При всем разнообразии тем, описываемых опрашиваемыми в своих нарративах, самым повторяющимся был сюжет о том, что жилая среда кампуса совершенно не соответствует потребностям семей с детьми. Все информанты отмечают практически полное отсутствие доступа к услугам детских дошкольных и общеобразовательных учреждений (или его существенное ограничение). На территории кампуса нет ни детского сада, ни школы. Очень много претензий у информантов и к организации повседневного быта семей с детьми, проживающих в кампусе. Почти все они указали на то, что жилые помещения функционируют по принципу гостиниц, зачастую нет условий для удовлетворения элементарных потребностей (приготовления пищи, стирки и т.п.). Приведем некоторые показательные цитаты, иллюстрирующие сложившуюся ситуацию: «... конечно плюсов много, до работы мне два шага... Но вот быт все убивает... В нашем номере нет стиральной машинки, нужно ходить в прачечную, которая находится в соседнем корпусе...» (И1, женщина, замужем, 29 лет); «... у нас маленький ребе-

нок... ассортимент детского питания в магазинах на кампусе оставляет желать лучшего... А в комнате даже не предусмотрено возможности нормально разогреть еду, выкручиваемся, как можем...» (И14, мужчина, 36 лет). Также отмечаются и другие трудности: ограничение доступа к медицинской помощи, проблемы в сфере транспортной доступности и др. Таким образом, можно констатировать, что привлекательность острова Русский именно как территории для жизни, по мнению самих постоянно проживающих там студентов и сотрудников ДВФУ, находится не на должном уровне.

Можно заключить, что территориальное развитие островных пригородных территорий должно строиться не только на основе привлечения внимания к Дальнему Востоку как стратегическому и приоритетному объекту развития социально-экономических и социально-политических отношений, но и с учетом «живых» проблем самих дальневосточников-«островитян», круг которых достаточно широк и разнообразен.

Литература и источники

Бойков Я. Русский остров станет точкой роста для всего Дальневосточного региона (дата публикации: 25.09.2014) // Информационно-аналитический проект «NEWSROOM.SU» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsroom.su/?p=32483> (дата посещения: 17.09.2019).

Город на острове // Медиапроект ТАСС про российский Дальний Восток «DV.LAND» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dv.land/people/gorod-na-ostrove> (дата посещения: 11.10.2019).

Крупнов Ю. Комплексные градостроительные программы – градостроительная революция – как основа новой стратегии развития Дальнего Востока России (дата публикации: 14.11.2014) // Портал общественных действий по развитию страны «Проектное государство» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proektnoegosudarstvo.ru/publications/0385/> (дата посещения: 17.09.2019).

Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Актуализация стратегии и стратегического плана развития г. Владивостока до 2020 года с продлением срока действия до 2030 года» (дата публикации: 15.05.2017) // Официальный сайт администрации города Владивостока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vlc.ru/city/social_economic_development/aktualizatsiya-strategii/ (дата посещения: 01.10.2019).

Распоряжение Правительства РФ от 30 мая 2017 года № 1134-р (с изменениями на 28 сентября 2018 года) «Об утверждении Концепции развития острова Русский» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической доку-

ментации «Кодекс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/436739101> (дата посещения: 12.09.2019).

Третьяк Г.Е. Кластеры Дальневосточного федерального университета – точки роста ТОР (территория опережающего развития) «о. Русский» // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – С. 411.

Федеральный закон «О свободном порте Владивосток» от 13 июля 2015 года № 212-ФЗ // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата посещения: 14.09.2019).

Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата посещения: 14.09.2019).

Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01 мая 2016 года № 119-ФЗ // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата посещения: 14.09.2019).

Цифры и факты // Официальный сайт Дальневосточного федерального университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dvfu.ru/about/facts-and-figures/> (дата посещения: 10.10.2019).

Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов – районных центров и сельских населенных пунктов с населением 3 тысячи человек и более // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года // Официальный сайт федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-05.pdf (дата посещения: 29.09.2019).

Шатина Ю. Реализация концепции развития острова Русский позволит «рассекретить» территорию (дата публикации: 31.03.2017) // Официальный сайт администрации Приморского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.primorsky.ru/news/125695/> (дата посещения: 30.09.2019).

*Алина Павловна Иванова,
канд. архитектуры,
доц. кафедры дизайна
архитектурной среды
Тихоокеанского государственного
университета
Хабаровск, Россия
iva.nova@mail.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-80-85

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ НАРОДНАЯ АРХИТЕКТУРА: ГОРОДА И СУБУРБИИ

В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение о том, что локальная «народная» архитектура воспроизводит первичную культурную матрицу, заложенную в эпоху фронта. Для понимания современного архитектурного ландшафта дальневосточных городов (Благовещенска, Уссурийска, Хабаровска, Петропавловска-Камчатского, Южно-Сахалинска, Владивостока), необходимо вернуться к эпохе фронта и выявить основные архитектурные сюжеты, связанные с этими локациями. Дается анализ исторической архитектуры, типичной для каждого из перечисленных городов, выявляются иконические объекты, послужившие прототипами современному вернакуляру. На материале, собранном в экспедициях, рассматриваются особенности «народной» архитектуры, характерной для каждого конкретного города.

Ключевые слова: субурбии, архитектура фронта, народная дальневосточная архитектура.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00537. Доклад, написанный по итогам летнего полевого сезона 2019 г., посвящен сравнению вернакуляра дальневосточных городов. В качестве рабочей гипотезы выдвигается

предположение о том, что локальная «народная» архитектура воспроизводит первичную культурную матрицу, заложенную в эпоху фронта-ра.

Конкретизация предлагаемых терминов. «Народная» архитектура – условная категория, которая включает жилую и коммерческую застройку, созданную без участия государства, девелопмента и крупного бизнеса; «народная» архитектура рассматривается как органичное продолжение архитектуры фронта-ра.

Источниковая база исследования. Помимо планомерной фотофиксации объектов, личных наблюдений, опросов и «устных мемуаров», мы опирались на корпус хроник фронта-ра – дневники, травелоги, письма и воспоминания конца XIX – начала XX в. [Арсеньев 1926; 912], [Кауфман 1901;1905], [Янковский 2012; Прей 2011], а также монографии местных краеведов [Зуева 2012; Витер 1997; Самарин 2018].

Особенности формирования дальневосточного культурного ландшафта. Дальневосточные города, основанные в XIX – первой трети XX в., так и остались одинокими полисами, островками цивилизации, затерянными в бескрайних пустынных пространствах. Это замкнутые на себе анклав-ы, где вновь и вновь воспроизводится архитектура первого этапа колонизации. Тема рецепций архитектуры фронта-ра в современных субурбиях была раскрыта в учебном пособии [Иванова 2018]. Основное различие дальневосточных городов связано с географическим положением и способом колонизации. Ключевые пункты континентальной колонизации: Благовещенск, Хабаровск, Уссурийск-Никольский. Исторические центры этих городов имеют прямоугольную планировку, типичную для колониального градостроительства и успешно применявшуюся еще римскими легионами. Южно-Сахалинск, лежащий в плодородной долине, также сохранил жесткую регулярную структуру, заложенную японцами в период Карафут-о.

Ключевые пункты морской колонизации расположены на резко выраженном рельефе и отличаются сложной живописной планировкой. Если в континентальных городах слободы и окраины расползаются по горизонтали, вдоль основных транспортных связей, то в Петропавловске и Владивостоке активно развиваются «вертикальные субурбии».

Рецепции архитектуры фронта-ра в современном вернакуляре. Для понимания современного архитектурного ландшафта дальневосточных городов, необходимо вернуться к эпохе фронта-ра. Благовещенск обязан своим расцветом «золотой лихорадке». В первое десятилетие XX в.

город пережил всплеск купеческого барокко, апофеозом которого стало возведение громадного дворца Чурина, который, впрочем, так и остался одиноким архитектурным эксцессом, а благовещенский мейн-стрим повернул в сторону привычной краснокирпичной гарнизонной архитектуры с явным готическим акцентом. Флагманом этого «патриотичного» направления выступал величественный германский торговый дом «Кунст и Альберс». Впрочем, за исключением трех главных улиц, идущих параллельно набережной Амура и застроенных купеческими особняками с гарнизоном на левом фланге, Благовещенск представлял (и представляет) собой хорошо спланированный деревянный одноэтажный город. Основной жилой единицей являлась квадратная в плане изба с низкой четырехскатной крышей. Отлично сохранившийся жилой фонд предотвратил в Благовещенске появление значительных по размеру субурбий. Горожане продолжают жить в переходящих по наследству избах. Коммерческий вернакуляр имитирует краснокирпичную архитектуру фронта, цитатно повторяя характер декора и объемно-пространственные композиции фасадов. Несмотря на то, что прямо напротив Благовещенска на китайском берегу Амура стремительно растет Хайхе, влияние китайской строительной индустрии на архитектурный ландшафт русского города менее катастрофично, чем можно было бы ожидать. Благовещенск окуклился в своей легенде «золотого века» и удачно эксплуатирует хорошо сохранившуюся историческую среду уютного малоэтажного купеческого города. Средний класс инвестирует в недвижимость на китайской стороне – это считается более выгодным и надежным, поэтому старый жилой фонд не подвергается обычной «модернизации».

Значительный массив одноэтажной жилой застройки (малороссийские мазанки) уцелел и в Уссурийске-Никольском, основанном в 1868 г. близ китайской границы. Русский гарнизон был расположен в старой чжурчженьской крепости, вокруг вырос военный городок из краснокирпичных казарм, а офицерские флигеля вытянулись вдоль улицы Лермонтова. Вся эта структура дошла практически без изменения до сегодняшнего дня. Традиционное размещение в Уссурийске штаба округа и наличие состоятельного слоя заказчиков с консервативной эстетической программой привело к формированию обширных субурбий, сплошь застроенных громадными кирпичными палаточной гарнизонной архитектуры. Крайняя консервативность эстетической программы обитателей уссурийских субурбий привела к созданию худшего вида

среды – максимально сословной, закрытой, монотонной и недружелюбной.

Хабаровск, основанный как железнодорожный поселок, обслуживающий строительство моста через Амур, быстро стал важным административным центром и ставкой штаба округа, что неизбежно привело к формированию архитектурного ландшафта, аналогичного уссурийскому (двухэтажный кирпичный особняк, как обязательный атрибут социализации). Последние годы Хабаровск является центром нового переселенческого движения – город принимает значительное количество мигрантов, которые сразу же начинают строить привычный для среднеазиатского и закавказского региона вернакуляр. Хабаровские субурбии теряют однородный характер, сопутствующий им с конца 1990-х гг., и, как реакция на «новую мультикультурность», набирает обороты «краснокирпичный ренессанс». Если до 2014 г. основу субурбий составляли замки и форты, то сегодня появляются целые кварталы новых «красных казарм» – 2-, 3-, 5-этажная коммерческая застройка в «историческом хабаровском стиле», как позиционируются эти симулякры на рынке недвижимости.

От континентальных центров колонизации перейдем к морским. Самый старый дальневосточный город – Петропавловск-Камчатский (первый форт был заложен в 1740 г.) удивляет практически полным отсутствием кирпичной архитектуры, составляющей основу архитектурного ландшафта Хабаровска, Благовещенска, Уссурийска и Владивостока. Но в Петропавловске сохранилась уникальная деревянная архитектура, сформировавшая «культурный код» горожан и послужившая источником вдохновения для линейной субурбии, протянувшейся от Петропавловска вглубь полуострова к Елизово, где климат значительно мягче. С 2010-х гг. в городе начинают появляться удачные репликанты, практически полностью имитирующие исторические аналоги. Деревянная каркасная архитектура стала основой пригородных ландшафтов и вертикальных субурбий Петропавловска. Для местного вернакуляра характерны оригинальные объемно-пространственные композиции, замысловатые формы кровель, придающие постройкам выразительные силуэты. Аскетичность декора компенсируется смелостью конструктивных решений – обилием террас, веранд, консольных выносов и проч.

Сахалин – удивительный эксперимент по двойному культурному перекодированию. Русский остров, наполовину переданный японцам в

1904 г. и снова вернувшийся к русским в 1945 [Самарин 2015]. Несколько поколений советских граждан выросло в японских «бумажных» домах, и этот «культурный код» накладывает характерный отпечаток на местный вернакуляр. Современная частная жилая застройка Южно-Сахалинска монохромна и практически полностью лишена не только конкретных исторических аллюзий, но и элементарного декора. Крайне лаконичные объемно-пространственные решения коттеджей (кубы под четырехскатной кровлей), неувимая чужеродность пропорций, размеров и очертаний оконных проемов – все это делает сахалинские субурбии совершенно непохожими на другие дальневосточные города.

Основным фактором, сформировавшим архитектурный ландшафт Владивостока являлось порто-франко и небывалая для Российской империи полиэтничность и мультикультурность города. Фрагментарно сохранившийся исторический центр, застроенный немцами, американцами, французами и поляками, позволил Владивостоку позиционировать себя на рынке юго-восточной туриндустрии как «настоящий европейский город». Эклектичность и романтизм, в высшей степени присущий историческому архитектурному ландшафту Владивостока, вновь и вновь воспроизводится в коммерческом вернакуляре («береговая архитектура»), пригороды поражают фантастическими замками, но на смену кирпичу уверенно идет архитектура сруба, как более «историческая», «аутентичная», «русская», и, стало быть, более привлекательная для туристов из юго-восточной Азии.

Заключение. Основными типами застройки колонизируемых территорий традиционно являлись форты (гарнизоны) и фабрики; форты символизировали государственную идею, фабрики – частную инициативу. По мнению автора, актуализация исторического наследия эпохи колонизации, как и любой героический нарратив, может иметь убедительные коммерческие перспективы, а реконструкция отдельных объектов и фрагментов застройки 1860–1930-х гг. благотворно скажется на облике постсоветских дальневосточных поселений.

Литература и источники

Арсеньев В.К. В дебрях Уссурийского края. – Владивосток: Книжное дело, 1926. – 464 с.

Арсеньев В.К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. – Хабаровск: Типография Штаба Приамурского военного округа, 1912. – 335 с.

Витер И.В. Хроника строительства города Петропавловска (1740–1923). – Петропавловск-Камчатский: СЭТО-СТ, 1997. – 112 с.

Зуева Н.С., Лынша О.Б. Дореволюционный Уссурийск: формирование архитектурно-планировочной структуры, топонимии и образа города. – Уссурийск: Изд-во ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), 2012. – 92 с.

Иванова А.П. Городские пространства: предместья и дороги. Владивосток и Хабаровск, 2015–2018 гг. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. – 244 с.

Кауфман А.А. Материалы по вопросу о колонизационной вместимости Приамурского края. – Санкт-Петербург: Типография В.Ф. Киришбаума, 1901. – 304 с.

Кауфман А.А. По новым местам: Очерки и путевые заметки. 1901–1903. – СПб.: Общественная польза, 1905. – 353 с.

Прей Л.Э. Письма из Владивостока. 1894–1930. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 464 с.

Самарин И.А. Памятники истории и культуры периода губернаторства Карафуто (1905–1945 гг.). – Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2015. – 167 с.

Самарин И.А. Сахалинский кирпич (середина XIX – первая половина XX в.): каталог кирпичей из музеев Сахалинской области и частных собраний. – Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2018. – 114 с.

Янковский Ю., Янковский В. Нэнуну: Дальневосточная одиссея. – Владивосток: Рубеж, 2012. – 640 с.

*Елена Евгеньевна Тиникова
канд. ист. наук,
ст. науч. сотрудник
отдела по международным
и межрегиональным связям
Хакасского научно-
исследовательского института
языка, литературы и истории
Абакан, Россия
lena.tinikova@mail.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-86-91

ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИИ НА ОБРАЗ ЖИЗНИ ЖИТЕЛЕЙ ХАКАСИИ В СЕРЕДИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА *

Анализ модификации образа жизни населения Республики Хакасия в условиях интенсивной стадии урбанизации выполнен на основе социологического исследования, проведенного летом 2018 г., а также данных официальной статистики. Показателями, которые позволяют охарактеризовать образ жизни людей, явились: уровень и структура занятости населения, распределение свободного времени, жилищно-бытовые условия.

С учетом того, что сегодня уже достаточно сложно провести четкую границу между городом и селом, так как «сельская» среда уже не является типично сельской, в социологическом опросе приняли участие не только жители городов, но и сел региона. Также при проведении исследования был учтен этнический фактор, который, безусловно, оказывает влияние на ход протекания урбанизационных процессов в республике. Например, хакасы значительно позже были включены в изучаемые процессы, чем восточно-славянские народы. Образ жизни городских хакасов в большей степени контрастировал с образом жизни сельских хакасов, последним сложнее было

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00074 мол_а) «Исследование региональной модели урбанизационного развития Южной Сибири в 1945–2017 годах».

адаптироваться к городской среде. Немаловажную роль в этом играли сохранившиеся традиции, языковой барьер и внешние антропологические особенности хакасов. Поэтому респонденты социологического опроса изначально были разделены на 2 большие этнические группы: хакасы и русские. В целом в ходе эмпирического исследования было опрошено по 500 городских хакасов и 500 русских, а также 500 сельских хакасов. В выборочной совокупности были представлены все социально-демографические группы взрослого населения старше 18 лет.

Ключевые слова: урбанизация, образ жизни, Хакасия, город, село.

В современных условиях урбанизация играет все большую роль в развитии российского общества и определяет векторы трансформации основных сфер его жизни. Урбанизация всегда сопровождается изменением образа жизни людей, проживающих не только в городской местности, но и на селе. Понятие «образ жизни» трактуется в науке неоднозначно. Это связано с существованием различных методологических подходов и во многом зависит от целей конкретных исследований. В данной статье под «образом жизни» понимается совокупность таких характеристик, как возможности организации труда, быта и досуга человека [Зарукина 2017, с. 137]. В связи с этим анализ модификации образа жизни жителей Хакасии в условиях интенсивной стадии урбанизации выполнен на основе характеристики следующих показателей: сферы занятости населения, распределения свободного времени, жилищно-бытовых условий.

Образ жизни человека во многом определяется характером его трудовой деятельности. Еще в середине XX в., с целью преодоления различий между городом и деревней, советское государство постановило считать сельский труд разновидностью индустриального [Сидорова 2019, с. 29]. В результате колхозники и члены их семей стали представлять аграрный отряд рабочего класса, увеличив тем самым его численность. Тем не менее, следует четко разделять рабочий класс городов, рабочих поселков и людей, работающих в совхозах. В целом официальная статистика свидетельствуют о том, что рабочие и служащие составляли абсолютное большинство горожан, определяя социальный облик городских поселений. Доля рабочих и служащих во всем населении городских поселений Хакасии в 1989 г. достигла 99,3 %, в том числе рабочие – 69 %, служащие – 30,3 %, среди занятого населения соответственно – 99,8 %; 68,3 %; 31,5 % [Сборник ..., с. 5–6].

После распада Советского Союза в условиях социально-экономического кризиса в городские поселения Хакасии устремились сельские мигранты, основной целью которых стал поиск работы. Ситуация в целом на сегодняшний день не поменялась: респонденты, принявшие участие в нашем социологическом исследовании и мигрировавшие в городские поселения, ставят перед собой цели, связанные именно с трудоустройством. Это отсутствие работы в деревне и желание найти работу в городе (24,6 % респондентов), желание жить лучше, больше зарабатывать (24,1 %). Следует отметить, что существует небольшая разница между ответами хакасов и русских. Среди хакасов мотивы переезда в город в связи с поиском работы указывались чаще, также треть опрошенных сельских хакасов не удовлетворены сегодня своей работой.

Учеными уже давно было отмечено наличие профессионально-отраслевой специализации между русским и хакасским населением республики. Проведенный в начале XXI в. социологический опрос показал, что русские были заняты в основном в отраслях тяжелой промышленности с хорошей оплатой и богатой социальной базой, в то время как хакасы преимущественно были трудоустроены в мелких предприятиях легкой и пищевой промышленности с невысокой заработной платой [Остапенко 2003, с. 4]. В результате большинство хакасов (85%) были не удовлетворены своим материальным положением, среди русских этот показатель был ниже – 64 % [Анайбан 2006, с. 5]. При этом хакасы ощущали социально-экономическое неравенство между собой и русскими, и это проявлялось в том числе в разных возможностях социального роста.

За 15 лет ситуация в республике в сфере занятости сквозь призму этничности претерпела значительные изменения. Связано это в первую очередь в целом с изменением структуры экономики региона. Рост предприятий сферы обслуживания и торговли привел к тому, что сегодня большинство опрошенных в независимости от национальности трудятся именно в этой сфере – 19,8 %.

Конечно, разница между сферами трудовой деятельности городских и сельских хакасов более существенна. В связи с бурным ростом жилищного строительства в городах региона, особенно в столичном Абакане, многие городские хакасы сегодня трудятся в строительной отрасли (10,9 % респондентов). В сфере обслуживания занят каждый

четвертый хакас-горожанин. Чаще, чем в сельской местности, городские хакасы представлены в органах управления всех уровней (3,7 % против 2,5 %). Для сферы труда в городах, особенно в столичном Абакане, характерны существенные профессионально-квалификационные диспропорции, которые зачастую не оправдывают ожидания прибывших из села хакасов. Так, городские хакасы чаще, чем сельские, трудятся в качестве рабочих (39,2 % против 30,4 %), а также служащими среднего звена (27,6 % против 25 %), в то время как в сельской местности хакасам проще продвинуться по карьерной лестнице и занять руководящие должности (3,6 % на селе против 2,5 % в городе).

Влияние урбанизации особо сказывается на распределении свободного времени городского населения. В городах, где у населения больше материальных возможностей и широкий выбор досуговых занятий, свободное время населения отличается значительным разнообразием. В первую очередь это проявляется в доступности активного внедомашнего досуга. Например, пятая часть горожан сегодня в свободное время предпочитают ходить в кино, 12,0 % – встречаются в кафе с друзьями, 8,3 % – посещают театры, музеи, филармонию, 8,8 % – занимаются шопингом, 5,9 % – проводят время в развлекательных центрах. Также городские жители чаще сельских занимаются спортом (12,2 % против 5,4 %).

Сельские жители, лишённые подобных возможностей, предпочитают проводить свободное время дома, занимаясь домашними делами и воспитанием детей (63 %), а также с друзьями, выезжая на природу (16,2 %). Среди сельчан приверженность к самообразованию, чтению выражена больше, чем в городе. 16,8 % жителей села в качестве основной досуговой деятельности назвали чтение книг, газет и журналов, 2,2 % регулярно посещают библиотеку.

Практически равное количество городских и сельских жителей Хакасии в свободное время ходят на танцы и дискотеки, а также предпочитают такие домашние развлечения как музыка, телевизор, Интернет.

Отличительной особенностью повседневного досуга городских жителей сегодня таким образом является возможность проведения активного внедомашнего времяпровождения. Это не может не сказаться на степени удовлетворённости жителей городской и сельской местности проведением своего досуга. Не удовлетворены своим

досугам сегодня 31 % сельских респондентов и 20,9 % городских.

Существенные различия между городскими и сельскими хакасами наблюдаются в жилищно-бытовой сфере. Сегодня нормой жилищных условий является обеспеченность жильем 40,1 м² и более на человека [Ларина 2018, с. 44]. Ни в городской, ни в сельской местности Хакасии общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя, не соответствует указанному показателю. На селе она составляет 22 м²., в городе – 24,6 м².

При этом сельский жилищный фонд менее благоустроен водопроводом (всего треть общей площади всего жилищного фонда), ваннами (18,8 %) и горячим водоснабжением (20,2 %), водоотведение зачатую (76,6 %) производится не централизованно. Поэтому обеспеченность городских жителей комфортными жилищными условиями до сих пор значительно опережает сельскую местность.

Несмотря на стирание границ между городом и селом, распространение городских форм культуры и быта, до сих пор город отличается от деревни большей развитостью социально-экономической сферы, опережает ее уровнем материального достатка жителей, развитостью досугового пространства, комфортными жилищно-бытовыми условиями. Все это свидетельствует о сохранении различий в городском и сельском образе жизни в Республике Хакасия.

Литература и источники

Анайбан З.В., Тюхтенева С.П. Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). – М.: Институт востоковедения РАН, 2008. – 217 с.

Зарукина Е.В. Городская инфраструктура и образ жизни горожан: проблемы проектирования // Вестник факультета управления СПбГЭУ. – 2017 – № 1–1 – С. 136–140.

Ларина Т.Н., Кыбытаева А.Н. Статистический анализ факторов улучшения жилищных условий населения городской и сельской местности Оренбургской области // Социальная статистика. – 2018. – № 3. – С. 40–49.

Остапенко Л.В. Социально-экономические аспекты адаптации русских и хакасов к условиям трансформирующегося общества (по материалам этносоциологического исследования в Хакасии): инф.-аналит. бюл. № 1. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН. Центр по изучению межнациональных отношений, 2003. – 26 с.

Сборник по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.:

Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования, отраслям народного хозяйства и занятиям. – Абакан, 1991. – 54 с.

Сидорова Г.П. «Преодоление различий между городом и деревней», или советская городская повседневность против сельской // Культура и искусство. – 2019. – № 2. – С. 28–36.

*Ирина Тагировна Абдулова,
науч. сотрудник
Центра независимых социальных
исследований,
Иркутск, Россия
abdulova@mail.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-92-97

НОВЫЕ МИКРОРАЙОНЫ ИРКУТСКА: МЕЖДУ ПРИГОРОДОМ И «СПАЛЬНЫМ» РАЙОНОМ

В статье рассматривается образование новых пригородных районов Иркутска, становление сообществ в них и перспективы их развития. Используя методологию качественных социологических исследований, автор изучает один из новых пригородов Иркутска – микрорайон Березовый. В фокусе исследовательского интереса – мотивы переезда, а также жизненные стратегии и мобильность населения.

Ключевые слова: урбанистика, субурбанизация, Иркутск, пригороды, городская среда.

Постсоветские города переживают серьезные трансформации. Особенно это заметно в Сибири, где возникновение и рост городов довольно часто были не «естественными» процессами, а результатом государственного планирования¹. После ухода государства из этой сферы, ситуация изменилась. Строительство городов перестало быть исключительно государственным делом, появилась частная собственность на землю, появилась возможность строить, продавать, покупать дома.

¹Про роль государства в градостроительной политике можно прочесть, например, в блестящей книге: [Меерович 2017].

Вторая важная причина изменений в городах имеет «мировой» масштаб. Это процессы субурбанизации, которые происходят во всем мире. Если говорить кратко, то это процесс роста и развития пригородной зоны, в которую перебирается в поисках комфортных условий средний класс. Эти изменения сравнительно недавно стали предметом анализа социологов, демографов и урбанистов. Говоря о региональной специфике, необходимо отметить работы К. В. Григоричева [2013] и А. С. Бреславского [2017], посвященные Иркутску и Улан-Удэ соответственно.

Кроме «классических» пригородов в Иркутске можно увидеть относительно недавнее интересное явление – массовое строительство новых микрорайонов, состоящих из трех или пятиэтажных домов. Такие микрорайоны формально относятся к пригородному Иркутскому району и расположены на его землях. Однако, по сути это типичные городские кварталы, в которых живут работающие в Иркутске люди. Чаще всего они построены за границами города и/или примыкают к ним. Экономическая основа появления таких пригородов проста: с одной стороны, высокий спрос на жилье эконом класса, с другой – недостаток и дороговизна городских земель под масштабную застройку. Земли близких к городу сельских районов еще не застроены, стоят дешевле, кроме этого существует возможность «прикрепиться» к городской коммунальной инфраструктуре. Особенностью Иркутска является дефицит земли – город достаточно старый, его центральные улицы узкие, многие строения имеют статус памятников истории и архитектуры, что делает Иву городскую застройку в основном точечной и дорогой.

Квартиры в этих микрорайонах эконом-класса (черновая отделка, небольшая площадь) и стоят дешевле, чем в городе, что позволяет государству использовать их в программах расселения ветхого жилья, переселения из северных территорий, для реализации жилищных сертификатов военнослужащих. Кроме этого, такие квартиры часто покупают молодые семьи или пожилые люди, которые «разъезжаются» с родственниками.

Вокруг Иркутска несколько таких районов. Предметом моего углубленного исследования² стал один из районов левого берега р.

²Исследование проводилось автором в рамках проекта ЦНСИО «Город

Ангара – микрорайон Березовый (Марковское поселение Иркутского района Иркутской области). Во многом его можно рассматривать как модельный. Среди прочих подобных районов Березовый выделяется размером. Он – один из самых крупных, его площадь – около 50 гектаров. Кроме этого, он не примыкает непосредственно к черте города, а находится в отдалении. Поэтому проблемы, которые легко решаются в других микрорайонах, здесь стоят очень остро. В первую очередь я имею в виду проблему доступности (общественный транспорт), социальное обеспечение (поликлиника, школа, детский сад).

В Березовом около³ 240 домов, однако, даже проведя исследования, нельзя точно сказать, сколько там жителей. Березовый не учитывается статистическими службами отдельно, данные можно получить только по Марковскому муниципальному образованию в целом⁴. Марковский муниципалитет самый большой в Иркутском районе, по официальным данным, там прописано 32525 чел.⁵ Согласно экспертным оценкам, эти цифры смело можно умножать на два. Также по экспертным оценкам в Березовом проживает от половины до трети всех жителей муниципалитета, то есть от 10 до 15 тыс. чел. В любом случае, следует учитывать огрехи официальной статистики – далеко не все, кто живет в Березовом, зарегистрированы. Часто именно в силу социальных проблем: «прописка» в другом районе дает право «прикрепиться» к школе или поликлинике.

Если вернуться к методической стороне моего исследования, то его основными вопросами были: какая судьба у районов, подобных Березовому? Не ждет ли нас перспектива новых гетто на окраинах городов? Кто живет в Березовом и складывается ли там соседское сообщество и благоприятная городская среда?

Если говорить о типичном пригороде «в теории», то его жители как

иначе» в сентябре 2018 – мае 2019 г. Использовались методы качественной социологии: наблюдение, экспертные и фокусированные интервью, анализ документов.

³Новые дома постоянно сдаются.

⁴Мы не можем даже ориентироваться на число избирателей, потому что избирательные округа, в которые входит Березовый, включают в себя соседние садоводства и коттеджные поселки.

⁵<https://irkutskstat.gks.ru/storage/mediabank/1Jan2019.xlsx>.

раз уезжают от городской жизни – многолюдья и шума. Для тех, кто покупает квартиры в Березовом, главным аргументом является минимизация затрат. «Хорошая экология», которую рекламирует застройщик, для них, скорее, необязательный бонус. А вот «городские» признаки места для жизни важны: доступный общественный транспорт, социальная сфера, недорогие магазины рядом с домом. В этом смысле Березовый – пригород только географически, со своими соседями, коттеджными поселками, он разделяет только место, а не ценности. По организации и ритму жизни он больше похож на спальный район советской эпохи, за вычетом благоустройства и бесплатности. Так, например, полная загрузка маршруток утром и вечером показывает нам направление потоков людей.

Моя гипотеза состоит в том, что если житель пригорода желает покинуть город, то жители таких районов, как Березовый, наоборот, хотят «войти» в город и обосноваться в нем с наименьшими издержками. Именно поэтому среди жителей время от времени обсуждается идея «присоединиться к Иркутску».

Переезжают в Березовый осознанно, это не самый роскошный выбор, но и не «от безнадёги». Самое важное обстоятельство – относительно низкая стоимость квартир. Она позволяет даже людям с ограниченными ресурсами свободу маневра: *«по нашим деньгам единственная возможность»*. Например, поменять одну большую пятикомнатную квартиру на три, для престарелых родителей и двух детей с семьями. Или одну «двушку» на две однокомнатные (матери разъехаться со взрослым сыном). В пределах Иркутска это невозможно: *«по нашим деньгам было только это и Ново-Ленино»* или имеющиеся варианты еще хуже. Дополнительный плюс, что квартиры можно купить рядом и сохранить и поддерживать семейные связи (сначала бабушка присматривает за внуками, потом и сама нуждается в помощи).

Охотно приезжают в Березовый молодые семьи. Цена подъемная: *«надо же с чего-то начинать»*. Возможно, поэтому, район производит впечатление молодого, и дома, и жители молоды. Покупая недорогие квартиры, люди готовы к некоторым недостаткам: *«знали, где брали, все-таки не люксовое жилье»* – плохая звукоизоляция и недостатки отделки видятся разумной компенсацией за низкую цену. Более критично говорят о недостатках социального обеспечения: в Березовом

нет поликлиники, банка, почты, школы, в недавно построенный сад уже очередь: *«у нас уже были дети, а ни школы, ни поликлиники не было там»*. Транспорт обеспечивают частные перевозчики, и часто они сталкиваются с официальными барьерами⁶.

Новые микрорайоны возводятся частными застройщиками, и по закону застройщик не обязан обеспечивать их социальной инфраструктурой. Это приводит к тому, что новые районы как бы «подвешены в воздухе»: в них нет многого, что создает городские условия жизни. Иркутские власти, к которым апеллируют жители микрорайонов, не имеют права создавать социальную инфраструктуру на «чужой» территории, а районные власти не имеют для этого ресурсов.

Благодаря сниженному «входному порогу» – невысокой стоимости квартир или выдаче этих квартир по различным государственным программам, в Березовом оказываются люди или семьи с низким социальным ресурсом. Я имею в виду как небольшое количество денег: невысокую заработную плату, отсутствие накоплений, так и низкий социальный капитал: образовательный уровень, отсутствие социальных связей, молодой или пожилой возраст.

Очевидно, что запросы этих семей к качеству социальной среды высоки и критически важны. Поскольку у них просто нет возможности воспользоваться платными альтернативами. Они недостаточно вписаны в социальную ткань города, чтобы решить вопросы «по знакомству». И это накладывает особую ответственность на власть, понимаемую в самом широком смысле слова: от застройщика до местной администрации и депутатов.

Для многих людей Березовый служит своеобразными воротами в городскую жизнь Иркутска, это место, где можно освоить новые нормы и правила, накопить ресурсы. Вместе с тем, при неблагоприятном стечении обстоятельств район может стать и ловушкой – местом накопления и воспроизводства бедности и зависимости.

По моим наблюдениям, у людей, которые поселились в Березовом, есть несколько стратегий дальнейшей жизни. Первая стратегия –

⁶Например, дорога, по которой в Березовый проезжает большинство частных машин и маршруток, не имеет официального статуса дороги. Это звучит курьезно, но поэтому по ней нельзя согласовать маршрут общественного транспорта. Поэтому же нельзя тратить бюджетные деньги на ее ремонт и благоустройство.

временное проживание. В этом случае человек или семья наращивает социальный и материальный ресурс, меняет работу или другие жизненные обстоятельства и уезжает в место, которое кажется ему более приемлемым. Во-втором случае, даже понимая недостатки Березового, человек не уезжает, например, по материальным причинам. Он может с разной степенью активности способствовать изменению среды для жизни в лучшую сторону. Человек сам, либо сообщая с соседями (и здесь уместно говорить о формировании сообщества) предпринимает какие-то шаги: ставит и собирает подписи за проект Общественного Квартала⁷, благоустраивает детские площадки, выходит на субботники, добивается компенсаций от застройщика.

Таким образом, «хороший» сценарий для Березового – стать важной частью города, некоей «улучшенной моделью», сочетая в себе городское удобство и уют пригорода. Возможно, Березовый мог бы стать идеальным местом для молодых семей. Сценарий негативный – стать «гетто».

Литература

Бреславский А. С. «Пригородная революция» в региональном срезе (Улан-Удэ) // Крестьяноведение. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 90–101.

Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода / К.В. Григоричев. – Иркутск: Оттиск, 2013. – 248 с.

Меерович М. Г. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 352 с.

⁷Проект создания в Березовом общественного пространства и ряда необходимых социальных объектов: школы, поликлиники, торгового центра. В настоящее время его строительство не могут начать из-за нерешенных земельных вопросов.

*Айтал Игоревич Яковлев,
канд. ист. наук,
доц. исторического факультета
Северо-Восточного
федерального университета,
Якутск, Россия
aitalyakovlev@gmail.com*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-98-101

ПРИГОРОДНОЕ СЕЛО ХАТАС И ПРОБЛЕМЫ СЕЗОННОЙ АГЛОМЕРАЦИИ ЯКУТСКА И НИЖНЕГО БЕСТЯХА

На пространстве Восточной Сибири существуют крупные, развитые городские агломерации (города и пригородные поселения), у которых сложились практически традиционные формы взаимоотношений, как на уровне правового, экономического пространства, так и на уровне бытового, повседневного, обывательского восприятия «взаимоотношений» двух городов, пригородов. На северо-востоке России, где существуют особые климатические и природные условия, мы предполагаем существование определенных форм существования городских агломераций – сезонных. Данная статья является попыткой обозначить гипотезу о существовании «сезонной городской агломерации» в Республике Саха(Якутия). Автор опирается на особенности «взаимодействия» столичного Якутска и пригородного Нижнего Бестяха.

Ключевые слова: сезонная городская агломерация, Якутия, Якутск, Нижний Бестях.

Столичный город Якутск и близлежащие города, поселки и села выделяются из общей панорамы исторического развития городов на северо-востоке России. Якутск является ядром политического, экономического, культурного и социального притяжения региона. Одним из

особенностей формирующейся городской агломерации Якутска и Нижнего Бестяха является природный фактор – климат и наличие реки Лена. Эти два основных фактора дают возможность, во-первых, утверждать о существовании сезонной городской агломерации, а, во-вторых, формируют перспективную научную почву для исследователей проблем истории, урбанистики, современной социальной и культурной антропологии.

Между городом Якутском и Нижним Бестяхом в летний период существуют несколько переправ, работающих с мая по ноябрь включительно. В летний период связь между Нижним Бестяхом и городом Якутском осуществляется через паромы, речные трамваи, частные водные такси. В летний период на машине (грузовой, легковой) можно переправиться в нескольких точках: местность Кангаласский мыс (г. Якутск – с. Соттинцы); г. Жатай (г. Якутск – Нижний Бестях, в основном грузовой транспорт); местность Даркылаах (Якутск – Нижний Бестях, все виды транспорта); с. Мохсоглоох – с. Качикатцы (села находятся в Хангаласском улусе, 100 км от Якутска, от г. Нижний Бестях – с. Качикатцы 102 км).

Если указанные переправы являются паромными и причалами для малых катеров и лодок, то особенное место занимает переправа Хатасс и Нижний Бестях. Зимнее время и период межсезонья диктуют свои правила в экономических связях Якутска и Нижнего Бестяха. В период ледостава (октябрь-ноябрь) работает ледокол. В короткий период, когда ледокол перестает проламывать лед, а переправа еще не открылась, жители двух городов переходят реку только пешком. Одним из первых пунктов, где открывается ледовая переправа между двумя городами, является пригородное село Хатас.

Село находится на территории городского округа Якутск, на расстоянии к югу в 3 км, с населением в 5000 чел. Основные производственные силы в селе – свиноводство (Хатасский свинокомплекс), молочное скотоводство, в основном частные фермерские хозяйства, картофелеводство и овощеводство. Также село является перекрестком, где проходит официальная ледовая переправа Якутск – Нижний Бестях. В период межсезонья переправа Хатасс – Нижний Бестях становится пунктом концентрации внимания республиканских и муниципальных властей, силовых структур, индивидуальных предпринимателей с обеих берегов, простых граждан всей Якутии правобережной и левобережной Лены.

Существование переправы Хатасс и Нижний Бестях опирается на несколько факторов, среди которых фундаментальными выступают природные (географо-климатические). Во-первых, ширина и расстояние переправы (10–15 км) означает, что два населенных пункта практически стоят друг против друга. Немаловажный фактор – наличие крупных островов, протока между которыми замерзает быстрее, чем основное русло реки Лена. Острова являются также и проблемой для транспорта, играя роль естественных преград. Основное русло реки, практически до середины ноября используется паромами из Якутска, путь которым прокладывают ледоколы.

При глубинном интервьюировании жители с. Хатасс говорят о напряженной ситуации, которая существует в период межсезонья. В момент, когда паромная переправа становится непомерно дорогой в финансовом плане, тяжелой в плане поиска таксистов, готовых переправиться на другой берег в условиях большой, «нескончаемой, напряженной очереди, где существует полный беспредел» [ПМА, с. Хатасс, 2019] обыватель пользуется услугами «Ирбис» (судно на воздушных подушках). «Ирбис» начинает ездить с конца октября, «когда ледоход идет, вот тогда самая жара: пара отчаянных воздушных подушек продолжают ходить, к ним километровые очереди, толкучка, паника, крики, как на Титанике точь-в-точь! Люди вырывают друг у друга детей, чтобы без очереди пройти. Мужиков вообще не пускают. На третий день одичавшие мужики совершают прорыв – захватывают судно, выкидывают всех женщин и детей силой! Потом часто происходят драки между мужиками, которые 3–4 дня безуспешно стояли в очереди, и вновь прибывшими – новичками, типа защищают детей и женщин [и проходят на судно с воздушной подушкой]. Потом через три дня новички становятся одичавшими и все повторяется» [ПМА, с. Хатасс, 2019] Ситуация зеркально повторяется весной «Когда ледоход, пешком не ходят. Когда река не покрылась льдом, по ней ходят лодки, когда вся река скована льдом, по ней ходят судна на воздушной подушке. Но, когда река покрывается льдом частично, не полностью – только в середине русла, а у берегов в это время усиливаются течения, которые уносят отвалившиеся глыбы и куски льда, вот тогда почти ни одно судно не ходит по реке. В эти 3–4 дня люди готовы заплатить любые деньги тому, кто согласится их переправить на другой берег. И всегда находятся отчаянные одиночки, готовые пойти на риск. Практи-

чески все попытки переправиться в это время приводят к поломке мотора или корпуса судна» [ПМА, Баишев]. Стоимость переправы в межсезонье на «Ирбисе» варьируется от 2000 до 3000 руб. Для сравнения приведем пример цен на паромную переправу Якутск – Нижний Бестях за 2019 г. где «средняя стоимость одной тонны груза составит 340 руб.» [Стали...].

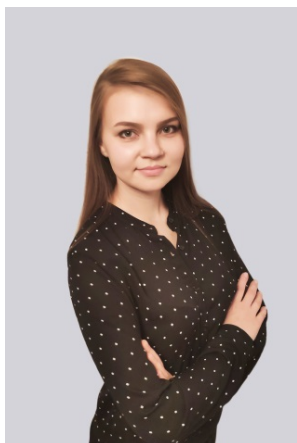
Отметим, что нет конкретных данных, полностью раскрывающих грузооборот на паромной переправе. Однако влияние паромной переправы ощущается в магазинах Якутска, где в период межсезонья начинаются проблемы с поставкой молочной продукции, овощей (прежде всего фруктов), медикаментов.

Подводя итоги, мы выделяем два момента в конце данной статьи. Первый: городскую агломерацию Якутска и Нижнего Бестяха на данном этапе развития можно определить как «сезонную», когда из-за климатических и природных особенностей региона, в период межсезонья, постоянная транспортная связь между городами, основа всех городских агломераций России, теряется полностью на два-три дня. Вторых, в период наиболее кризисного времени отсутствия переправы в межсезонье (весной и осенью) точкой концентрации транспортной связи между двумя городами является с. Хатассы. Наличие такой «кризисной точки» обостряет социальную сторону существующей формы городской агломерации Якутска и Нижнего Бестяха.

Источники

Стали известны тарифы на паромную переправу «Якутск – Нижний Бестях» // Якутское-Саха Информационное Агентство ЯСИА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ysia.ru/tarify-na-paromnuyu-perepravu-yakutsk-nizhnij-bestyah-ostalis-na-urovne-2016-goda/> (дата обращения: 20.05.2019).

Полевые материалы автора. с. Хатассы, Городской округ «Город Якутск», июнь 2019 г. (информант Баишев Гавриил Михайлович, 1983 г.).

*Наталья Сергеевна Иванова,
магистр социологии, науч. сотрудник
Центра региональных исследований и
урбанистики РАНХиГС
исследователь группы исследований
миграции и этничности
Москва, Россия
nataliya.ivanova.0709@gmail.com*

*Соавторы: Альбина Сергеевна Андреева, магистр международных
отношений, исследователь группы исследований миграции и этничности
Россия, Москва
formulagerona@gmail.com*

*Евгений Александрович Варшавер, канд. социол. наук, ст. науч. сотрудник
Центра региональных исследований и урбанистики РАНХиГС
руководитель группы исследований миграции и этничности
Россия, Москва
varshavere@gmail.com*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-102-103

ФОРМИРОВАНИЕ ЗОН РЕЗИДЕНТНОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ МИГРАНТОВ В ПОДМОСКОВНОМ ГОРОДЕ КОТЕЛЬНИКИ

После распада Советского Союза Россия стала принимать иностранных индигенных мигрантов. Резидентный выбор таких мигрантов в России зачастую определялся минимальным количеством времени на путь между местом работы и местом проживания, при этом одним из типичных рабочих мест для таких мигрантов стали рынки. В результате в России сложился особый паттерн расселения мигрантов, под которым понимается проживание большого числа мигрантов в непосредственной близости от рынков. Однако несмотря на существование этого паттерна на протяжении последних тридцати лет, а также в связи отсутствием подобных форм резидентной концентрации в других странах, хороших описаний этого паттерна произведено не было.

Долгое время в Москве наиболее крупным рынком являлся Черкизовский, который располагался на северо-востоке столицы. В 2009 г. он был закрыт, после чего многие предприниматели перенесли торговые точки на юго-восток Москвы на другую площадку – рынок «Садовод». Вслед за переносом торговых объектов переехали и сами бизнесмены, и их работники. Новым местом жительства для многих мигрантов стал подмосковный город Котельники, который в то время переживал строительный бум. Как следствие, миграционные процессы и переезд работников рынка ближе к рабочим местам наложились на расширение небольшого советского города, за счет строительства огромных жилых комплексов. В ходе этих событий новостройки в Котельниках стали зонами высокой концентрации мигрантов с налаженной мигрантской инфраструктурой («квартиры-общежития», «этнический» бизнес, риэлторы, специализирующиеся на работе с мигрантами). Это положение вещей способствует дальнейшему притоку мигрантов. Группа исследований миграции и этничности провела исследование формирования зон резидентной концентрации мигрантов в городе Котельники, результаты которого будут представлены в докладе.

Ключевые слова: резидентная концентрация, мигранты, рынки.

*Валентина Гурожаповна Жалсанова,
канд. социол. наук, доц.,
ст. науч. сотрудник отдела
истории, этнологии и социологии
Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
valyazhal@list.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-104-107

СЕЛЬСКИЕ МИГРАНТЫ В ПРИГОРОДЕ УЛАН-УДЭ: ОПЫТ АДАПТАЦИИ И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ

Доклад посвящен анализу адаптации сельских мигрантов в пригородах Улан-Удэ. На основе глубинных интервью, проведенных в 2017 г. и 2019 гг., рассмотрены причины и факторы переезда сельчан в город, а также их дальнейшие жизненные стратегии. Объектом социологического исследования стали сельские мигранты, обосновавшиеся в пригородных территориях. По результатам исследования выявлено, что среди мигрантов наиболее многочисленная группа представлена социально активными выходцами из села с высоким адаптационным потенциалом. Дальнейшая жизнедеятельность сельских мигрантов обусловлена особенностями социально-экономического развития Улан-Удэ, характеризующегося превалированием негативных тенденций, в первую очередь, высоким уровнем безработицы и низким уровнем зарплат. В итоге для многих сельских мигрантов становится характерным формирование нового миграционного настроения в виде намерений выехать из Бурятии в другие регионы страны/другие страны.

Ключевые слова: Республика Бурятия, Улан-Удэ, пригороды, сельские мигранты, жизненные стратегии, адаптация.

Для миграционных процессов в Республике Бурятия характерно преобладание внутренних перемещений из сельских территорий в направлении единственного крупного городского округа региона – в столицу, г. Улан-Удэ. Современное село в силу отсутствия значимого сельскохозяйственного производства оказывается неспособно решить задачи с трудоустройством многих сельчан, неспособно обеспечить развитую социальную инфраструктуру в виде образовательных, медицинских, культурных учреждений. Поэтому основной причиной усиливающейся из года в год сельско-городской миграции является ухудшающееся социально-экономическое положение большинства сельских жителей. Состояние, в котором оказалось большинство сельчан в постсоветский период, можно обозначить как депривацию, когда нет условий и ресурсов для обеспечения основных социальных потребностей, характерных для современной жизни. Еще одной важной причиной становятся изменения в ценностной структуре сельчан, особенно у молодого поколения. Изменилось отношение к труду, нарастают иждивенческие настроения. З. И. Калугина совершенно справедливо отмечает что «формирующееся институциональное пространство, действующий хозяйственный механизм деформируют систему ценностей индивида, снижая или сводя к нулю инструментальную ценность труда в общественном секторе аграрного производства; скорее способствуют социальному иждивенчеству, нежели развитию рыночных стандартов поведения и сознания, лишая социальной базы преобразования аграрного сектора; сдерживают процесс его модернизации» [2000, с. 61]. Поэтому наличие миграционного настроения и собственно усиление миграционных процессов можно объяснить теми процессами, которые охватили российское село в постсоветский период. «Трансформационные процессы на фоне рыночных преобразований и демократизации общественно-политической сферы изменили социальную структуру населения, облик деревни и оказали тем самым негативное влияние на количественные и качественные характеристики сельских сообществ. Отрицательный характер последствий социальных изменений привел к тому, что состояние аномии в сельском социуме в силу моносредности его пространства (*узкий рынок социальных «возможностей»*) оказалось более глубоким, чем в городском социуме и привело к дисфункциональному напряжению и дезориентации сельского населения, росту чувства социального отчуждения. Советские ценности, игравшие огромную роль в укреплении общественного механизма, оказались пе-

речеркнуты. Новые ценности, способные объединить общество, не возникли. И самое главное – исчезло чувство социальной защищенности, не обнаруживаются нормы и образцы поведения, способствующие формированию долгосрочных жизненных стратегий. Напряжение и дезориентация способствуют росту девиантного и делинквентного поведения, низкому уровню экономической и социально-политической активности» [Жалсанова 2014, с. 60].

Риторика большинства дискуссий вокруг села и социального положения сельских жителей часто обращена к констатации их бедственного положения, нарастания деградации и обезлюдивания деревень. Во многом соглашаясь с подобными взглядами, тем не менее, считаем необходимым отметить тот факт, что миграционное настроение характерно не только молодежи, но и людям среднего и старшего возраста, что уже является свидетельством наличия своеобразного адаптационного потенциала сельчан, независимо от их социально-демографических характеристик. Переезд является проявлением смелости и определенной активности людей, их готовности к значимым переменам в образе жизни. Поэтому самым многочисленным типом сельских мигрантов, на наш взгляд, являются социально активные люди с достаточно высоким уровнем адаптационного потенциала. Именно они способствуют массовости миграционного потока, так как вместе с ними осуществляется переезд всей семьи.

Переезд является первым шагом в жизнедеятельности сельского мигранта в новых условиях. Этот период может растянуться от нескольких месяцев до нескольких лет и зависит «от многих факторов: наличие жилья или возможность его приобрести/построить за короткие сроки; трудоустройство в городе; наличие родственников/знакомых, способствующих обустройству на новом месте» [Жалсанова 2017, с. 176–177].

Несмотря на то что основным вектором миграции является г. Улан-Удэ, следует уточнить, что местом проживания становятся его пригороды, административно относящиеся к другим муниципальным образованиям – Иволгинский, Заиграевский и Мухоршибирский районы Республики Бурятия. Во многом это обусловлено невозможностью приобрести жилье в самом городе, в первую очередь, вследствие дороговизны квартир. Немаловажным фактором становится и то, что пригороды чаще всего – это своеобразные зоны сельской жизни рядом с городом – деревенский дом (часто без канализации и водопровода), наличие хозяйства в лице огородов, а где-то даже и домашнего скота.

Тем самым, жизнь в пригороде позволяет недавнему мигранту сохранить привычный сельский образ жизни, что также способствует адаптации на новом месте, но не интегрирует его в городское пространство. Т.Г. Нефедова отмечает, что «степень руральности занятий городского населения связана с экономическим состоянием города» [Нефедова 2013, с. 25]. Улан-Удэ, несмотря на его статус главного города Бурятии и центра всей экономической жизни, оказался неспособен обеспечить комфортные условия жизнедеятельности сельским жителям.

Успешность/неуспешность дальнейшей адаптации зависит от трудоустройства сельчанина. Социально-экономический кризис оказал негативное влияние и на рынок труда в городе, наблюдается рост безработицы. В результате перед сельскими мигрантами появляется ряд векторов развития дальнейших жизненных стратегий: новое миграционное настроение – стремление к переезду в другой регион страны, и/или в другую страну; маятниковая миграция – поиск работы вахтовым методом в других регионах/в других странах; стратегия «выживания» на месте в виде разовых подработок/калымов или развития личного хозяйства с целью реализации продукции горожанам; дезадаптация и дальнейшая деградация и проявление девиантного и делинквентного поведения.

Исследование еще раз демонстрирует важность изучения социальных процессов внутри пригородов Улан-Удэ. Важно понимание того, что пригороды – это не только территориальное образование, прежде всего, люди, проживающие там.

Литература

Жалсанова В. Г. Структурное расселение сельских поселений Бурятии // Власть. – 2014. – № 6. – С. 59–62.

Жалсанова В. Г. Миграционное поведение сельских жителей Бурятии: факторы и тенденции // Что мы знаем о современных российских пригородах: сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – С. 170–179.

Калугина З. И. Трансформация аграрного сектора России: проблемы эффективности и адаптации населения // Мир России. – 2000. – № 3. – С. 48–95.

Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. – М.: Ленанд, 2013. – 456 с.

ЧАСТЬ 2

INTRODUCTION

Rapid suburbanization, associated with the development of peripheral urban areas and strengthening their role in regional development, is becoming more common and noticeable phenomenon in the development of large cities in all regions of the world. The modern world is becoming more urban and at the same time more suburban, and global urbanization itself is mainly embodied in suburbanization [Keil 2017]. Cities and countries, which will be discussed in this publication, confirm and at the same time challenge this important for the modern urbanistics thesis, presenting different forms of urban and suburban growth and development in the countries in the post-Soviet space.

The book includes abstracts of reports of participants of the international scientific conference "Suburban revolution in the regional context: peripheral urban areas in the post-Soviet space". The meeting was organized by the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Rosa Luxemburg Foundation (Department in the Russian Federation) on November 14–17, 2019 in Ulan-Ude. It was intended to support the discussion on the regional forms of the so-called "post-socialist suburban revolution" and the uncertain effects of neoliberal reforms in urban management in the post-Soviet countries.

Speaking about the phenomenon of the "post-socialist suburban revolution" [Stanilov, Sykora 2014] we mean the explosive growth of private development in 1990–2010 in the suburban areas of large cities in the former Soviet Union and more broadly – in the countries of the socialist block after years of state restrictions. The driving forces of this explosive growth were: democratization of public administration in the field of urban development, deindustrialization and crisis of rural areas, formation of the private housing market, liberalization of relations in the field of distribution and development of urban and suburban land, development of private construction, increasing internal and international migrations, etc.

Today, in the entire post-Soviet space, not only the capital cities, but also many large regional centers demonstrate steady demographic and territorial growth due to the development of new suburban areas. By expanding the zones of urban periphery suburbanization in its various forms is becoming

increasingly important in the development of urban centers themselves, urban agglomerations and surrounding regions as a whole. Herewith, its impact on social and territorial development in our countries has both positive and problematic sides. At the same time, we still do not know much about the growing role that suburban infrastructure and suburban residents play in the life of large cities in Russia, Central Asia and Eastern Europe. That is why in the framework of the conference on the basis of existing research it was important to identify regional directions of urban peripheral development in post-Soviet countries, discuss the extent, sources, and consequences of explosive (sub)urbanization in the post-Soviet space in 1990–2010, try to understand what is cultural and social importance of the new suburbs in the societies of post-socialism, to think about the need of formation of specific conceptual constructs and description languages in the studies we were organising.

The book includes two sections. The first section focuses on regional forms of post-socialist suburban revolution and includes abstracts on (sub)urbanization in Russia, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Mongolia, Hungary, The Czech Republic and Latvia. The second section presents the prospects and features of (sub)urbanization in more specific cases in modern Russia.

References

Keil R. Suburban planet. Making the world urban from the outside in. – Cambridge: Polity press, 2017. – 256 p.

Stanilov K., Sykora L. (eds.) Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe, Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. – 360 p.

Editor of the volume
A.S. Breslavsky

THE SECTION 1

REGIONAL FORMS OF THE POST-SOCIALIST SUBURBAN REVOLUTION

*Anatoliy Sergeevich Breslavsky,
Candidate of History,
Leading Researcher of the
Institute for Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies of the SB RAS
Ulan-Ude, Russia
breslavsky@imbt.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-111-116

“POST-SOCIALIST SUBURBAN REVOLUTION” AND SUBURBAN STUDIES IN RUSSIA

Russian suburbanization, diverse in its content due to the regional diversity of the country, can be extremely interesting and useful for a deeper understanding of the phenomenon of the so-called "post-socialist suburban revolution" and its regional forms. At the same time, the suburbs of major Russian cities and the suburban lifestyle in their different regional manifestations remain poorly studied despite the impressive prospects for comparative and generalizing analysis. In the field of "suburban studies", which is just beginning to develop in Russia, about 10 specialists are working today (mainly geographers, sociologists, historians) from several regions of the country. Their tasks include the construction of a common subject field, setting research goals, searching for "working" concepts for the analysis and understanding of Russian data, critical analysis of the research source base, collection and systematization of regional material, typology and generaliza-

tion of regional cases, inclusion of research results in international discussions.

Keywords: urbanisation, suburbanisation, suburbs, Russia, suburban studies.

The growing debate on the phenomenon of the "post-socialist suburban revolution" [Staniĭov, Sykora 2014], which is developing particularly productively today in research centers in Eastern Europe, forms an important request for Russian regional studies of (sub)urbanization beyond Moscow and St. Petersburg. The multiformity of Russian (sub)urbanization associated with regional economic inequality, differences in the social structure of urban communities, climate, local cultural, including architectural traditions, etc. already suggests wide opportunities for concretization of the phenomenon ("suburban revolution"), clarification of its sources, forms, consequences, etc. in different parts of the "post-socialist world". What is the situation with suburban studies in Russia?

Two years ago, in June 2017 there was the all-Russian scientific seminar "What do we know about modern Russian suburbs?", in which Russian researchers-urbanists had the opportunity to discuss the results of their work, also to identify the most important issues for them related to the subject field of suburban studies [What do we know ... 2017]. Taking into account that the field itself and the community of researchers interested in the issues of suburbanization are only developing in our country, the agenda was simple, at first glance. What are the scales and sources of suburban growth in modern Russia? What is the social and academic significance of suburban studies? Why should we study the suburbs? What can be the Russian definition of suburbs? What foreign approaches to their study can be particularly useful to us? Is there an effective practice of suburban development management in Russia? How, by what methods do Russian researchers study suburbs? In which regions have suburban studies been conducted, and in which-not yet? These, far from prosaic questions, were and remain important for every Russian researcher who aims to promote his research program, to include the results of his work in the national and international discussions.

On the treshhold of the seminar in 2017 I prepared an overview of the works / research programs related to the study of the suburbs of large cities in modern Russia. The review is published in the introductory article of the collection [Breslavsky 2017]. I have to note here that in the period from

2000 to 2016 according to the data of the Russian electronic scientific library RSCI comprehensive field research in the field of suburban development was conducted only in 7 Russian cities out of 79, the population of each was more than 250 thousand people (in 2016). These are cities such as Irkutsk, Kaluga, Krasnoyarsk, Moscow, St. Petersburg, Tyumen, Ulan-Ude. 7 cities out of 79, i.e. that is less than 9 %. Over the past two years thanks to the work of Shchepetkova I. O. Perm has been added to these cities [2019]. In several other cities narrowly focused, but not comprehensive suburban studies have been conducted. It is important to note that the authors discussed in the 2017 review have largely continued to work within their themes.

In general, the inattention of researchers to the suburbs of large cities is somewhat discouraging, considering the importance large cities and urban agglomerations acquire today in the economy and settlement system in the country. In the list, as we can see, there is no majority of cities-millionaires of Russia (Novosibirsk, Yekaterinburg, Chelyabinsk, Kazan, etc.), not to mention the smaller urban agglomerations and cities. Despite the small quantitative growth and professionalization of urban research in the country in the last decade, suburbs receive attention only from individual "enthusiasts". It is characteristic that over the past 15 years among all dissertations in sociology, geography and economics, there was only one defended with the word "suburb" in its name [Grigoriev 2014]. Although the concept of "suburbs" and "suburban territories" has been defined in our academic dictionaries for a long time [Suburb 2019], it seems to be poorly demanded and instrumentally understood by those who study cities, settlement systems, territorial planning, etc. in Russia. Only 3 author's monographs on the materials of research of suburbs of large Russian cities have been published so far [Grigoriev 2013; Breslavsky 2014; Kazakova 2017].

At the same time, it is suburban areas in Russia which are becoming the main platform for urban development now (since land and infrastructural resources of the central urban areas are limited, and the cities themselves often do not provide a comfortable environment for living). Ignoring this fact will not be allowed at least because of the continued growth of the population of the largest cities. This applies not only to Moscow and St. Petersburg, other rapidly growing cities in Russia such as Tyumen and Krasnodar, but also to many regional centers which continue to attract intraregional population. Even in those urban agglomerations and large cities where the

combination of natural and migration growth does not give positive indicators, the processes of (re)arrangement of suburban areas can and do occur intensively.

Unfortunately, because of the weakness of Russian statistics and the small number of regional studies we cannot speak more specifically about the sources of suburban growth in Russia as a whole, about the role of urbanization and suburbanization in these processes. But despite the notable differences between cities in some regions of the country, today we can still identify the main segments of their suburban areas, indicate (with reservations) the extent of their ongoing changes [Mkrtchyan 2018], point to the current and possible consequences of these changes. However, without regional studies of Russian suburbs, the history of their formation, the definition of their essential features and characteristics, without studying the sources of their growth and development, population migration and settlement systems linking villages-suburbs-cities, without understanding the scale and results of suburban growth, etc. – without all this we can't get the further development of our subject area.

It seems to be the right time now to start exploring the suburbs. On the one hand, such studies are not conducted in more than 70 major cities in Russia at all, on the other hand, the country's economy and its population are increasingly concentrated in cities. Spontaneous development of suburban areas, inattention to these processes from the regions and the state as a whole can result in many negative consequences, the manifestation of which is only a matter of time. The concentration of poverty in the suburbs of large cities, problems with employment, law and order, the implementation of municipalities powers, environmental and transport problems are becoming more considerable. The peculiarities of Russian taxation, the budget code, the law on local self-government, the weakness of inter-municipal cooperation often become barriers in solving these problems. Not always regional and municipal authorities have sufficient, complete data, making decisions in the field of infrastructural, socio-economic and demographic development of suburban areas. All this forms the public agenda of suburban studies.

From an academic point of view, the study of the "Russian field" is significant not only for the development of domestic urbanism, the assertion of its social status, but also for the expanding international discussions in the field of suburban studies, which include more and more research in the developing and post-socialist world since the early 2000s. We still have a

chance to answer this request. In the current environment much will depend on regional researchers, their initiative and interest in the subject field of suburban research.

References and sources

Breslavsky A. S. Nezaplanirovanniye prigorody: selsko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetskiy period [Unplanned suburbs: rural-urban migration and the growth of Ulan-Ude in the post-Soviet period]. – Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2014. – 192 p.

Breslavsky A. S. Vvedeniye. Prigorody i prigorodniye issledovaniya v sovremennoy Rossii [Introduction. Suburbs and suburban studies in modern Russia] / A.S. Breslavsky // Chto my znaem o sovremennykh rossiyskikh prigorodakh? [What do we know about modern Russian suburbs?] / ed. by A.S. Breslavsky – Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2017. – P. 3–24.

Grigorichev K. V. V teni bolshogo goroda: sotsialnoye prostranstvo prigoroda [In the shadow of the big city: the social space of the suburbs]. – Irkutsk: Ottisk, 2013. – 248 p.

Grigorichev K. V. Prigorodniye soobshchestva kak sotsialniy fenomen: formirovaniye sotsialnogo prostranstva prigoroda: dis. [Suburban communities as a social phenomenon: the formation of a social suburban space: dis.] ... doc.social.scienc.: 22.00.04. – Irkutsk State University, 2014. – 307 p.

Kazakova A. Y. Prigorodniy obraz zhizni v sovremennoy possiyskoy provintsii. Sotsialnaya baza, problemy i perspektivy razvitiya [Suburban lifestyle in modern Russian province. Social base, problems and prospects of development]. – Saratov: University education, 2017. – 259 p.

Mkrtychan N. V. Regionalniye stolitsy Rossii i ih prigorody: osobennosti migratsionnogo balansa [Regional capitals of Russia and their suburbs: peculiarities of migration balance] // Izvetsiya Rossiyskoy Akademii Nauk Seriya geograficheskaya. [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical series]. 2018 – № 6. – P. 26–38.

Prigorod [Suburb] // Demograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar [Demographic encyclopedic dictionary] / chief ed. D. I. Valentye. M.: Sovetskaya entsiklopediya [Soviet encyclopedia]. [Electronic resource]. – Access mode: <http://geography.su/demogr/alph0016.shtml> (date of visit: 15.10.2019).

Chto my znaem o sovremennykh rossiyskikh prigorodakh? [What do we know about modern Russian suburbs?] / ed. A.S. Breslavsky. – Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2017. – 220 p.

Shchepetkova I. O. Territorialnaya organizatsiya sadovo-dachnykh obrazovaniy Permskoy gorodskoy aglomeratsii: aftoref. dis. ... [Territorial organization of garden

and countryhouse formations of Perm city agglomeration]: autoabstr. dis. ... cand. geogr. sciences: 25.00.24. – Perm State National Research University, 2019. – 20 p.

Stanilov K., Sykora L. (eds.) *Confronting suburbanisation: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*, Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. – 360 c.

*Nikita Vladimirovich Mkrtychyan,
Candidate of Geography,
Leading Researcher
of the Institute of Demography
of the National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia
nmkrtychyan@hse.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-117-124

MIGRATION AND SUBURBANIZATION IN THE RUSSIAN REGIONAL CAPITALS AND THEIR SUBURB

Regional capitals, represented in Russia almost exclusively by large cities and their suburbs are centers of migration attraction of the population. According to the calculations made on the basis of the database MED (Rosstat) for 2012–2016, the suburban areas are ahead of the capitals in terms of migration growth rates. In fact, suburban areas are the class of territories leading in this indicator in Russia. Data on intra-regional migration in 39 regions of Russia, collected at a special request from the territorial authorities of Rosstat, showed that in the vast majority of regions, suburbs pull the population of near regional centers, that can be considered as a clear sign of the beginning of suburbanization in Russia. The annual total migration flow of the population from regional capitals to the suburbs is approximately 40–50 thousand people, which is almost twice the migration growth of the population of the Krasnodar territory due to internal Russian migration.

Keywords: regional centers, suburb, migration, suburbanization, Russia.

The resumption of strong population growth in Russian major cities as a result of migration after a break in the 1990s, associated with the transformational crisis, once again reminded of the stadiality of urbanization processes and the degree of its completion/incompleteness in the country [Nefedova, Treyvish 2002]. To what extent does the growth of large cities extend to surrounding areas (the suburbs, suburbia) – to answer this question we will analyze role of the individual streams of migration in the population dynamics and its structure in the capitals of the regions of Russia and their suburban areas.

The considerable experience gained by investigators in Western Europe and the USA in studying the dynamics of the population of large cities and their suburbs, the variety of sources of statistical information on migration processes in these territories allowed us to go on to study the structural characteristics of the population of suburbs [Wulff, Lobo 2009], the features of the natural population movement and etc. The structural features of the population growth of cities and their suburbs were studied with a certain lag in the post-socialist countries of Eastern Europe, including on the example of the capitals of countries or individual major agglomerations [Kure, Wojtowicz, Galka 2015; Ouředníček 2007]. In these countries suburbanization processes, expressed in faster growth of the suburbs of large cities with the stagnation of large cities (centers), were surely marked by researchers already in the 1990s. [Sander 2014; Tammaru, Kulu, Kask 2004]. In the post-Soviet countries the development of suburbanization process was delayed, there was incompleteness of the Russian urbanization [Nefedova, Pokrovsky, Treyvish 2015]. Large cities were growing more confidently [Karachurina, Mkrtchyan 2013; Makhrova, Kirillov 2014], regional capitals demonstrated an overwhelming population growth (in the vast majority – cities with a population of more than 200 thousand people) [Karachurina 2018]. Unlike other countries the processes of suburbanization in Russia weren't studied enough, a comprehensive study the suburbs in recent years were carried out in Moscow [Makhrova, Nefedova, Treyvish 2008; Ioffe, Zayonchkovskaya 2011], Irkutsk [Grigorichev 2013, 2017; Emelyanova, Serebrennikov 2016] agglomerations, in and around Ulan-Ude [Breslavsky 2014]. According to their results, the growth of the suburban population is associated both with the expansion of cities beyond their administrative borders and with the inflow of migrants from the intraregional periphery to the suburbs, the construction of cottage villages in suburbia where residents of agglomeration centers resettle. It is in the latter case that we deal with classical suburbanization, which has long been observed in many developed countries [Rérat 2012]. Another sign of suburbanization is the growth of suburbs due to the relocation of residents of the agglomeration center, which is also observed in the west, and with a certain lag of delay in post-socialist countries [Sander 2014; Gnatiuk 2016].

Data and used methods. The calculations are based on official statistics on the number and migration of the population at the level of urban districts and municipal districts (Database of indicators of municipalities – DB SW) for 72 regions of Russia. With the exception of the most general data,

Moscow, St. Petersburg, the Moscow and Leningrad regions were not taken into account in analysis, which, due to the size and structural heterogeneity of the suburbs, deserve separate consideration as well as a number of regions for which information is not presented in the DB SW. Also, data of intra-regional migration is used (form t_pt2n) on 39 regions, getting of Rosstat territorial bodies on request. The suburbs of the regional capitals are identified on the basis of the author’s methodology, which was tested in a number of publications [Mkrтчyаn 2017; 2018]. To the suburbs(suburban areas) we include municipal entities that have a considerable length of border with the territory of the urban district, in which territory the capital of the region is located.They can consist either of one or several municipalities, the larger the regional capital, usually the larger its suburbs.

Results and its discussion. As previous calculations showed [Mkrтчyаn 2017; 2018], on average, the population in the suburbs has been growing faster than in the regional centers in recent years. In terms of the rate of migration growth in recent years the suburbs are ahead of regional capitals (table 1).

Table 1

Components of changes in the population of the considered regions*,
2012–2016, per 1000

	Total increase	Natural growth	Migration growth	ATP
All population of the considered regions, including:	-0,3	-0,4	0,1	0,0
Capitals of regions and capital territories, total	7,5	1,2	6,3	0,0
The capitals of the regions	7,2	1,4	5,8	0,1
Capital Territories	8,7	0,5	8,2	0,4
Other territories	-6,1	-1,5	-4,5	0,0

*excluding Moscow, St. Petersburg, Moscow and Leningrad regions, rep. Dagestan, Ingushetia and Tyva, Nenets and Chukotka Autonomous Okrug.

Source: Population and migration of the Russian Federation, statistical bulletins for 2013–2017 ; Rosstat, DB SW.

In 2012–2016 annual population growth of capitals and their suburbs due to migration on average was amounted to 307 thousand people (excluding

Moscow, St. Petersburg and its regions), including 194 thousand due to domestic Russian migration and 113 thousand due to international migration. Herewith, the whole increase in domestic Russian migration was provided due to intra-regional movements, because from the regional capitals and metropolitan territories there was a small (about 14 thousand people annually) population outflow to Moscow, St. Petersburg and its regions.

Almost 3/4 of migration growth was accounted for regional capital, but its intensity was higher in the suburbs. Moreover, only intraregional migration provides differences in the intensity of inflow; the indicators of interregional and international migration are absolutely similar.

On the whole, the migration balance of large cities and its suburbs doesn't have a clearly defined regional specificity: the regional centers and their suburbs actively attracting migrants prevail in all parts of the country, which proves the widespread prevalence of the centripetal migration trend.

Intraregional migration- features of suburbanization. Regional capitals and their suburbs are the “operators” of a very big share of migration within the regions. The rapid growth of suburbs is in no small part due to migration from the cities around which they are formed. According to data from 39 regions of the Russian Federation intraregional migration “involving” regional capitals and their suburbs accounts 17.3 fixed by Rosstat long-term in-country migration and a third of intra-regional migration.

For suburbs the role of the regional capital in the migration turnover is especially large: in 2017, 45 % of intra-Russian (both intra- and inter-regional) migrants arriving in the suburbs moved from the regional capital around which they are formed (table 2). In turn, 42 % of Russian migrants leave the suburbs for the regional capital.

The largest regional capitals (listed in Table. 3) have the growth of intraregional migration, but still losing population in the exchange with their own suburbs. In total, out of 39 regions, more than 80 % of the regional capitals lose their population in the migration exchange with the suburbs. In 2017 the migration growth of the suburbs of 38 regional capitals with its capitals reached 22.2 thousand people. If the data is distributed to the remaining regions, it turns out that the flow of people from the capitals in their suburbs, according to our estimates, is 40–50 thousand people annually, that exceeds the migration growth of St. Petersburg or almost twice – the Krasnodar Territory. It is the suburbs in many regions of Russia that are becoming territories experiencing migration growth with all municipalities of their region

without exception. It can be unmistakable signs of suburbanization becoming more common in Russia in spite of the strong geographical variations.

Table 2

Distribution of long-term domestic Russian migrants in the capitals, suburbs and peripheral territories by directions of resettlement, 2017, %

Arrived at:	Where the migrants come from					Total
	from other regions	from the same MO	from the regional capital	from the suburbs of RC	from peripheral MO	
Regional capitals	45,0	0,7	0,0	8,7	45,7	100,0
suburbs of the RC	26,0	6,6	45,0	1,4	21,0	100,0
peripheral MO	46,7	10,7	14,0	1,4	27,1	100,0
Departed from:	Where migrants move					Total
	to other regions	to the same MO	to the regional capital	To the suburb of the RC	To peripheral MO	
Regional capitals	53,2	0,8	0,0	12,8	33,1	100,0
Suburbs of RC	31,6	9,0	41,9	1,8	15,7	100,0
peripheral MO	47,5	10,2	17,3	2,2	22,9	100,0

Source: Rosstat, data for 39 regions received on request.

Not only regional capitals, but also second-order centers give its population to their suburbs. A similar picture is observed, for example, in Tolyatti, Nizhnekamsk, Naberezhnye Chelny, Stary Oskol, Sterlitamak, Magnitogorsk. We believe that suburbanization will cover an increasing share of urban agglomerations, that concentrate migration flows, both intra- and inter-regional.

Thus, the calculations show that in Russia in the 2010s the process of suburbanization got developed with a strong delay not only relative to the United States, Western countries, but also to many Eastern European coun-

tries. However, the analysis of statistical data doesn't allow us to judge to what extent this process is associated with the development of suburbs in its classical sense - low-rise buildings and other signs of a specific suburban environment, but in which - the exit of cities beyond their administrative borders. The answer to these questions needs further research, including on selected regional cases.

Table 3

Migration increase / decrease in the population of certain regional capitals with a population of more than 1 million people, 2017 , people

	Total	Inter-regional	Intra-regional	capital	sub-urb	Other MO
Krasnodar	11035	7262	3773	-	-406	4179
Ufa	1579	-886	2465	-	-2642	5107
Kazan	3482	1799	1683	-	-2952	4635
Perm	2609	-1417	4026	-	-1079	5105
Samara	-5248	-2168	-3080	-	-3147	67
Saratov	1341	-2050	3391	-	-470	3861
Chelya-binsk	355	-2191	2546	-	-901	3447
Omsk	-5827	-7659	1832	-	-192	2024
Novosi-birsk	278	1616	-1338	-	-2322	984
Krasno-yarsk	906	-970	1876	-	-1368	3244
Total	9326	-7310	16636	-	11789	28425

Source: Rosstat, data for 39 regions received on request.

References and sources

Breslavsky A. S. Nezaplanirovanniye prigorody: selsko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetskiy period [Unplanned suburbs: rural-urban migration and the growth of Ulan-Ude in the post-Soviet period] / ed. by M. N. Baldano. – Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2014. – 192 p.

Grigorichev K. V. V teni bolshogo goroda: sotsialnoye prostranstvo prigoroda [In the shadow of the big city: the social space of the suburbs]. – Irkutsk: Print, 2013. – 248 p.

Grigorichev K. V. Subregionalniye migratsii i formirovaniye prigoroda sibirskogo goroda [Sub-regional migrations and formation of Siberian city suburbs] // Mir bolshogo Altaya [The world of big Altai]. – 2017. – №1(3). – P. 31–42.

Emelyanova N. V., Serebrennikov E.N. Sotsialno-demograficheskaya otsenka kachestva zhizni naseleniya Irkutskoy aglomeratsii [Socio-demographic assessment of the quality of population's life of Irkutsk agglomeration]// Vestnik Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bulletin of Zabaikalsky State University]. – 2016. – Vol. 22, № 6. – P. 96–107.

Karachurina L. B. Dinamika naseleniya regionalnykh tsentrov i vtorykh gorodov regionov v Rossii: proyavlyautsya li tendentsii k politsentrizmu? [Population dynamics of regional centers and second cities of regions in Russia: are there tendencies to polycentrism?] // Izvestiya RAN [News of RAS]. Ser. geogr. – 2018. – № 4. – P. 7–21.

Karachurina L. B., Mkrtychyan N. V. Izmeneniya chislennosti naseleniya munitsipalnykh obrazovaniy RF (1989–2010): tsentro-periferiyniye vzaimodeystviya [Population change in municipalities of the Russian Federation (1989–2010): center-peripheral interactions] // Geografiya naseleniya i sotsialnaya geografiya [Population geography and social geography]. Voprosy geografii [Geography issues]. Ser. Voprosy geografii. Russkoye geograficheskoye obshchestvo [“Geography issues” Russian geographical society], Moscow branch. – M.: Kodex, 2013. – P. 82–107.

Makhrova A. G., Kirillov P. L. “Zhilishchnaya proektsiya” sovremennoy rossiyskoy urbanizatsii [“The housing projection” of contemporary Russian urbanization] // Regionalniye issledovaniya [Regional study]. – 2014. – № 4. – P. 134–144.

Makhrova A. G., Nefedova T. G., Treivish A. I. Moskovskaya oblast segodnya i zavtra: tendentsii i perspektivy prostranstvennogo razvitiya [Moscow region today and tomorrow: trends and prospects of spatial development]. – M.: Noviy khronograf [New chronograph], 2008. – 344 p.

Mkrtychyan N. V. Pristolichiyе territorii Rossii: dinamika naseleniya i migratsionnyy balans [Russian capital territories: population dynamics and migration balance] // Chto mi znaem o sovremennykh rossiyskikh prigorodakh? [What do we know about modern Russian suburbs?] / ed. by A. S. Breslavsky. – Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2017. – P. 26–36.

Mkrtychyan N. V. Regionalniye stolitsy i ikh prigorody: osobennosti migratsionnogo balansa [Regional capitals and their suburbs: peculiarities of migration balance] // Izvestiya RAN [News of RAS]. Seriya geograficheskaya [Geographical series]. – 2018.– № 6. – P. 26–38.

Nefedova T. G., Pokrovsky N. E., Treyvish A. I. Urbanizatsiya, dezurbanizatsiya i selsko-gorodskiye soobshchestva v usloviyakh rosta gorizontальной mobilnosti

[Urbanization, deurbanization and rural-urban communities in the context of increasing horizontal mobility] // *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological research]. – 2015. – № 12. – P. 60–69.

Nefedova T. G., Treyvish A. I. Teoriya “differentsialnoy urbanizatsii” i ierarkhiya gorodov v Rossii na rubezhe XXI v. [The theory of "differential urbanization" and the hierarchy of cities in Russia at the turn of the XXI century] // [Problems of urbanization at the turn of the centuries] / ex. ed. A. G. Makhrova. – Smolensk: Oykumena, 2002. – P. 71–86.

Gnatiuk O. Demographic dimension of suburbanization in Ukraine in the light of urban development theories // *AUC Geographica* [S.l.]. N 52(2). – P. 151–163.

Ioffe G., Zayonchkovskaya Zh. Spatial shifts in the population of Moscow region // *Eurasian Geogr. Econ.* – 2011. – N 52(4). – P. 543–566.

Kulu H., Boyle P.J High fertility in city suburbs: Compositional or contextual effects? // *European Journal of Population.* – 2009. – N 25(2). – P. 157–174.

Kurek S., Wojtowicz M., Galka J. The changing role of migration and natural increase in suburban population growth: The case of a non-capital post-socialist city (The Krakow Metropolitan Area, Poland) // *Moravian Geographical Reports.* – 2015. – N 23(4). – P. 59–70.

Ouředníček M. Differential suburban development in the Prague urban region // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography.* – 2007. – N 89(2). – P. 111–126.

Rérat P. The New Demographic Growth of Cities: The Case of Reurbanisation in Switzerland // *Urban Studies.* – 2012. – N 49(5). – P. 1107–1125.

Sander N. Internal migration in Germany, 1995–2010: New insights into East-West migration and re-urbanisation // *Comparative Population Studies.* – 2014. – N 39(2). – P. 217–246.

Tammaru T., Kulu H., Kask I. Urbanization, Suburbanization, and Counter-urbanization in Estonia // *Eurasian Geography and Economics.* – 2004. –N 45(3). – P. 212–229.

Wulff M., Lobo M. The new gentrifiers: The role of households and migration in reshaping Melbourne's core and inner suburbs // *Urban Policy and Research.* – 2009. – N 27(3). – P. 315–331.

*Konstantin Vadimovich Grigorichev,
Doctor of Sociology,
Vice-rector for research
and international affairs,
Professor of Irkutsk State University
Irkutsk, Russia*

*Professor, Leading Researcher
of the History and Political Sciences
Department of Tomsk State University
Tomsk, Russia
grigorichev@yandex.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-125-129

“PRIVATE SECTOR” OF THE RUSSIAN CITIES: FROM HERITAGE OF SOVIET URBANIZATION TO THE “INNER SUBURBS”

The report raises the problem of the spread of suburbanism as a lifestyle in the vast tracts of estate development, defined in Russian cities as the "private sector". It is shown that the "private sector" occupies a significant part of the space of provincial cities, but the specifics of its post-Soviet transformations remain beyond the research attention. On the basis of several variants, the hypothesis is proposed that it is the "private sector" and its communities that can perform as the main field for the spread of suburbanism in post-Soviet Russian cities.

Keywords: suburbanisation, “private sector”, inner suburbs.

“The post-socialist suburban revolution”, recorded by researchers as one of the key trends in urban development of post-Soviet countries in recent decades” [Stanilov, Sykora 2014], in Russian conditions is much less dynamic. Despite the fact that the suburbs of large cities remain the only points of preservation and even population growth [Mkrtychyan 2017; Grigorichev, 2018], it is still difficult to talk about a radical change in the role of suburbs in the settlement system in Russia. This is reflected in the relatively low growth rates of migration beyond the administrative boundaries of cities, and in the preservation of the model of using suburban housing as a second

and/or seasonal as a base, and in the prevalence of urban "elite" housing as a sign of high social status. Suburban settlements often remain a zone of resettlement of migrants from rural areas as an effect of incomplete Soviet urbanization [*Breslavsky* 2014], a zone of forced resettlement of citizens displaced from prestigious urban areas as a result of reconstruction or economic instability [*Kazakova* 2017]. Living on the periphery of a large city often becomes a territorial stigma [*Kazakova* 2017], forming the image of suburbia as socially disadvantaged suburbs. Examples of mass movement of citizens to the suburbs [*Grigorichev* 2013] as a conscious choice of suburban lifestyle remain, rather, options for the possible future, but not the dominant trend.

One of the key reasons for this situation, in my opinion, lies in the specifics of the spatial, architectural and social organization of the Russian city. Express Soviet urbanization 1930–1950s established significant specifics of development of the Soviet cities, one form of which was the so-called "private sector" – areas of low-rise individual housing construction, developing on the basis of the spontaneous development of migrants from the village, where rural practices of organisation of communities and everyday life were reproduced. Embodying the phenomenon defined by V. L. Glazychev as "urban slobodization" [1995], this sociospatial phenomenon persists in most Russian cities outside the metropolitan areas. Even in the largest cities-millionaires of Siberia (Omsk, Krasnoyarsk, Novosibirsk) "private sector" occupies vast arrays, not only filling the voids between blocks of multi-storey buildings, but also forming entire areas with a specific "non-urban" organization of space and communities, leaving a serious imprint on the nature of both spatial and social development of the city. In smaller cities-regional capitals the "private sector" often makes up a large part of the built-up area, and the population living here-a significant part of urban communities.

Since its formation this phenomenon has been described in power rhetoric and urban planning documentation as a temporary and marginal for the city. It was assumed that in the future this "side effect" of urbanization will give way to planned development within the framework of the concept of "socialist city". As a consequence, communities formed in "private sector" areas were seen as temporary, and their "non-urban" way of life as transitional, temporary state. The preservation of vast tracts of "private sector" in Russian cities has led to the preservation of this transition for decades. As a

result, Russian cities have formed the phenomenon of transitional communities that preserve their marginal status throughout the life of the already two or three generations. In ordinary consciousness, power rhetoric and, often, in a few academic texts, areas of the "private sector" are a priori defined as areas of marginalized groups and often discursively criminalized. This perception of a significant segment of the urban space of Russian cities and the communities living in them persists to the present time, and the ideas about the post-Soviet transformations of the Russian city do not de facto apply to them.

At the same time, field observations in Omsk, Khabarovsk and a few more studied cases in Irkutsk show that it is the "private sector" that is becoming one of the most important reception spaces of suburbanism as a way of life. Visually, the most visible manifestations of the penetration of suburban lifestyle inside the city limits are the enclaves of cottage development, which arise on the borders of the arrays of the "private sector" with prestigious areas of multi-storey buildings, or with recreational spaces. Communities of such enclaves are formed on the model of gated community [Low 2003], which probably reflects the general post-Soviet trend of spatial and symbolic isolation of new elites [*Gasiór-Niemiec, Glasze, Pütz* 2009; Hirt 2012]. The obvious differences from the adjacent "private sector" in the architectural appearance, in the organization of the living space and the estate are emphasized in a different way and the rhythm of life.

However, the emergence of such closed communities is not the dominant option for the penetration of suburbanism within the city limits. A much larger trend is the change in the appearance of the main body of the private sector. Long-term (more than 10 years) observations of a small area of the "private sector" of Irkutsk suggest that the key trend of its development was the transformation of the model of "inner suburbs". For example, one of the objects of my observation is a small street in the North-Western part of the city, constructing with tall buildings of which is not planned due to the nature of the soil (proximity to the floodplain), as stated in the general plan for the development of Irkutsk. During the observation of the 47 estates located here, 12 were completely rebuilt and significantly rebuilt another 17. New and rebuilt houses differ from the original appearance of the "private sector" as a new layout and materials, and the presence of a full range of utilities based on local technologies (own water wells, water treatment systems, sanitation, etc.). Not only residential premises are being rebuilt, but also the

space of the estate, which almost completely loses its supporting function (as a subsidiary farm), acquiring mainly recreational value. It is important to emphasize that among the owners of the rebuilt estates there are both representatives of the indigenous community (the second and third generation living in this locality) and visitors. Investments in capital construction together with changes in the organization of space and functions of estates, in my opinion, are a marker of reflexive choice of settlement outside of multi-storey buildings. A number of interviews collected in such localities confirm the choice of such a settlement as a special way of life, the closeness to the characteristics of suburbanism [Walks 2013].

Thus, it seems to me possible to assume that one of the most popular variants of suburbanization in regional cities of post-Soviet Russia is the transformation of the "private sector" on the model of the inner suburbs. The spread of suburbanism here, despite its considerable scale, is poorly reflected in both academic and managerial discourse due to the stereotypical perception of such localities as marginal. However, the "private sector" can be a basic space distribution of suburbanism in modern Russia.

References and sources

Breslavsky A. S. Nezaplanirovanniye prigorody: selsko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetkiy period [Unplanned suburbs: rural-urban migration and the growth of Ulan-Ude in the post-Soviet period] / ed. by M. N. Baldano. – Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2014. – 192 p.

Glazichev V. L. Slobodizatsiya strany Gardariki [Slobodisation of Gardariki country] // Other. Khrestomatiya novogo rossiyskogo samosoznaniya [Anthology of the new Russian identity]. – M.: Argus, 1995. – P. 63–68.

Grigorichev K. V. V teni bolshogo goroda. Sotsialnoye prostranstvo prigoroda [In the shadow of the big city. The social space of the suburb]. – Irkutsk: Ottisk, 2013. – 238 p.

Grigorichev K. V. Suburbanisatsiya na vostoke Rossii: regionalnaya mozaika globalnogo trenda [Suburbanization in the East of Russia: regional mosaic of global trend] // Respubliki na vostoke Rossii: traektorii ekonomicheskogo, demograficheskogo i territorialnogo razvitiya [Republics in the East of Russia: trajectory of economic, demographic and territorial development] / ed. by A. S. Breslavsky. – Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2018. – P. 175–189.

Kazakova A. U. Prigorodny obraz zhizni v sovremennoy rossiyskoy provintsii. Sotsialnaya baza, problemy i perspektivy razvitiya [Suburban lifestyle in the modern Russian province. Social base, problems and prospects of development]. – Saratov: Vuzovskoye obrazovaniye [University education], 2017. – 259 p.

Kazakova A. U. Territorialnaya stigma: sodержaniye i znak otsenki [Territorial stigma: content and mark of assessment] // Sotsialniye i gumanitarniye znaniya [Social and humanitarian knowledge]. – 2017. – Vol. 3. – № 4(12). – P. 357–368.

Mkrtyan N. V. Pristolichniye territorii Rossii: dinamika naseleniya i migratsionny balance [Russian capital territories: population dynamics and migration balance] // Chto mi znaem o sovremennykh rossiyskikh prigorodakh [What do we know about modern Russian suburbs?] / ed. by A. S. Breslavsky. – Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2017. – P. 26–36.

Gasior-Niemiec A., Glasze G., Pütz R. A Glimpse over the Rising Walls: The Reflection of Post-Communist Transformation in the Polish Discourse of Gated Communities // East European Politics & Societies. – 2003. – Vol. 23. – N. 2. – P. 244–265.

Hirt S. Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City. – Oxford: Willey-Blackwell, 2012. – 252 p.

Low S. M. Behind the Gates: Life, Security and the Pursuit of Happiness in Fortress America. – New York and London: Routledge, 2003. – 275 p.

Stanilov K., Sykora L. (eds.) Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe – Oxford: Willey-Blackwell, 2014. – 360 p.

*Etibar Sanan Ogly Badalov,
Doctor of Philosophy in Geography
National Academy of Azerbaijan,
Senior Researcher
at the Institute of geography
Baku, Azerbaijan
badalov.1958@mail.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-130-135

URBANIZATION AND SUBURBANIZATION IN AZERBAIJAN

The article analyzes the historical development and formation of urbanization and suburbanization in the urban settlement of Azerbaijan. The process of urbanization and its influence on urban settlement, the problem of development of urban agglomerations are studied. The ways of socio-economic development and transformation of the territorial organization of large and larger urban agglomerations are revealed. The analysis of population growth dynamics in urban agglomerations is carried out. On the basis of the conducted researches recommendations on regulation of urban settlement in Azerbaijan are put forward.

Keywords: urbanization, suburbanization, agglomerations, satellite town, sub-urbs.

The history of urbanization and suburbanization in Azerbaijan can be divided into 4 stages. The first stage is associated with the development of the oil industry, the intensive growth of which occurred in the 80–90s of the XIX century. In general, over 1880–1913 years the urban population of Azerbaijan more than doubled: from 11 to 24 %. The second stage covers the 1930s–1960s, when the Republic began to pursue a policy of industrialization, which resulted in the formation of 38 cities (1933–1967). The number of cities was 54, and the urban population more than doubled: from 24 to 50 %. The third stage covers the 1970s–1980s (1968–1991), when 15 set-

tlements received the status of a city. Eventually, the number of cities increased to 69. The share of urban population in the Republic increased from 50 % to 54.2 %, and the population - from 2444.9 to 3858.3 thousands people, therefore, the growth rate was 57.8 %. Baku agglomeration, as before, played an important role in the structure of the national economy and was the "locomotive" of urbanization in the Republic. The oil and gas industry played a certain role in the industrialization of the entire Absheron region. It was being developed on the basis of a large city and mining area, genetically representing the whole [Efendiev 2009]. Baku was a monocentric agglomeration and a dense cluster of medium and small satellites was typical for it. According to the number of satellite settlements in 1959, the Baku agglomeration took the second place in the USSR [Cities... 1961]. During the Soviet period, the policy of restraining the growth of Baku was carried out. In 1926–1959 the population of Baku increased by 41.7 %, and its suburbs-by 93.3 %. In 1959–1970s – by 32.5 and 51.7 %, respectively, in 1970–1989s - by 28.0 and 60.0 % [Badalov 2016]. These indicators prove that the policy of the administrative-command mechanism to limit the growth of Baku in this period was successful, that slowed down the growth rate.

Baku is the main center of urbanization and the industrial core of the country, differing in the territorial concentration of industrial production. The analysis shows that in the Baku urban agglomeration the population increased by 689.5 thousand people from 1970 to 1990. The trend in the dynamics was formed under the influence of a high pace of natural growth, and in the total growth the share of migration growth decreased to 15 %. At the same time, the population growth in Baku itself increased by 338.8 thousand people and in the suburbs-by 350.7 thousand. During this period, major works on housing and cultural construction, territory improvement and greening, development of engineering and transport systems were carried out in Baku. Rapid housing construction and industrial development in the suburban area, as well as in the satellite city of Sumgait, which became an industrial center of petrochemistry and metallurgy, accelerated the process of suburbanization in the Baku agglomeration. Under the conditions of the socialist economic system the growth of cities was rationally regulated in the Republic. During this period, new industrial hubs such as Ganja (Kirovabad)-Dashkesan, Mingechaur-Yevlakh and Shirvan (Ali-Bayramly)-Salyan were formed on the basis of the use of local natural resources [Eminov 2005]. They had favorable transport conditions, and there was a concen-

tration of industry and labor in these hubs. During the evolution process of these cities, their economic functions became more complicated, the socio-demographic composition of the inhabitants changed, the territory of cities and the population increased, small agglomerations were formed.

The fourth stage covers the post-Soviet period, when in the early 1990s in Azerbaijan there was a military aggression by Armenia, as a result of which 12 cities and more than 30 towns were occupied, and more than 1 million people became refugees. The abandonment of planned economy and the transition to a market economy, as well as the rupture of old industrial relations and the war worsened the political and socio-economic situation in the country. During this period, another 9 cities were formed, their number reached 78. In the post-Soviet period (1991–2019) the share of urban population in the Republic decreased to 52.8 %, the population growth rate was 36.7 %, it increased from 3858.3 to 5273.9 thousand people. The analysis of the dynamics of the urban population revealed that the intensive growth of urbanization occurred in the 1980s and after the 2000s., however, there was also a period of stagnation in the 1990s. In the post-Soviet period from 1991 to 2004, urbanization and suburbanization processes developed at a slow pace, but after 2005 the development of these processes went at a faster pace. The dynamics of the urban population in 2005–2018 increased and amounted to 1061.8 thousand people, including natural growth – 666.3 thousand people, or 62.8 %, 20 % – due to migration and up to 20 % accounted for new emerging urban settlements.

In the post-Soviet period in the dynamics of urbanization of the regions there was a decrease in the share of urban population in Aran and Ganja-Gazakh (due to the rapid growth of the rural population of the regions), and a large increase occurred only in Mountainous Shirvan. In 1991–2019, the growth rate of the urban population in all regions ranged from 40 to 60 %, the lowest rate was in Ganja-Gazakh (less than 30 %). The process of development of urban settlement and the dynamics of the number of urban settlements have significant differences in individual urban groups. Large (50-100 thousand people) and larger (100-500 thousand people) cities grew the fastest. Small towns developed at a slower pace [Badalov 2014].

There is a hierarchical subordination of cities of different ranks. Its basis is the importance of each city in the entire economic, socio-cultural and administrative life of the Republic. Baku, as the capital of the Republic of Azerbaijan, leads the entire hierarchy of cities not only in terms of population, but also in terms of the diversity and scale of its functions. At the lower

position there is Ganja-the second center of the Republic, Sumgait-satellite city, Mingeचाур-a city of Republican significance, as well as large cities distinguished as the centers of regions. These are Shirvan, Sheki, Guba, Lankaran, Nakhichevan, Yevlakh, etc. Medium-sized and small towns stand out as district centers, but the level of urbanization in them is less developed.

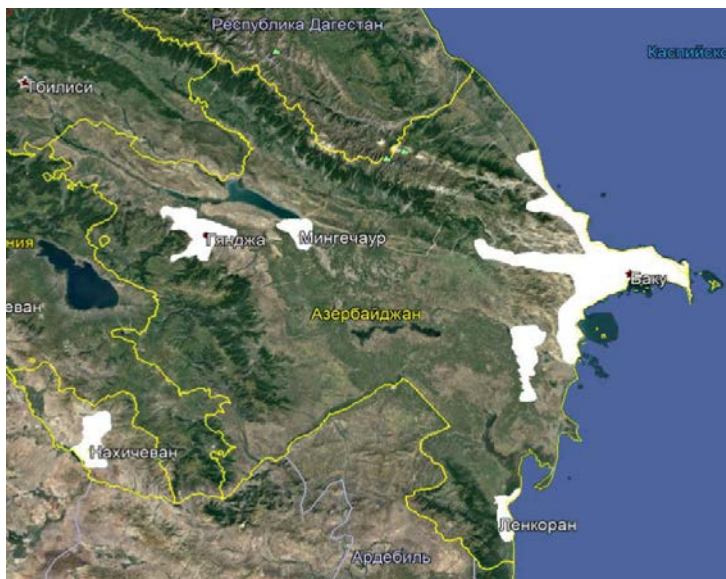

Fig. 1. Agglomeration of Azerbaijan

At the present stage, the Baku agglomeration is characterized by a high level of suburbanization and intensive urban development. During this period, modern industrial parks are being formed around the urban core and in Sumgait , and on the coast of the Peninsula-a resort area. There is also a chaotic development of individual construction, dozens of settlements were built. The agglomeration occupied 2.8 thousand square kilometers, and it included two satellite cities: Sumgait and Khirdalan, 72 settlements and 7 villages, the population was 2.8 million people. The analysis shows that, according to the volume of labor pendulum migrations and the intensity of transport communication, the boundaries of the agglomeration increased. For instance, the increase in transport accessibility to one and a half hour isochronous led to an increase in the territory to 5.0 thousand square kilometers, the number of satellite cities increased to 7, and the population – to 3.0

million people. The Suburbanization trends also occur around other major cities. Ganja is the second agglomeration with a territory of more than 1 thousand square kilometers, it has 5 satellite cities, 30 settlements, the population is 480 thousand people. The agglomerations Mingechaur, Shirvan, Lankaran, Nakhichevan are also being formed, there are several cities and towns around them.

To regulate the development of the Baku agglomeration, it is necessary to solve the main problem, which is that more than 600 thousand individual houses do not have registration. There are more than 2 million people living there who do not have a residence permit. They do not belong to the permanent population. Also, more than 500 thousand refugees temporarily live. According to unofficial data, the actual population in the agglomeration is more than 5 million people. This means that the bulk of the country's population is concentrated here. Therefore, despite the construction of new roads and junctions, bridges, underground tunnels, there are transport problems, and suburbanization has led to an increase in pendulum migration and spontaneous territorial sprawl of the city, the deterioration of the ecological situation.

At the present stage of urbanization, large urban agglomerations are the key link of population resettlement. Studies of agglomerations show that their growth and renewal, as well as the enrichment of their functional structure occurred at a slower pace than demographic processes. For the development of urban agglomerations and the transition to a new qualitative state, it is necessary to increase the territories and functions of cities that are the centers of agglomerations. To form their outer zones, it is necessary to transform large villages into settlements.

References and sources

Badalov E. S. Osnovniye napravleniya rasvitiya Bakinskoy gorodskoy aglomeratsii [The main directions of development of the Baku urban agglomeration] // Geographiya i prirodniye resursy [Geography and natural resources]. – 2016. – Vol. 2. – P. 201–208.

Badalov E. S. Rol planirovki v regulirovanii rasseleniya Bakinskoy aglomeratsii [The role of planning in regulation of settlement of Baku agglomeration] // Prikladniye napravleniya primeneniya sovremennoy geographicheskoy nauki [Applied directions of application of modern geographical science]. – Baku: BSU, 2014. – P. 360–365.

Goroda-sputniki [Satellite cities] / ed. by V. G. Davidovich, B.S. Khorev. – M.: State publishing house, 1961. – 195 p.

Eminov Z. N. Naseleniye Azerbadzhana [The population of Azerbaijan]. – Baku: Chirag, 2005. – 560 p.

Efendiev V.A. Puti regulirovaniya goroda Baku v edinoy sisteme proizvodstva i rasseleniya Azerbadzhana [The ways of regulation of the Baku city in the unified system of production and settlement of Azerbaijan] //Trudy geographicheskogo obshchestva Azerbadzhana [Works of the Geographical Society Of Azerbaijan]. 2009. – Vol. 14. – P. 128–132.

*Kulshat Agibaevna Medeusova,
Doctor of philosophy, Professor
Department of Philosophy
of the L. N. Gumilev Eurasian
national University
Nur-Sultan, Kazakhstan
mkulshat@mail.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-136-142

SUBURBS OF ASTANA/NUR-SULTAN: FROM THE GREEN BELT TO THE COTTAGE CHAOS

The report focuses on the factors that influenced the development of new suburbanization processes in Kazakhstan, and how, after the transfer of the capital from Almaty to Astana in 1997, a communication channel with a rapidly and sometimes chaotically developing capital "opened" in small settlements. The nature of preventive measures against uncontrolled growth of outskirts and suburbs is analyzed. Discussions on the nature of the growth points of the new capital are considered on the examples of plans and implementation of programs "Zhasyl El", "Green zone of the capital", activities for the formation of a sustainable "food security zone". The main provisions and metaphors of the development of the general plans of the capital and suburbs, the gradual transition from the metaphor of symbiotic growth to the rhetoric of agglomeration development are analyzed. The General context of the post-Soviet reformatting of ideas about life in the private sector and the features of pendulum migration is considered on the examples from two settlements Koyanda and Rodina.

Keywords: capital, general plan, suburban area, agglomeration, green zone, state programs.

In the official and unofficial discourses of the new capital of Kazakhstan the concept of "agglomeration" does not seem to be the key yet, centering

the whole range of tasks of the rapidly growing space of the capital and its suburban areas. And this is despite the fact that two consecutive documents were adopted: "Interregional action plan for the development of Astana agglomeration until 2020" in 2013 [*Resolution 2013*]; and "Long-term plan for the formation of Astana agglomeration until 2030" in 2018 [*Resolution 2018*]. Both documents rather outline the general configuration of the territories adjacent to the capital, and then they describe the opportunities for development according to standard scenarios, which in fact repeat the norms of description typical for the last century with all the hierarchical relations of the center-periphery. Thus, one of the key concepts of the 2013 document were "food security of the capital" and "green zone of the capital". Among the priority sectors and clusters of development of Astana agglomeration the tasks of supplying the capital with food dominate. Economic specialization for agglomerations is focused on crop and livestock production, with emphasis on the fact that the suburban area is an infrastructurally coordinated zone around the core city of Astana. As risks the problem of pendulum migration to the capital is noted: "Astana agglomeration is a monocentric agglomeration, which, in addition to the city of Astana, includes the city of Akkol and 4 rural districts of Akkol, 13 rural districts of Arshaly, 18 rural districts of Tselinograd, 11 rural districts of Shortandy districts. These territories are included in the 1.5-hour isochrona of transport accessibility (that is no more than 110 kilometers along the main routes and no more than 75 kilometers in other areas) from Astana. This isochrona corresponds to the international practice of intensive daily labor migration to the core city from adjacent settlements" [*Resolution 2013*].

A broader framework of regional development was presented by the program "Zhasyl Damu" (Green development) [*Decree 2010*], according to which the creation of a green zone around Astana is part of larger measures for forest reproduction and afforestation, greening of settlements. This program is a long-term investment in the formation of a comfortable landscape around the capital, aimed at the development of tourism, hunting and recreation. Since Korgalzhyn reserve, state national park "Burabay", Yereymentausky and Atbasar reserves are located in the immediate neighborhood of the external borders of the agglomeration, the green zone of the capital eventually turns into a belt linking the natural, social and cultural landscapes of Central and Northern Kazakhstan. This corresponds to the key idea of Kise Kurakawa (the author of the general plan of the capital), according to

which the city will never stop in its development, because it will be in constant symbiosis with nature. According to the recommendations of the Japanese architect, it is important for Astana to maintain communication with the cultural and natural landscape through the preservation of nature in the structure of the urban landscape [Bekus, Medeuova 2011].

The rest of the city is made up of "Green wedges", which include individual flora and fauna from all the territories of Kazakhstan and together with parks, embankments along the rivers Yessil, Akbulak, Sarybulak and Nura-Yessil canal, forming a single natural landscape complex, located within walking distance from any territory of the city. The area of greening of the total territory of the city will be 51 % [Regulation... 2013].

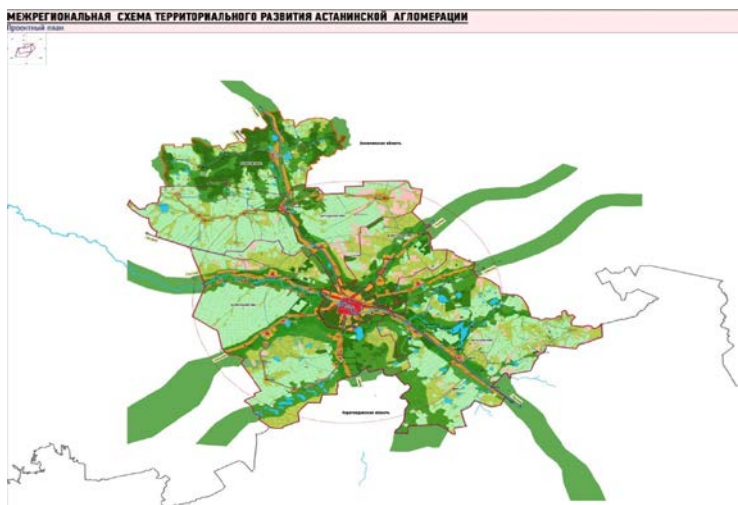

Fig. 1. Interregional scheme of territorial development of Astana agglomeration

According to the first document (*Interregional plan... 2013*), a positive scenario that Astana can implement is the normalization of the economic and natural landscape load on the territory, which previously mainly specialized in agriculture. According to the second document (*Long-term plan... 2018*), adopted after the implementation of the EXPO-2017 project, Astana is already interpreted not only as a center of agglomeration, but also as a magnet center. The optimism of the plan's developers about the city's ability to be a magnet is questionable precisely in terms of how the potential of

suburban areas is interpreted. "Astana has the potential to acquire the status of a magnet city for talented professionals from Western Siberia and Central Asia (Billetter index 19.4% in 2016) [...] The main goal of the Long-term plan is the formation of Astana agglomeration as an economic center of the Eurasian continent, attractive to the population of Kazakhstan and other countries, primarily for holders of new knowledge, ideas (talents), able to implement them" [*Resolution...* 2018].

Out of all the new tasks reflected in the second document agglomeration management is in the last place, despite the fact that twenty years of active reformatting of life in the immediate vicinity of the capital have led to uneven development of settlements. And if it was possible to keep the outer suburban areas at some distance from the immediate city limits, the cottage development carries huge risks in terms of planning chaos and lack of provision of public utilities. At the same time, the population of Astana agglomeration was 1,237 thousand people on January 1 in 2018, 1,029 thousand people of which lived in Astana.

Both in the first and in the second documents real possibilities for realization of the tasks declared in preambles of documents are poorly registered: "A set of measures will be taken to bring the quality of life on the outskirts of Astana to the conditions of the city center (the quality of housing, the state of social and engineering infrastructure, and others). Measures will also be taken to prevent the growth of the core city and other settlements at the expense of agricultural and recreational land, bringing the density of the urban population to at least 1,000 people per square kilometer".

Points of positioning of tourist and recreational services, the use of free land for the creation of ecological villages and ethnic villages with mandatory infrastructure for their maintenance were added to the initial ideas about the economic specialization of promising rural settlements in the suburban area of the city.

To validate these plans let us consider some aspects of the real growth of two settlements: Rodina and Koyanda. Rodina aul (until 2010 – the village of Priozernoye) received its name from the well-known diversified agricultural formation, a special Kazakh brand of the agricultural firm "Rodina". In the first document this settlement was taken as an example of "perspective". Neither territory nor population has ever been taken into account in terms of rapid growth. For the entire post-Soviet period the population ranged from 1,000 to 1,200 inhabitants, half of whom are employees of the agricultural firm. There is no pendulum migration in relation to the capi-

tal. To get to work in an agricultural firm and get a social package, it is necessary to pass a kind of competition, in which important parameters are not only professional skills, but also social habits, such as intolerance to alcohol. The village plays not only its economic role but also the role of an exemplary settlement. During the year it is visited by about 100 international delegations, strict control over the entire public space is maintained in the village, the agricultural formation creates an active social program to support its employees, instead demanding their absolute loyalty as residents of the village, for example, the refusal of private farmstead.

The second settlement of Koyanda is the complete opposite of Rodina. In the Soviet period it was home to about 300 people and there was no special specialization in the settlement except livestock farms. Therefore, in the first document, it was assigned the role of a counter-regulator for the uncontrolled growth of suburban areas. The settlement was beyond the half-hour accessibility to the capital and it was assumed that if there were to give plots to various social groups (large families, oralmans, immigrants) away from the immediate city limits, there would be less load on the capital. But the reality was very different. For twenty years the territory of the settlement has increased 18 times, and the population 90 times. According to the data of 2018, 29 thousand people lived in the settlement, about 200 households were located in self-occupied territories.

If the village of Rodina embodies the late Soviet version of prosperity, order, equidistant (equalizing) social environment, where all residents can live in almost identical houses, behind the same fences, the village of Koyanda is the other extreme-chaotic construction, widespread lack of fences, or, conversely, the construction of very high and impenetrable fences. At the same time, if the Soviet-built houses in Rodina are as a "sample" of private housing, in Koyanda it is the buildings of the Soviet period that look like ruins, because the rest of the village, which has grown chaotically, is represented by large cottages. Large cottage houses are not centered in relation to the boundaries of plots, planning lines. The absence of fences, front gardens, combined use of residential and commercial premises leads to an absolutely "non-Soviet" picture of life on "land". With all these "unusual" images the village of Koyanda does not look like a favela or a slum, on the contrary, it is a settlement where the capital's small and medium-sized business actors live, for whom work and life are divorced within the daily pendulum migration.

Pic. 2–3. Koyanda in 2005 and in 2019

One of the answers to the different picture of life within half an hour of the capital is that for many theorists, developers of general plans, schematic diagrams of the distribution of productive forces in Kazakhstan the task is still urgent – to find one's own tool for analyzing the emerging cultural practices of life on land. Because in case of preservation of the Soviet pattern of conducting collective economy and binding the settlement to it the picture of "the improved Soviet" turns out. In the case of granting full freedom to residents themselves to "cultivate" their territories the methodological insufficiency of urban planning analytics becomes apparent. The task is to learn how to analyze the real processes of reformatting ideas about life on land.

References and sources

Postanovleniye Pravitelstva Respubliki Kazakhstan ot 18 Iyunya 2013 № 611 “Ob utverzhdenii Mezhregionalnogo plana meropriyatiy po razvitiyu Astaninskoy aglomeratsii do 2020” [Resolution of the Government of the Kazakhstan Republic dated June 18, 2013 No. 611 "On approval of the interregional action plan for the development of Astana agglomeration until 2020".]

Postanovleniye pravitelstva Respubliki Kazakhstan ot 26 Iyulya 2018 № 862 “Ob utverzhdenii dolgosrochnogo plana formirovaniya Astaninskoy aglomeratsii do 2030” [Resolution of the government of the Kazakhstan Republic dated July 26, 2018 No. 862 "On approval of the long-term plan for the formation of the Astana agglomeration until 2030"].

Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 1 Fevralya 2010 “O strategicheskome plane razvitiya RK do 2010”: Pravitelstvom razrabotana I utverzhdena otraslevaya programma “Zhasyl Damu” na 2010–2014” [Decree of the President of the Kazakhstan Republic dated February 1, 2010 "On the strategic development plan of Kazakhstan until 2020"; the government has developed and approved the sectoral program "Zhasyl Damu" for 2010–2014].

Bekus N. E., Medeusova K. A. Smena epokh kak smena stolits: Astana kak globalniy centre [The change of epochs as the change of capitals: Astana as a global centre] // Vmesto pamyati: sovetnskoye segodnya [Emergency ration. Instead of memory: soviet today]. – 2011. – № 80. – P. 139–158.

*Mirlan Muktarovich Dyldaev,
Candidate of Geography,
Dean of Faculty of ecology
and management of K. Karasaev
Bishkek State University
Bishkek, Kyrgyz Republic
dyldaev@mail.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-143-146

FEATURES OF URBANIZATION IN THE KYRGYZ REPUBLIC

In the Kyrgyz Republic, the urban population is 36 %. There are more than 31 cities in the country, and the main distinctive feature of urbanization is that it took place in a mountainous territorial location. Urban areas, as a rule, are mainly located in the valley and low-mountain zone of the Republic, with the exception of some urban systems, which are located in the mid-mountain part. In the Kyrgyz Republic natural and historical processes and cultural and traditional features have influenced the formation of a specific form of urbanization. It differs from the classical type in a relatively small historical period of time-about 100–150 years (excluding ancient fortresses, mausoleums and caravan trade sites). This distinguishes urbanization in the Republic from the world processes of urbanization, the continuity of which has a thousand-year history. In the last twenty years the pace of urbanization has become spontaneous, around large cities (Bishkek, Osh, etc.) so-called "new buildings" have grown, built up with low-rise buildings without adequate infrastructure, which has significantly worsened the sanitary-epidemiological and environmental situation.

Keywords: agglomeration, buffer zone, altitudinal zonality, geourbanistics, demographical process, migration, resettlement, urban areas.

The trend of urban population growth and urban sprawl has a dynamic of constant growth every year. This trend is increasingly observed in countries with transition economy. According to G. M. Lappo, one of the brightest representatives of geographical science and urbanism, the city is a special,

incomparable creation of the human mind and hands. It is the living environment of an ever-increasing number of people and the place of concentration of various, increasingly diverse activities. The cities were named engines of progress. Something new is born there and spread from them. They are creative laboratories, spiritual workshops of humanity. Classical geography of cities – as one of the most important scientific directions- originated in our country in the 30s [Lappo 1987, p. 46].

Another aspect of urbanization is the so-called "ecological shadow", i.e., the use of a large number of natural resources and raw materials to support the life of the city, which is also an increasing trend.

All this contributes to the emergence of a number of socio-economic problems associated with the processes of urban growth and population growth. Despite the fact that the process of urbanization itself which seems to be positive, according to many analysts, generates countless socio-economic and environmental problems.

The main core of the modern structure and spatial development of urbanization in the Republic was the formation of urban areas in the context of large-scale industrialization and the transfer of defense enterprises. At the same time, the complexity of socio-economic transformations in the period of independence led to imbalances in the formation of urban settlements in the Republic as a whole and also to "false urbanization", which is particularly felt in the neighborhoods of large cities such as Bishkek and Osh.

In the Kyrgyz Republic a specific mountain type of urbanization with its inherent elements is being formed. This type, which includes the features of classical, traditional urbanization as well as forms of settlement, which are characteristic of mountain terrain or mountain type of urbanization, is referred to as "Mountain type of urbanization MU (Mountain Urbanization)".

By its nature, the urbanized territories of the Republic have a number of specific features typical for mountainous areas: a) urban settlements and overall settlements are formed in conditions of a mountain relief (the amplitude of the height above sea level is 450–7439 m), the most "upper" settlements and individual villages are located at an altitude of more than 3000 m above sea level; b) the majority of settlements are located in the valley-foothill part and have the character of uneven placement (almost 80 % of settlements are concentrated on 15 % of the territory of the Republic).

Thus, based on the works of geographers and urban planners K. Otorbaev (1988), S. D. Usenov (1991), E. K. Azykova (1988), M. M. Dylidaev (2015), there are three types of settlement in the Republic [Dylidaev 2018]:

I type – low-mountain settlement areas (1400 m above sea level);

II type – mid-mountain settlement areas (1400-1700 m above sea level);

III type – high-mountain settlement areas (more than 1700 m above sea level).

According to the altitude zone: 41% of urban areas are located up to 1000 m; 54% of urban areas – from 1000 to 2000 m; one city Naryn (3 %) – above 2000 m.

Defining the role of economic potential on the example of urbanization development in the Kyrgyz Republic, it should be noted that after the collapse of the planned economy in the early 1990s there were deep systemic transformations towards the disruption of the economic base. Of course, this could not but affect the development of urbanization processes in the country as a whole, which led to "uncontrolled chaotic urbanization", which is particularly felt in the development of not only large cities, but also medium and small urban entities in the Kyrgyz Republic. As a result, the flow of internal and external migration disrupted the demographic balance in the settlement system.

The economic transformations faced by the Kyrgyz Republic (the economic downturn, the decline in the social level of citizens) have affected the processes of urbanization and urban planning. Also, a weak city-forming base of cities, including industry, science, etc is also associated with the decline in the rate of urbanization. As a result of the decline in production many cities were in crisis in economic terms, the outflow of qualified personnel to other regions or countries of the near and far abroad increased. Therefore, urban settlements, budgets of local governments were not provided with funds allowing them to function and develop fully, including planning development prospects.

Due to the unsuitability and theft of social and cultural facilities many types of social and cultural services in settlements including small towns became inaccessible to most of the population during the period of independence. Problems with increasing morbidity, the provision of clean drinking water, etc appeared and worsened. In small towns of the Republic there is a real danger of outbreaks of certain infectious social diseases-tuberculosis, brucellosis, intestinal infections, pediculosis, etc.

The geoecological state of cities in the Republic, depending on the degree of influence of various factors, has local tense manifestations. In many cities there is a real environmental threat, which requires the development of a strategy for environmentally sustainable development of the urban zone. Economic parameters, reasonable anthropogenic load on environment and health of the population should be system-forming factors of formation of ecological policy. At present, the formation of the natural and ecological framework of the urban environment mostly goes without taking into account the existing technogenic and natural processes, etc. The need for active inclusion of public-private partnership mechanisms in the environmental policy of the state seems justified, and the public - in decision-making on environmental issues.

Government support is needed in the development of the regions and the acceptance of the concept of resettlement as part of the ongoing administrative-territorial reform, in providing comprehensive planning and promoting economic and social development of regions and districts, the formation of a uniform frame system of moving and placing settlements through the development of small and medium enterprises and service economy in cities. Also, it is necessary to introduce new industrial facilities in small cities every year with the involvement of investors at the state level.

References and sources

Dyldaev M. M., Sadykov S. I., Esenalieva B. B. Demograficheskiye protsessy v usloviyakh gornogo tipa pazmeshcheniya naselennykh punktov v Kyrgyzskoy Respublike [Demographic processes in the conditions of mountain type settlements in the Kyrgyz Republic]// Evraziyskoye nauchnoye obyedineniye [Eurasian scientific association]. – 2018. – № 5 (39). – P. 234–236.

Lappo G. M. Geografiya gorodov: ucheb.posobiye [Geography of cities: stud. textbook]/ G.M.Lappo. – M.: VLADOS, 1987. – 480 p.

*Danzan Dabazhapovich Tsydenov
Tianzuo Institute of Architecture
Shenyang Jianzhu University
Shenyang, Liaoning, China
danzan23@yandex.ru*

*Co-author Yuan Jingcheng. Tianzuo Institute of Architecture Shenyang Jianzhu University
Shenyang, Liaoning, China*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-147-151

URBAN SPRAWL IN CENTRAL ASIA. COMPARING THE DEVELOPMENT OF THE SUBURBS OF BISHKEK, ULAANBAATAR, ULAN-UDE

In the post-socialist countries of Central Asia processes of urbanization and suburbanization for the last 30 years happened under the influence of new social, demographic and economic factors, not typical for well-studied countries of Europe and North America. The problems of spatial development of suburbs existing in this region have not been studied enough. The main goal of the article is analysis and comparison of modern problems in spatial development of suburban areas of agglomerations in Central Asia.

Keywords: cities, suburbs, Central Asia, urbanization, urban sprawl, suburbanization.

In the article we will consider the problems and features of suburbanization processes of three cities – Bishkek, Ulaanbaatar and Ulan-Ude. They are located in different countries of the region: Kyrgyzstan, Mongolia and Russia. For many years until the beginning of the 1990s, these cities developed in the conditions of total state regulation of economy and internal migration, limited opportunities for employment and shortage of housing for rural migrants. Culture of inhabitants of the region is traditionally close to each other and cities are in similar conditions of extreme continental cli-

mate. These conditions give us a basis for comparison of development of suburbs in these cities.

Using open data from geographic information systems (GIS) (resources - openstreetmaps, 2gis), official general plans and high-resolution satellite images of the LANDSAT program and superimposing them on each other, we were able to identify suburban and built-up areas. Using data for 1990 and 2016 and QGIS program, we compiled maps of the development of urban areas, which clearly shows the process of suburbanization. The image of Ulaanbaatar and the methodology are taken from [Cui 2018].

After analyzing situation in the cities of the Central Asia, we found that, despite significant economic and socio-demographic differences, the agglomerations of the region are going through a similar process of the chaotic growth of the city and the absorption of suburban settlements. Moreover, unlike the unauthorized development of the suburbs of Africa, South America and Asia, the development of the suburbs of Central Asia tends to be legalized as a result of electoral processes and inconsistent city management [Breslavsky 2017; Diener 2013; Hatcher 2015]

The architectural appearance of cities gains new shapes. The cities of Central Asia give impression of a big village. Most of the cities area is built up by fenced, primitive, low-rise buildings. They are made of the cheapest materials, without municipality-approved projects and fire protection documents. And because of the harsh climatic conditions buildings were built thoroughly and with clear intentions for further development [Mayer 2016].

Uncontrolled growth of urban agglomerations (Urban sprawl) in the region have already serious negative consequences:

- Environmental degradation – largely due to growing traffic and use of cheap fuel for heating non-energy-efficient buildings.
- Reduction of green spaces and agricultural land.
- Increased a road network and infrastructure construction costs. Spatial restriction of city development.
- Transport infrastructure that cannot withstand growing traffic.
- Difficulty in providing public transport for suburban areas. As a result, for many families in the suburbs, the need to have a car is often higher than the need for clean water.
- A general decline in the quality of life of residents of not only the suburbs, but also the city as a whole.

Also, the study showed, even with a relatively insignificant increase in the city population, in the current conditions, the area occupied by the suburban territory increases disproportionately significantly, which is another evidence of an extremely inefficient administrative management.

According to some articles and my own observations, the majority of settled suburban residents who have been living there permanently for more than 5 years are generally satisfied with their housing. They form local communities and continue to invest earned money in their homes. At the same time, the residents of the suburbs are dissatisfied with the space surrounding them. This is due to the lack of social infrastructure (schools, kindergartens, sports fields), poor roads, dirty air, lack of green spaces, transport accessibility, garbage and crime. Moreover, most of the people living in the suburbs are attached to their homes, and are often interested in the development of the territories surrounding them [*Breslavsky 2014; Park 2017*].

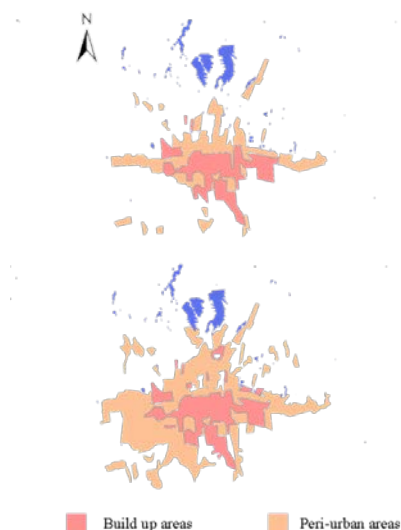

Fig. 1. Build-up areas and peri-urban areas of Bishkek in 1990 (top) and 2016 (bottom)

But, unfortunately, with the exception of the territories along the main transport routes, the development of communal and social services in the suburbs, under the existing economic conditions of the cities of the region, is

difficult and often not economically effective in comparison with densely built-up territories. For example, the price of connecting to the central heating system of an individual house and its maintenance can be ten times higher than the price of connecting and maintenance of the apartment [Kamata 2010].

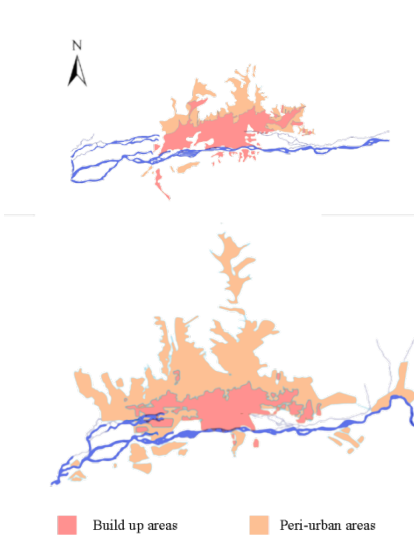

Fig. 2. Build-up areas and peri-urban areas of Ulaanbaatar in 1990 (top) and 2016 (bottom)

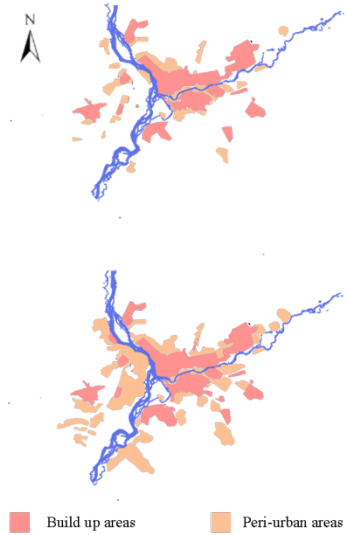

Fig. 3. Build-up areas and peri-urban areas of Ulan-Ude in 1990 (top) and 2016 (bottom)

Also, for many residents of houses built without permits, there are specific regional risks. In Bishkek, in the seismically active zone - many houses are made without projects and of clay materials, which is extremely dangerous [Flynn 2012]. In Ulaanbaatar, there are problems with dysentery and the disposal of household waste. In Ulan-Ude, some unauthorized buildings stand in a potentially flooded area.

It is worth noting, that not only among the residents of the suburbs, but often even among city managers, there is a lack of understanding of the principles of sustainable development of the city and the social harm of the suburban way of life [Byambadorj 2011].

It must be recognized that the existing suburbs of Central Asia and their problems will remain in this form for many years to come. But the aggro-

merations of Central Asia should take measures to increase density and compactness of the built-up territories now. They should increase land use efficiency and assist migrants in developing a culture of urban life. City administrations need to abandon momentary decisions, and develop (and follow it) a long-term development strategy for the city and its suburbs, which meets the interests of the whole society. Otherwise, existing problems will only continue to worsen, and the more time passes, the more difficult it will be to solve them.

References

- Breslavsky A. S. *Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetskij period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period] / ed. by M. Baldano. – Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2014. – 192 p.
- Breslavsky A. *Prigorodnaya revolutsiya v regional'nom sreze (Ulan-Ude)* [“Suburban Revolution”: The regional case (Ulan-Ude)] // *Russian Peasant Studies*. – 2017. – Vol. 2, N. 1. – P. 90–101.
- Byambadorj T., Amati M., Ruming K. J. *Twenty first century nomadic city: Ger districts and barriers to the implementation of the Ulaanbaatar city master plan* // *Asia Pacific Viewpoint*. – 2011. – Vol. 52(2). – P. 165–177.
- Cui D., Wu D., Liu J., Xiao Y., Yembuu B., Adiya Z. *Understanding urbanization and its impact on the livelihood levels of urban residents in Ulaanbaatar, Mongolia* // *Growth and Change*. – 2019. – Vol. 50(2). – P. 745–774.
- Diener A. C., Hagen J. *City of felt and concrete: Negotiating cultural hybridity in Mongolia's capital of Ulaanbaatar* // *Nationalities Papers*. – 2013. – Vol. 41(4). – P. 622–650.
- Flynn M., Kosmarskaya N. *Exploring 'north' and 'south' in post-Soviet Bishkek: Discourses and perceptions of rural–urban migration* // *Nationalities Papers*. – 2012. – Vol. 40 (3). – P. 453–471.
- Hatcher C. *Illegal geographies of the state: The legalisation of a 'squatter' settlement in Bishkek, Kyrgyzstan* // *International Journal of Law in the Built Environment*. – 2015. – Vol. 7(1). – P. 39–54.
- Takuya K., Reichert J., Tsevegmid T., Kim Y., Sedgewick B. *Managing urban expansion in Mongolia: best practices in scenario-based urban planning* // *World Bank*. – 2010.
- Park H., Fan P., John R., Chen J. *Urbanization on the Mongolian Plateau after economic reform: Changes and causes* // *Applied Geography*. – 2017. – Vol. 86. – P. 118–127.
- Mayer B. *Climate migration and the politics of causal attribution: A case study in Mongolia* // *Migration & Development*. – 2016. Vol. 5(2). – P. 234–253.

*Gábor Csanádi,
Candidate of Sociology
ELTE University,
Centre for Urban and Regional Research,
Emeritus Director
Budapest, Hungary
gcsanadi@tatk.elte.hu*

*Adrienne Csizmady,
PhD, director of the Institute of Sociology
of the Hungarian Academy of Sciences
Budapest, Hungary
csizmady.adrienne@tk.mta.hu*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-152-156

RESIDENTIAL SEGREGATION AND SUBURBAN DEVELOPMENT IN POST-SOCIALIST AGGLOMERATIONS

The post socialist transformation of the Hungarian society is clearly visible in the process of the changes in suburbanization. We will explore the social heterogeneity of the participants, describing which groups were able to gain and which groups loose. We try to understand the reasons on the micro and macro level, and to give some light to the consequences in the segregation within the settlements of the agglomeration area.

Keywords: residential segregation, suburban development, post-socialist agglomeration, Budapest.

The example of the Budapest agglomeration shows the reasons behind the acceleration of suburbanisation after 1990 and how the agglomeration settlements were affected by this process.

Privatization of rental housing has to be considered as a significant motivation factor in the high level of mobility following the change of regime. Housing privatization has had a variety of impacts on different stakeholder groups. Among other things, it has significantly increased the chances and constraints of relocation.

Migrants from Budapest cannot be considered as a homogeneous population. There are three major types. Not only are these three spatially mobile groups belong to different social statuses, but the factors driving mobility and the consequences of moving are also fundamentally different.

The high status group

The first group is the high-status population, whose suburbanisation movement is now considered "trivial", as it is well known from everyday experience and from American and Western European literature. One of the important consequences of the transition to market economy conditions was that this type of suburbanisation relocation, which is typical of developed western societies, was also widespread in Hungary. At the same time, this group is able to occupy what it considered to be the most favorable spatial position, not only by taking advantage of its favorable market position, but also by transforming it in the housing market by using its well-established status in social structure. However, moving practices do not simply follow behavior that optimizes the market situation. A closer analysis of the data reveals for example, that the "need for quality of the natural environment" – as an explicit driving force to suburban movement often declared by members of that social group – only legitimizes the need for middle and higher status groups to move to an environment of the desired or real social status. It can be shown that, for groups where the directions and modalities of spatial mobility are relatively free to choose, the need for an "appropriate status" environment plays a more important role in determining the direction of the move than practical considerations. Of course, the fact that the main motive for moving to a residence of a suitable status does not mean that a residence approached in this way is not favorable in practical terms. Furthermore, it is also clear that when these high-status suburban housing estates are created with temporarily low levels of infrastructure provision, the residents will exploit their – not insignificant – pressure to eliminate these rela-

tive disadvantages and, in the short term, the area become advantageous in these aspects as well. This means, putting pressure on local decision-makers, in particular the municipal development, town planning, and regulatory staff and politicians, to pursue their 'legitimate' local interests.

But precisely because of their high status, they are not only able to influence the decisions of a small town, but there are several signs that they are trying to make more comfortable their transport from their place of residence to the capital, for example. Similarly, decisions at regional level beyond the competence of the municipality should be made in order to mobilize all societal resources to ensure that the symbolic residences chosen according to the status of the high-status population actually have the highest possible public goods.

Medium status group

The second type of movers consist of middle class and lower middle-class groups. In their case, the relocation took place somewhat later than in the case of the previous group and moved to less favored settlements, or to lower status parts of the medium status towns and villages. In their case, compared to the previous group, the ecological position of the Budapest residence was relatively less favorable. The most important motive of moving in their case was the "danger" in the ecological position within the capital. They realized that the neighborhood may become slumish for various reasons. In this group, the general social status was higher than the ecological status, and the suburban move was caused by the tension of this inconsistency. As a result, during the suburbanisation process, these social groups may, of course, target settlements with a lower status than their first group, since their financial and social capital is less strong. At the same time, however, the direct improvement in the housing situation seems to be important. For the high-status group, the Budapest apartment was already top-status socially and physically as well. That is why for that group, the objective characters of the housing situation in Budapest may not have been a major stressor here, while the symbolic value of the new housing status may have dominated. In the middle-status group, however, relatively less favourable housing conditions in Budapest acted as repulsive factors, so rational decision is more obvious in the sense that there are significant changes in several parameters of the home.

The move was made possible not least by the privatization process of the 1990s in cases where the purchase of a former rental home can be consi-

dered as a relatively significant capital injection for this group as well. Of course, since these city-apartments were located in a much lower status area than in the case of previously mentioned group, this capital was enough to become a market buyer (as a builder)

a, in the middle-status settlements of the agglomeration, and

b, only with relatively significant family-capital additions, like earlier weekend house sales, financial help of parents, etc. Thus, moving means more or less exhausting the possibilities of the wider family, so in a sense the step is even more significant than in the case of the first group, so the search for a better home plays a bigger role here.

What are the consequences of moving out this two social groups in the area they? The high-status areas of Budapest abandoned by the first group still represent the highest ecological areas of the city. However, the former areas left by the second group may significantly increase the risk of becoming slum area, precisely because of the moderate or lower status of the Budapest residence. Thus, contrary to public opinion, the risk of deterioration in certain inner areas of the city is not related to the outflow of highest-status people from the city, but rather to the suburban movement of middle-status from the slum-dangerous neighborhoods,. However, due to the boom in the real estate market in recent years, it is precisely these areas of the city that are undergoing development.

Low status group

Finally, there is a relatively significant type of move that is often referred to as poverty suburbanization. People in this category are forced to leave their place of residence because they are too poor to bear the increased (increasing) housing and maintenance costs. In their case, poor housing is often accompanied by the existence of arrears in rents or electricity. These areas include, for example, poor housing estates in the capital, slum areas in inner districts, courtyards in condos, and inferior suburban homes. For this group, the pessimistic scenario of the privatization of the 1990s prevailed. From the privatization of housing, it is mainly the rising costs that they feel. Ownership has had only a minimal positive effect, as their new housing properties – and thus their market value – are low and the additional capital they mobilize is so modest that their room for maneuver is severely reduced. This is compounded by the general problem that, according to experience, several generations of "learning" are needed for a disadvantaged social group to be able to manage, operate, the opportunities provided in principle by the social

environment for its own benefit. This is due, among other factors, to the group's low level of education, which has obviously led them to learn less about market conditions than their more well-off counterparts.

In their case, moving out is a pre-disaster escape attempt. They try to utilize a characteristic type of family capital. That is connected to the historical fact, that a significant part of this group of families (or at least their parents or even grand-parents) moved to Budapest from the eastern, north-eastern part of the country in the decades following the Second World War during the process of colhoz organizing and the socialist industrialization . The money available for relatively low-value housing in Budapest, and the mobilization of relative's sources – also living in relatively poor neighborhoods in the country – is not enough to find any solution even in the more remote areas of the conurbation. Thus, these families return to a deserted, relatively poor settlement in the country, left thirty or forty years ago, and use their capital to make these half empty and possibly poor condition houses moderately usable. In these places, non-cash forms of family support may also be associated with modest capital, so the prospect of an acceptable solution for them at first glance is outlined. The success of a relocation depends on whether or not that given region of the country can recover from depression or not. As most of the target settlements in question are located in the poorest areas of the country, although the housing situation seems to have been resolved, livelihood problems are not diminishing but may even increase.

Perhaps the most important conclusion from our analysis is that the evolution of the city and its environment simultaneously reflects the consequences of “spontaneous” processes and power-planning interventions.

Thus, besides the spontaneous aspirations of the stakeholders, the complex system of expert and political decisions basically determines the conditions in which spontaneous aspirations can prevail.

*Martin Ouředníček,
Associate professor at Faculty of Science,
Vice-dean for Geographic Departments
of Charles University,
Head of the Urban and Regional
Laboratory (URRlab)
Prague, Czech Republic
martin.ourednicek@natur.cuni.cz*

*Adam Klsák,
Researcher at Department of Social
Geography and Regional Development
Charles University
Prague, Czech Republic
klsaka@natur.cuni.cz*

*Jiří Nemeškal,
Researcher at Department of Social
Geography and Regional Development
Charles University
Prague, Czech Republic
jiri.nemeskal@natur.cuni.cz*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-157-161

CZECH SUBURBANIZATION IN POST-TRANSFORMATION ERA – THE DEVELOPMENT, EVALUATION AND CHALLENGES

The suburbanisation process is one of the most studied issues within CEE urban studies, however, works published during the last two decades were mostly focused

on separate case studies of individual cities [Kok, Kovács 1999; Nuissl, Rink 2005; Ouředníček 2007; Krišjāne, Bērziņš 2012 etc.]. The comparison of the scope and intensity of suburban development on the national level lacks a common methodological approach and a generally accepted definition of the process itself. Consequently, relatively different measurements used in the case studies obstruct any rigorous comparison of the process between cities and countries. The aim of this report is to introduce a coherent methodology for the delimitation of suburban municipalities in Czechia, to describe and explain the scope and spatial distribution and to compare the development of residential suburbanisation during two periods: 1997–2008 and 2009–2016.

Keywords: suburbanization, Czechia, suburban development.

Definition of suburbanisation and suburban municipalities. Suburbanisation is defined as process of deconcentration of population and its activities from the cores of metropolitan regions to their hinterland. We focus specifically on residential suburbanisation. The change of residential environment is a crucial factor in the urbanisation process which creates tensions and gradual adaptations of the incoming population to a new physical, functional and social environment. These tensions are consequently the main topics of empirical investigation in urban geography, sociology and demography [Špačková, Ouředníček 2012]. Moreover, the inflow of new residents and new residential construction are also crucial problems for the decision-making sphere. Therefore, the character and minimal intensity of new housing construction were considered as the second factor of our definition. A suburban municipality is delimited as a place with a certain minimal level of housing construction and share of new population in-migrated from the core city. In the case of migration from the core city to the suburban hinterland there are four special migration streams according to types of housing: suburbanisation, migration to older houses, elderly migration and migration to recreational houses. All these types of migrations are relatively common within the hinterlands of Czech cities.

Methods and data. We use our own delimitation of zones of residential suburbanisation [Ouředníček, Špačková, Klsák 2018] as an analytical tool for the evaluation of positional aspects of municipalities within the Czech settlement system. The main idea of the methodological approach is to distinguish three basic types of Czech municipalities: (i) cities and towns as core source areas of suburban migration (ii), suburban municipalities and

(iii) rural villages and small towns. Municipalities with 10,000 or more permanently resident inhabitants were selected as cores of suburban migration (total number of 130 municipalities). Then a method for the selection of suburban municipalities was developed. We employ two statistical sources, which are available at the level of municipalities and are supplied annually by the Czech Statistical Office: evidence of migration and evidence of housing construction. We used longer periods of evaluation to smooth annual variations in the case of less populous municipalities. The minimal share of migration from the core city to a municipality was set at 30 per cent in the case of one core city and 40 per cent in the case of two or three core cities. The combination of a minimal intensity of housing construction and the number of completed apartments serves as criteria for the distribution of municipalities into three zones of suburbanisation. A slightly different criterion for the threshold values of new housing construction within the first and second periods was used. We also delimited a fourth zone containing all municipalities which met the criteria in the past. We have distinguished two different periods of suburban development: an initial phase and gradation of suburbanisation during 1997–2008 and the period of economic crisis and contemporary development during 2009–2016.

Scope and spatial distribution of residential suburbanisation. The scope of residential suburbanisation in Czechia can be measured by the absolute and relative numbers of municipalities or inhabitants living within suburban zones. It is not surprising that all the indicators grow through the evaluated periods. The structure of municipalities sorted into the three basic categories – cities, suburbs, and rural municipalities. The stable sample of core cities and the gradually growing share of municipalities within the first and second zone are pronounced. On the other hand, the number of municipalities within the third zone was increasing only till 2010 and since then has slowly fallen. Finally, the number of rural municipalities decreased by 575 units between 2008 and 2016. The population living in suburban municipalities (1st–3rd zones) increased from 1,314,000 in 2008 to 1,438,000 in 2016. We can estimate approximately one third of the population in suburban municipalities as new incomers – roughly 5 per cent of the total population of Czechia – which is a surprisingly low number. This can be derived from the share of in-migrants per 100 permanently resident inhabitants. The intensity of in-migration to suburbs is gradually increasing from 28 per mille

in 1997–2008 to 37 per mille in the 2009–2016 period, and the intensity is very high especially within the first zone (more than 50 per mille). Thus, the suburbanisation process is far from ended and will no doubt play a significant role in the future.

Suburbanisation is a relatively widespread process, which hit not only capital city and regional centres, but literally every small town within Czechia. All 130 selected core centres of suburbanisation display a spatial connection to at least one suburban municipality which fulfilled the criteria of housing construction and share of in-coming population. Fragmentation of the settlement system and especially the system of master planning with stricter control of housing construction inside administrative boundaries of cities and less control and knowledge about core planning principles within the smaller adjacent municipalities are definitely among the main factors in such development. However, the spatial distribution of suburbanisation is far from uniform in pattern. Economic development within the successful and unsuccessful urban regions significantly influences purchasing power, housing construction and deconcentration tendencies in cities of similar population size. During the 2000s all cities and towns had their own satellite settlement, whereas now many smaller cores are surrounded only by municipalities categorised as the 4th zone. While the suburbanisation during the 2000s could be described as a spread of suburbanisation due to hierarchical and neighbourhood diffusion, spatial development during the 2010s has the reverse character, i.e. contraction or concentration of suburban development to selected municipalities located closer to regional centres. Suburban construction and migration around smaller towns have almost disappeared. It seems that suburbanisation has reached spatial limits and new housing construction will not expand to more distant settlements. However, other processes of suburban development and also counterurbanisation processes are likely to increase in the near future.

Conclusion. According to our methodology, a total number of 1,182 suburban municipalities in Czechia were identified. In 2016 1.4 million inhabitants lived in the suburbs most affected by the suburbanisation process. Approximately, one third of them have moved from the core city, therefore 5 per cent of the total population of Czechia could be classified as suburbanites. This number seems to be relatively low compared for example to the USA [Johnson, Shifferd 2016]. Unfortunately, similar comparison within Europe is not available. The analysis of residential suburbanisation

during the two selected periods – 1997–2008 and 2009–2016 – shows relatively significant changes in spatial patterns of suburban development. Generally, this can be explained as a shift from an extensive to an intensive form of residential suburbanisation. Although housing construction did not extend significantly to other parts of metropolitan regions, the intensities of migration and housing construction are even higher, thus creating more concentrated development closer to regional centres.

References

Johnson B. E., Shifferd J. Who lives where: A comprehensive population taxonomy of cities, suburbs, exurbs, and rural areas in the United States // *The Geographical Bulletin*. – 2016. – № 57. – P. 25–40.

Kok H., Kovács Z. The Process of Suburbanization in the Agglomeration of Budapest // *Netherlands Journal of Housing and the Built Environment*. – 1999. – № 14. – P. 119–141.

Krišjāne Z., Bērziņš M. Post-socialist Urban Trends: New Patterns and Motivations for Migration in the Suburban Areas of Riga, Latvia // *Urban Studies*. – 2012. – № 49. – P. 289–306.

Nuissl H., Rink D. The “Production” of Urban Sprawl in Eastern Germany as a Phenomenon of Post-socialist Transformation // *Cities*. – 2005. – № 22. – P. 123–134.

Ouředníček M. Differential Suburban Development in the Prague Urban Region // *Geografiska Annaler: Human Geography*. – 2007. – № 89B. – P. 111–125.

Špačková P., Ouředníček M. Spinning the Web: New Social Contacts of Prague's Suburbanites // *Cities*. – 2012. – № 29. – P. 341–349.

Ouředníček M., Špačková P., Klsák A. Zóny rezidenční suburbanizace v obcích Česka 2016: specialised map / Prague, Charles University, Faculty of Science, URRlab. <http://www.atlasobyvatelstva.cz/cs/zony-2016>.

*Zaiga Krisjane,
Dr Geography
Professor of the Department
of Human Geography,
Faculty of Geography and Earth Sciences,
University of Latvia
Riga, Latvia
zaiga.krisjane@lu.lv*

Co-authors: Janis Krumins, Maris Berzins, Toms Skadins, Guido Sechi, Elina Apsite-Berina

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-162-165

AGEING CORE-CITY AND REJUVENATED SUBURBIA: EVIDENCE FROM RIGA, 2000-2016

Ageing process is a common feature for numerous post-socialist cities in Central and Eastern Europe; whilst suburban areas have displayed a pattern of rejuvenation. Previous research has stressed that the age structure changes in population of post-socialist cities and suburbs are mostly suburbanisation-driven. The aim of the study is to explore spatial and temporal patterns of population structure in Riga and its metropolitan area. The study analyses 2000 and 2011 Census, as well as 2016 Population register data to provide an overview of residential patterns and geographic trends of the most mobile age group (25–34 years) and the least mobile (65+ years). Our results show that there is residential clusterisation in Riga and its metropolitan areas leading to residential (demographic) polarisation.

Keywords: post-Soviet suburbanization, age structure, ageing, residential (demographic) polarisation, urban decline.

One of the main challenges for urban and regional development in Central Eastern Europe (CEE) are related to the consequences of demographic change [Haase et al. 2011; Kabisch, Haase 2011; Kulcsak, Brown 2017; Fihel, Okólski 2019]. Numerous studies have shown that demographic transition, ageing, fertility behaviour, diversified household structures have a significant implication on urban shrinkage, regional labour and housing market [Buzar et al. 2005; Steinführe, Haase 2007; Botev 2012; Kurek et al.

2017, Kurek, Wojtowicz 2018, Kazimierczak, Szafrńska 2019]. Many studies on urban shrinkage and post-socialist transition usually conclude that these aspects have complex interlinkages [Couch et al. 2012]. The concept of multiple transformations can be used as a way of explaining the post-socialist urban transition, especially temporal and spatial dynamics of demographic change and its implications on policy, planning and regional development [Sýkora, Bouzarovski 2012; Rink et al. 2014] Similar to other CEE countries, in Latvia suburban development has contributed to demographic differences between metropolitan and non-metropolitan regions. Current demographic trends have raised the concern that an ageing population may increase demographic polarisation at both local and regional level.

Therefore, the aim of the study was to explore spatial and temporal patterns of population structure in Riga and its metropolitan area. Our research focused on evaluating change in the age structure of territorial units of Riga metropolitan area in order to determine the areas that have been characterised by ageing or rejuvenation trends since 2000.

The study analyses 1 km² geocoded grid data derived from 2000 and 2011 Census, as well as 2016 Population register to provide an overview of location patterns and trends in the geographies of the most mobile (25–34) and the least mobile (65+) age groups. We utilize Hot spot analysis (Getis-Ord Gi*), in order to locate clusters of hot and cold spots, of particular age groups and to assess their spatial extent at the national and regional level by conducting an exploratory space-time data analysis [Getis, Ord 1992, 1996; Goodwin, Schoby 2014; Gregory, Patuelli 2015]. This frequently used point pattern analysis method shows where features with either high or low values cluster spatially.

Results showed evidence of a different age composition and development patterns within the capital and its metropolitan area. Urban sprawl, greenfield development; in-fill development; coastal gentrification lead to an increase of younger residents. Hotspots of youth are evident in the urban core of Riga. This can be described as a process of re-urbanization for some neighbourhoods. Other parts of Riga have witnessed an increase of elderly population, which is especially evident in the Soviet panel housing estates. From 2000 to 2016, the population of Riga decreased by 15 % [CSB LV 2019]. Some of them became suburbanites. However, the demographic ageing is much more evident in the peripheral parts of suburbia. Our results show that for the most mobile group, hotspots were evident not only in the

vicinity of Riga, but also in the urban core of the capital. Overall, an increased residential clusterisation in Riga and its metropolitan areas was observed leading to residential (demographic) polarisation.

References and sources

Botev N. Population ageing in Central and Eastern Europe and its demographic and social context // *European Journal of Ageing*. – 2012. – № (90) 2. – P. 69–79.

Buzar S., Ogden P., Hall R. Households matter: The quiet demography of urban trans-formation // *Progress in Human Geography* – 2005. – № (29)4. – P. 413–436.

Central Statistical Bureau of Latvia (CSB LV) ISG020. Population number and its change by statistical region, city, town and county. – 2019.

Couch C., Cocks M., Bernt M., Grossmann K., Haase A., Rink. D. Shrinking Cities in Europe // *Town & Country Planning*. – 2012. – № (81)6. – P. 264–270.

Fihel A., Okólski M. *Population Sociétés*. – 2019. – № 567. – URL: www.ined.fr.

Getis A., Ord J. K. Local spatial statistics: an overview // *Spatial analysis: Modelling in a GIS environment* // ed. by P. Longley, M. Batty. – New York: John Wiley & Sons, 1996. – P. 261–282.

Getis A., Ord J. K. The analysis of spatial association by use of distance statistics // *European Geographical Analysis*. – 1992. – № (24)3. – P. 189–206.

Goodwin G.C., Schoby J., Council W. *A Hot Spot Analysis of Teenage Crashes: An Assessment of Crashes in Houston, Texas*. – TX: Texas Southern University, 2014. – 33 p.

Gregory T., Patuelli R. Demographic ageing and the polarization of regions – an exploratory space–time analysis // *Environment and Planning A* – 2015.– № (47)5. – P. 1192–1210.

Haase A., Steinführer A., Kabisch S., Grossmann K., Hall R. (eds.). *Residential change and demographic challenge: the inner city of East Central Europe in the 21st century*. – Farnham: Ashgate Publishing, 2011. – 376 p.

Kabisch N., Haase D. Diversifying European agglomerations: evidence of urban population trends for the 21st century // *Population, space and place*. – 2011. – № (17)3. – P. 236–253.

Kazimierczak J., Szafrńska E. Demographic and morphological shrinkage of urban neighbourhoods in a post-socialist city: the case of Łódź, Poland // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. – 2019.– № (101)2 – P. 138–163.

Kulcsar L., Brown D. Population Ageing in Eastern Europe: Toward a Coupled Micro-Macro Framework // *Regional Statistics*. – 2017. – № 7 – P. 115–134.

Kurek S., Wojtowicz M. Reurbanisation in a post-socialist city: spatial differentiation of the population in the Kraków Area (Poland) // *Geographia Polonica*. – 2018. – № (91)4. – P. 449–468.

Kurek S., Wojtowicz M., Gałka J. Does suburbanisation contribute to the rejuvenation of a metropolitan area? Changes in the age structure of the Kraków metropolitan area in Poland in the light of recent suburbanization // *Geographia Polonica*. – 2017. – № (90)2. – P. 59–70.

Rink D., Couch C., Haase A., Krzysztofik R., Nadolu B., Rumpel P. The governance of urban shrinkage in cities of post-socialist of a metropolitan area? Europe: policies, strategies and actors // *Urban Research & Practice*. – 2014. – № (7) 3 – P. 258–277.

Steinführer A., Haase A. Demographic change as future challenge for cities in East Central Europe // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. – 2007. – № (89)2. – P. 183–195.

Sýkora L., Bouzarovski S. Multiple transformations: Conceptualising the post-communist urban transition // *Urban Studies*. – 2012. – № (49)1. – P. 43–60.

*Guido Sechi,
PhD, Assistant Professor
and Researcher,
Department of Human Geography,
University of Latvia
Riga, Latvia
guidosechi78@gmail.com*

Co-authors: Zaiga Krisjane, Maris Berzins

Department of Human Geography, University of Latvia

Dmitrii Zhitin

Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-166-170

SOCIAL SEGMENTATION IN SUBURBANIZATION AFTER TRANSITION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF SAINT PETERSBURG AND RIGA

This study consists of a comparative analysis of suburbanization patterns and their relations with socio-spatial segmentation and segregation dynamics in the functional areas of St.Petersburg and Riga, based on quantitative secondary socio-economic data available at neighborhood and municipal level. Results show similar patterns of suburbanization and segmentation in the two case studies, and a significant connection between the two phenomena. At the same time, some significant differences are found out, depending on the demographic, economic, and market demand specificities of the two countries and cities. Finally, an integration of the proposed meso level analysis with multi-scalar perspectives and an extension of the comparative perspective to Soviet planned cities is proposed.

Keywords: post-Soviet suburbanization; socio-spatial segmentation; spatial inequality; comparative analysis; meso level analysis.

The study of socio-spatial dynamics and inequality in post-socialist transformation in Central-Eastern Europe and former Soviet Union cities

constitutes an important branch of transition studies. Open issues in this domain range from the definition of theoretical frameworks to data availability and methodological approaches. As for the former aspect, traditional assumptions heavily relying on path dependency explanations and linear narratives of modernization have been recently challenged by conceptualizations focusing on the 'hybrid' nature of post-socialist urban space. In this regard, it is argued that both multi-level/multi-scalar and comparative research approaches may shed a light on more complex transformation dynamics. These approaches are seen as beneficial in order to move from purely descriptive and inductive contributions to conceptual ones, and to address at the same time the common characteristics of state socialist heritage and post-socialist transition, and the contextual specificities of countries and cities.

One of the most commonly studied phenomena in the context of socio-spatial transformation is suburbanization dynamics. Suburbanization was an almost non-existing phenomenon under state socialism, but it has been very relevant in the CEE and FSU region since the collapse of the socialist system. Indeed, many countries in post-socialist Europe are characterized by a de-urbanization trend that is uncommon in the contemporary world. Suburbanization in the region has been interpreted as a modernization dynamic. However, this phenomenon, strongly associated with housing market segmentation, often has a socio-economic class characterization, and has relevant implications in terms of socio-spatial differentiation and segregation. In this regard, several empirical studies carried out in CEE and FSU cities have found connections between suburbanization and social tensions, segregation and exclusion. Besides, these tendencies are also associated with the typical detrimental ecological and social effects of urban sprawl.

This study is an attempt at analyzing, in a comparative perspective, the suburbanization trends and dynamics which have taken place in the last 30 years in the two cities – St. Petersburg and Riga – which are the two largest post-Soviet urban centers in the Baltic sea region, and their implication and effects with regard to socio-spatial segmentation. The analysis is based on Population Census 2010-2011 and population register data from the 1991-2018 period, reflecting trends of suburbanization trends in terms of social status (education, occupation, wealth), and property value and development typology of inner and outer suburbs in the two cities' functional areas. We

define as functional area the territory corresponding to the city as administrative unit plus outside municipalities located within 60 minutes distance from the city core by public transport. We identify typologies of inner and outer suburbs on the basis of their demographic trends, their average levels of socio-economic wealth, and their housing development characteristics. This approach allows to grasp suburbanization dynamics and characteristics in the two cities and their similarities and differences. Besides, it aims at providing indications for a meta-reflection on the usefulness of comparative approaches, the strengths and weaknesses of a meso-level analysis, and the rationale for it to be integrated with with micro and macro perspectives.

Overall, both cities in the post-soviet period have been characterized, broadly speaking, by population decrease in the inner historical core and Soviet mass housing areas, and an increase in inner and outer suburbs. These processes were often determined by a search for cheaper accommodation in the suburbs in the 1990s, but since the 2000s they are mostly driven by new housing development. In the last two decades, they appear to contribute significantly to socio-economic segmentation. In both investigated cases, a belt of average wealthy satellite municipalities bordering city limits surrounded by less wealthy municipalities is observed, whereas, within city limits, wealthy inner suburbs are mostly associated with historical pre-Soviet prestige areas and low-density new housing development areas. Next to this, there are also relevant differences, which reflect different characteristics at urban, regional, and national level in terms of spatial and economic structure, demographic trends, and housing market demand. In Riga, a significantly sharper population decrease in the city proper and increase in outer suburbs (satellite residential municipalities) is observed, whereas in St.Petersburg the population increase in most of the outer suburbs bordering the city goes together with stable levels in most districts of the city proper, where the overall population change is positive since 2003, mostly due to internal and foreign immigration. Besides, post-2000 housing development-driven suburbanization in St. Petersburg is more heterogeneous in socio-economic terms, whereas in Riga the phenomenon is generally related to the middle-upper class. This reflects a higher heterogeneity of typologies of suburban housing development in the Russian case, with high-rise housing and high-density micro-district development mostly aimed at the lower-middle class, and villa-type housing aimed at the upper

classes. In Riga, private and low-rise housing targeted at the middle-upper class predominate in suburban real estate development. The third main difference relates to the economic and labor structure of functional area municipalities. In Riga region, the wealthier belt consists of almost purely residential municipalities, where the share of commuters to the city is close to 100 %. In St. Petersburg functional area, the typology of wealthier municipalities is more diverse, including both residential cottage areas and satellite towns, and industrial towns characterized by relatively successful economic activities and performance.

In general, the analysis finds evidence of suburbanization dynamics strongly contributing to segmentation, albeit in different forms, in both areas. These results provide with support for the implication that market-driven suburban development is a significant enabler of functional transformation of space and socio-spatial segmentation and polarization in post-Soviet cities. The comparison between the functional areas of the two cities shows in this regard both many similarities and many contextual differences. The latter, however, appear to be affected by overall economic, demographic, and market demand differences between the two countries and cities, rather than by a different political-ideological logic and different strategic choices.

Overall, it can be said that the adopted comparative approach is able to provide with significant insights about the characteristics of suburbanization and its socio-spatial implications and effects in post-soviet cities. However, in order to understand suburbanization dynamics in a non-ambiguous way, this approach should be further integrated with a multi-level analysis perspective, focused both on the role of strategies and political/ideological discourse at the macro level, and on the micro level dynamics of segmentation, polarization, and segregation. On a separate note, caution with regard to generalized assumptions about similarities should be adopted, taking into account the common characteristics of the two cities in terms of influence of post-socialist urbanization. Comparison with e.g. planned cities from the socialist period may lead to the identification of sharper differences.

References

Borén T., Gentile M. Metropolitan processes in post-communist states: an introduction // *Geografiska Annaler*. – 2007. – 89 B (2). – P. 95–110.

Frost I. Exploring varieties of (post)Soviet urbanization: reconciling the general and particular in post-socialist urban studies // *Europa Regional*. – 2018. – № 25 2017(2). – P. 2–14. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-59047-7>.

Golubchikov O. Interurban Development and Economic Disparities in a Russian Province // *Eurasian Geography and Economics*. – 2006. – N 47:4. – P. 478–495.

Golubchikov O. The urbanization of transition: ideology and the urban experience // *Eurasian Geography and Economics*. <http://dx.doi.org/10.1080/15387216.2016.1248461>.

Grubbauer M., Kusiak J. (eds.). *Chasing Warsaw. Socio-Material Dynamics of Urban Change since 1990*. Campus Verlag GmbH, Frankfurt-on-Main.

Hirt S., Stanilov K. Regional study prepared for *Planning Sustainable Cities: Global Report on Human Settlements 2009*. <http://www.unhabitat.org/grhs/2009>

Soja E. The city and spatial justice. *Spatial justice*, 2009. N.1, September.

Sykora L., Stanilov K. The challenge of post-socialist suburbanization. In: Sykora, L., Stanilov, K. (eds.). *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Chichester: Wiley, 2014.

Timar T., Varadi, M. M. The uneven development of suburbanization during the transition in Hungary // *European Urban and Regional Studies*, 2001. 8(4): 349–360.

Wiest K. Comparative Debates in Post-Socialist Urban Studies. *Urban Geography*, 33:6, 829-849.

THE SECTION 2

PROSPECTS OF (SUB)URBANIZATION AND SUBURBAN DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN CITIES

*Anna Viktorovna Vinokurova,
Candidate of sociological Sciences,
Associate Professor
of Department of Social Sciences
of the Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia
vinokurova77@mail.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-171-177

SUBURBS OF LARGE RUSSIAN FAR EASTERN CITIES: TERRITORIAL AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT (CASE OF VLADIVOSTOK)*

The research studies the problems of territorial and demographic development of suburbs of large Russian cities of the Far East. As the main object of research we selected Vladivostok city district and its suburban island territories, specifically-Russian island. The analysis of the studied problem was carried out on the basis of official statistics and sociological methods (questionnaire survey, narrative interview). The state and contradictions of modernization of Vladivostok island suburbs are considered in the context of the specifics of the geographical location, demographic, social and cultural aspects of people's life permanently living on Russian

* The study was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project No. 19-011-00768 «Life on the frontier: migration and mobility in the frontier».

island. Territorial development of island suburban territories should be built not only on the basis of attracting attention to the Far East as a strategic and priority object for the development of socio-economic and socio – political relations, but also taking into account the "living" problems of the Far East residents - "islanders", whose range is quite wide and diverse.

Keywords: regional and territorial development; demographic processes; Far East; Vladivostok city district; island territories; suburbs.

Vladivostok is one of the main participants in the new regional policy of Russia, which is associated with the general goal of developing the Far East, set by President of the Russian Federation V. V. Putin: "Today we see the future of the Far East as one of the key centers of socio-economic development of the country, which should be effectively integrated into the rapidly developing Asia-Pacific region as a whole" [*Actualization of the strategy...* 2017].

In recent years the capital of Primorye has become a real testing ground for working out new ideas for the development of the economy, social sphere and management, implemented in the pilot version in the Far East [see for details: *Federal law No. 119-FZ "On the Far Eastern hectare"; Federal law No. 212-FZ "On the free port of Vladivostok"; Federal law No. 473-FZ " On the territories of advanced socio-economic development in the Russian Federation»*]. At the same time, we should not forget that when planning and conducting urban economy, industrial and civil construction, it is important to take into account the presence of a large number of transport and industrial enterprises, the peninsular geographical position of the city, the mountainous terrain. Vladivostok city district occupies the territory of Muravyov-Amur Peninsula, Peninsula Peschany and about 50 islands of Peter the Great Bay. In addition to Vladivostok, it is composed of the following settlements: the village Beregovoye, the village Popov, settlement Reyneke, settlement Russky, the village Trudovoye. Three out of five mentioned suburban areas are island areas.

Due to the shortage of land on the mainland of Vladivostok the authorities, developers, home buyers, ordinary citizens are increasingly paying attention to the island territories, among which the island Russky is the most attractive. The road bridge over the Eastern Bosphorus Strait, built in 2012, provides land communication with the Russky, while the Islands of Popov and Reineke are connected to the mainland only by ferry. At the same time, the status of the island Russky is ambiguous. It is defined as "a point of

growth for the entire Far Eastern region, a major center of international cooperation with the countries of the Asia-Pacific region", as a "satellite city", as a "territory of advanced development", etc. [see for details: *Boikov* 2014; *Krupnov* 2014; *Tretyak* 2015]. In all the above definitions, the current position of the island is fixed as much as its prospective state.

Prospects of territorial development are presented in detail in the "Concept of development of the island Russky» [see for details: *Order Of the government of the Russian Federation of May 30, 2017 No. 1134-R*], the implementation of which is planned in two stages: stage I-2017-2022; stage II-2023-2027. The first stage involves the construction of the Vladivostok ring road infrastructure (the bridge Vladivostok – Elena island, the bridge Elena island – Saperny Peninsula) and a road bridge over Novik Bay with a trunk road providing access to infrastructure facilities located on the main part of the island Russky. The planned facilities of the first stage are: the international cooperation center, diamond center, nuclear medicine center, tourist and recreation facilities (natural complex of island Russky, the Patriot Park, a multipurpose family center with a water park and tourist complex "Vladivostok fortress"), shopping areas, innovation and cultural center.

Thus, the territorial development of Russky as an island suburb of Vladivostok provides for the establishment of the international scientific-educational and production cluster with the implementation of auxiliary functions (residential, shopping, hotel, office, recreational, social), linking them together and development of the city as a whole.

However, according to experts, only about 30 % of the island's area is actively used today, mainly the territory of the Saperny Peninsula [*Shatina* 2017]. An even more pressing issue that prevents the development of Russky is that the entire territory of the island is in the forbidden zone of a military facility – the Vladivostok forestry of the Ministry of defense. In addition, part of the island belongs to the protected areas of natural monuments of regional importance-geological faults Tobizinsky, Anisiysky, Chernyshevsky, where it is prohibited to conduct economic activities.

There are also many social problems faced by the "islanders". At present, the population of the island Russky has increased significantly. If in 2010 it was 4703 people. [*The population of Russia ...* 2010], by now it reaches about 15 000 people. This rapid growth was due to the construction and putting residential areas of the campus of the Far Eastern Federal

University into service. Today, the campus is home to about 10,500 permanent residents, the vast majority of who are students [*Figures and facts* 2019].

The student population living on Russky island is of particular interest, as this social group can be defined as educational migrants. And educational migration is one of the most desirable migration channels for Primorsky Krai, thus, economic, geopolitical and socio-demographic effects are ensured. The latter include an increase in youth groups in the age structure of the population, the replenishment of labor resources, also including highly qualified specialists.

That is why we found it expedient to conduct a study identifying how comfortable is living on the campus of FEFU for students. The study was exploratory conducted in March-April 2019.

The main method of collecting information is a questionnaire. The sample population is quota. We selected gender and region of origin of students as the quota characteristics. The total volume of the sample was 225 people.

Let us move on to the description of the main results of the study. When choosing an educational institution, students are often guided by quite pragmatic motives. In particular, they note comfortable living conditions (60.7 % of respondents). But at the same time they demonstrate a desire to combine comfort with other characteristics, in particular with high quality education. We can say that the motives of students associated with the choice of university are not purely pragmatic, focused only on convenience and comfort, they take into account the content and conditions of the educational process.

Almost all nonresident students (95 %) live in hostels on Russky island. But 24.6 % of students who took part in our study indicated the presence of housing problems: the complexity of the procedure for obtaining a place in the hostel; the need to vacate the room for the summer holidays; domestic difficulties (interruptions in hot water, elevators, etc.). 18.9 % noted the inability to access health services.

Also, the employees of the university who do not have permanent registration on the territory of Vladivostok urban district can get a place in the hostel. At the present, the FEFU campus is home to about 300 teachers, representatives of administrative and managerial staff [The city on the island 2016]. We supplemented the results of the questionnaire survey of students with narrative interviews with research and teaching staff living in campus dormitories. As informants, 18 people from among the teaching staff agreed

to participate in the study, as the main quota feature we relied on the following socio-demographic characteristics of the respondents: family status (married) and the presence of children.

For all the variety of topics described by the interviewees in their narratives the most recurring was the story that the residential environment of the campus did not meet the needs of families with children at all. All informants note the almost complete lack of access to the services of pre-school and general education institutions (or its significant restriction). There is neither kindergarten nor school on campus. Informants have a lot of complaints to the organization of everyday life of families with children living on campus as well. Almost all of them pointed out that the living areas function on the principle of hotels, there are often no conditions to meet basic needs (cooking, washing, etc.). Here are some quotes illustrating the situation : «... *of course, there are many pluses , two steps to work ... But life kills everything... There is no washing machine in our room, you need to go to the Laundry, which is located in the next building...*» (I1, a woman, married, 29 years old); «... *we have a baby... the range of baby food in stores on campus leaves much to be desired... And the room does not even provide the opportunity to warm up the food properly , get out as we can...*» (I14, a man, 36 years old). Other difficulties are also noted: restriction of access to medical care, problems in the sphere of transport accessibility, etc. Thus, according to the opinion of students and university staff residing there, it can be stated that the attractiveness of the Russky Island as territory for life is not at the desired level.

In general, it can be concluded that the territorial development of island suburban territories should be built not only on the basis of attracting attention to the Far East as a strategic and priority object for the development of socio-economic and socio-political relations, but also taking into account the "living" problems of the Far East residents - "islanders", whose range is quite wide and diverse.

References and sources

Boykov. Y. Russky ostrov stanet tochkoj rosta dlya vsego Dalnevostochnogo regiona [The island Russky will become a growth point for the entire Far East region] (publication date: 25.09.2014) // Informatsionno-analitichesky project [Information and analytical project] «NEWSROOM.SU» [Electronic resource]. – access mode: <http://newsroom.su/?p=32483> (date of visit: 17.09.2019).

Gorod na ostrove [The city on island] // Mediaproject TASS pro rossiysky Dalny Vostok [TASS media project about the Russian Far East] «DV.LAND» [Electronic resource]. – Access mode: <https://dv.land/people/gorod-na-ostrove> (date of visit: 11.10.2019).

Krupnov Y. Kompleksniye gradostroitelniye programmy – gradostroitel'naya revolyutsiya – kak osnova novoy strategii razvitiya Dalnego Vostoka Rossii [Complex urban development programs-urban planning revolution-as the basis of a new strategy for the development of the Russian Far East] (publication date: 14.11.2014) // Portal obchshchestvennikh deistviy po razvitiyu strany “Proektnoye gosudarstvo” [Portal of public actions for the development of the country “Project state”] [Electronic resource]. – access mode: <http://www.proektnoegosudarstvo.ru/publications/0385/> (date of visit: 17.09.2019).

Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme “Aktualizatsiya strategii I strategicheskogo plana razvitiya g. Vladivostok do 2020 goda s prodleniem sroka deistviya do 2030 goda” [Report on the research work on the theme " Actualisation of the strategy and strategic plan for the development of Vladivostok until 2020 with the extension of the validity period until 2030»] (publication date: 15.05.2017) // Official website of the administration of Vladivostok [Electronic resource]. – access mode: http://www.vlc.ru/city/social_economic_development/aktualizatsiya-strategii/ (date of visit: 01.10.2019).

Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 30 Maya 2017 goda №1134-r (s izmeneniyami na 28 sentyabrya 2018 goda) “Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya ostrova Russky” [Government order No. 1134-R of 30 May 2017 (amended on 28 September 2018) "On approval of the Concept of development of the island Russky"] // Elektronny fond pravovoy i normativno-tekhnicheskoy dokumentatsii “Kodeks” [Electronic fund of legal and normative-technical documentation “Kodex”] [Electronic resource]. – access mode: <http://docs.cntd.ru/document/436739101> (date of visit: 12.09.2019).

Tretyak G.E. Klasteri Dalnevostochnogo federal'nogo universiteta – tochki rosta TOR (territoriya operezhayushchego razvitiya) o. Russky [Clusters of the Far Eastern Federal University-points of growth of the TAD (territory of advanced development) "island Russky"] // Sovremenniye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]. – 2015. – № 2-2. – P. 411.

Federalniy zakon “O svobodnom porte Vladivostok” ot 13 Iulya 2015 goda № 212-FZ [Federal law “On the free port of Vladivostok” No. 212-FL of 13 July 2015] // Official website of the company “Konsultatnt”Plus [Electronic resource]. – access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (date of visit: 14.09.2019).

Federalniy zakon “O territoriyakh operezhayushchego sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya v Rossiyskoy Federatsii” ot 29 Dekabrya 2014 goda №473-FZ [Federal law “On territories of advanced social and economic development in the Russian

Federation” No. 473-FL of 29 December 2014] // Official website of the company “KonsultatntPlus” [Electronic resource]. – Режим access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (date of visit: 14.09.2019).

Federalniy zakon “Ob osobennostyakh predostavleniya grazhdanam zemelnykh uchastkov, nakhodyashchikhsya v gosudarstvennoy ili munitsipalnoy sobstvennosti i raspolozhennikh na territoriyakh subjectov Rossiyskoy Federatsii, vkhodyashchikh v sostav Dalnevostochnogo federalnogo okruga, i o vnesenii izmeneniy v otdelnyye zakonodatelniye akty Rossiyskoy Federatsii” ot 01 Maya 2016 goda № 119-FZ [Federal law "On peculiarities of granting land plots in state or municipal ownership to citizens and located in the territories of the constituent entities of the Russian Federation that are part of the Far Eastern Federal district and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" No. 119-FL of 01 May 2016] // Official website of the company “KonsultatntPlus” [Electronic resource]. – access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (date of visit: 14.09.2019).

Tsyfri i facti [Numbers and facts] // Official website of the Far Eastern Federal University [Electronic resource]. – access mode: <https://www.dvfu.ru/about/facts-and-figures/> (date of visit: 10.10.2019).

Chislennost naseleniya Rossii, federalnikh okrugov, subjektov Rossiyskoy Federatsii, raionov, gorodskikh naseleennykh punktov, selskikh naseleennykh punktov - raionnikh tse ntrov i selskikh naseleennykh punktov s naseleniem 3 tisyachi chelovek i bolee [The population of Russia, federal districts, subjects of the Russian Federation, districts, urban settlements, rural settlements-district centers and rural settlements with a population of 3 thousand people or more] // Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda [Results of the all-Russian census of 2010] // Official website of the Federal state statistics service [Electronic resource]. – access mode: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-05.pdf (date of visit: 29.09.2019).

Shatina Y. Realizatsiya kontseptsii razvitiya ostrova Russky pozvolit “rassekretit” territoriyu [Implementation of the concept of development of the island Russky will "declassify" the territory](publication date: 31.03.2017) // Official website of Primorsky Krai administration [Electronic resource]. – access mode: <https://www.primorsky.ru/news/125695/> (date of visit: 30.09.2019).

*Alina Pavlovna Ivanova,
Candidate of Architecture,
Associate Professor of Department
of architectural environment design
of the Pacific State University
Khabarovsk, Russia
iva.nova@mail.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-178-183

FAR EASTERN FOLK ARCHITECTURE: CITIES AND SUBURBIA

As a working hypothesis it is suggested that the local "folk" architecture reproduces the primary cultural matrix laid down in the frontier era. To understand the modern architectural landscape of the far Eastern cities (Blagoveshchensk, Ussuriysk, Khabarovsk, Petropavlovsk-Kamchatsky, Yuzhno-Sakhalinsk, Vladivostok), it is necessary to return to the era of the frontier and identify the main architectural scenes associated with these locations. The analysis of the historical architecture typical for each of the listed cities is given, the iconic objects which served as prototypes to the modern vernacular are revealed. The features of the "folk" architecture characteristic of each particular city are considered based on the material collected in the expeditions.

Keywords: suburbia, frontier architecture, Far Eastern folk architecture.

The study was funded by the RFBR as part of research project No. 18-012-00537. The report written at the end of the summer field season 2019 is devoted to the comparison of the vernacular of the far Eastern cities. As a working hypothesis it is suggested that the local "folk" architecture reproduces the primary cultural matrix laid down in the frontier era.

Specification of the proposed terms. "Folk" architecture is a conditional category that includes residential and commercial buildings created without participation of the state, development and large business; "folk" architecture is considered as organic continuation of frontier architecture.

Source base of the study. In addition to systematic photofixing of objects, personal observations, surveys and "oral memoirs", we relied on the corpus of frontier Chronicles-diaries, travelogues, letters and memoirs of the late XIX – early XX centuries. [Arseniev 1926; Arseniev 1912], [Kaufman 1901; Kaufman 1905], [Yankovsky 2012; Prey 2011], as well as monographs of local historians [Zueva; Viter 1997; Samarin 2018].

Features of formation of the far Eastern cultural landscape. Far Eastern cities founded in the XIX – the first third of the XX century remained lonely strips, islands of civilization, lost in the vast desert spaces. They are self-contained enclaves, where the architecture of the first stage of colonization is reproduced again and again. The theme of reception of frontier architecture in modern suburbia was revealed in the textbook [Ivanova 2018]. The main difference between far eastern cities is due to the geographical location and the way of colonisation. The key points of the continental colonisation: Blagoveshchensk, Khabarovsk, Ussuriysk-Nikolsky. The historical centers of these cities have a rectangular layout, typical of colonial urban planning and successfully used by the Roman legions. Yuzhno-Sakhalinsk, lying in a fertile valley, also preserved the rigid regular structure laid down by the Japanese during the Karafuto period.

The key points of marine colonization are located on a pronounced relief and have a complex picturesque layout. While in the continental cities villages and outskirts are spreading along the main transport links horizontally, in Petropavlovsk and Vladivostok "vertical suburbia".are actively developing.

The reception of architecture of the frontier in modern vernacular. To understand modern architectural landscape of far eastern cities it is necessary to go back the frontier era. Blagoveshchensk owes its prosperity to the «gold rush». In the first decade of the XX century the city experienced a surge of merchant Baroque, the apotheosis of which was the construction of a huge Churin Palace, which, though, remained a lonely architectural excesses, but the blagoveshchensk mainstream turned towards the usual red brick garrison architecture with a distinct Gothic accent. The flagship of this "patriotic" direction was the majestic German trading house " Kunst and Albers».

Though, with the exception of the three main streets running parallel to the Amur embankment and built up with merchant mansions with a garrison on the left flank, Blagoveshchensk was (and it is still) a well-planned wooden one-story city. The main residential unit was a square hut with a low four-pitched roof. The well-preserved housing stock prevented the appearance of significant suburbs in Blagoveshchensk. The city residents continue to live in inherited huts. The commercial vernacular imitates the red-brick architecture of the frontier, quoting the character of the decor and the spatial compositions of the facades. Despite the fact that the Haihe is growing rapidly directly opposite Blagoveshchensk on the Chinese Bank of the Amur river, the influence of the Chinese construction industry on the architectural landscape of the Russian city is less catastrophic than one might expect. Blagoveshchensk pupated in its legend of the "Golden age" and successfully exploits the well-preserved historical environment of a cozy low-rise merchant city. The middle class invests in real estate on the Chinese side – it is considered more profitable and reliable, so the old housing stock is not subjected to the usual "modernization".

A significant array of one-storey residential buildings (little Russian *mazanka*) survived in Ussuriysk-Nikolsky, founded in 1868 near the Chinese border. The Russian garrison was located in the old Jurchen fortress, a military town of red-brick barracks grew up around it, and officers' wings stretched along Lermontov street. The whole structure has come almost unchanged to the present day. The traditional placement of the district headquarters in Ussuriysk and the presence of a wealthy layer of customers with a conservative aesthetic program led to the formation of extensive suburbia, entirely built up with huge brick palazzos of garrison architecture. The extreme conservatism of the aesthetic program of the inhabitants of the Ussuri suburbs led to the creation of the worst kind of environment - highly class, closed, monotonous and unfriendly.

Khabarovsk, founded as a railway settlement serving the construction of a bridge across the Amur, quickly became an important administrative center and headquarters of the district, that inevitably led to the formation of an architectural landscape similar to the Ussuri (a two-story brick mansion, as a mandatory attribute of socialization). In recent years, Khabarovsk has been the center of a new resettlement movement – the city receives a significant number of migrants, who immediately begin to build a vernacular familiar to the Central Asian and Transcaucasian region. Khabarovsk

suburbia lose the homogeneous character accompanying them since the late 1990s, and, as a reaction to the "new multiculturalism", the "red-brick Renaissance" is gathering pace». Until 2014, the basis of suburbia were castles and forts, but today there are whole blocks of new "red barracks – 2-3-5-storey commercial buildings in the "historical Khabarovsk style", as these simulacra are positioned in the real estate market.

Let us move from the continental centers of colonization to the sea. The oldest far Eastern city – Petropavlovsk-Kamchatsky (the first fort was founded in 1740) amazes by the almost complete absence of brick architecture, which forms the basis of the architectural landscape of Khabarovsk, Blagoveshchensk, Ussuriysk and Vladivostok. But in Petropavlovsk the unique wooden architecture has remained which has formed "cultural code" of citizens and served as a source of inspiration for the linear suburbia stretching from Petropavlovsk deep into Peninsula to Elizovo where the climate is much softer. Since the 2010s, successful replicants have begun to appear in the city, almost completely imitating historical analogues. Wooden frame architecture became the basis of suburban landscapes and vertical suburbia of Petropavlovsk. The local vernacular is characterized by original dimensional compositions, intricate forms of roofs, giving buildings expressive silhouettes. Asceticism of decor is compensated by boldness of constructive decisions-abundance of terraces, verandas, console takeouts and so forth.

Sakhalin is an amazing experiment in double cultural transcoding. Russian island which was half transferred to the Japanese in 1904 and returned again to the Russians in 1945 [*Samarin* 2015]. Several generations of Soviet citizens grew up in Japanese "paper" houses, and this "cultural code" leaves a specific imprint on the local vernacular. Modern private residential development of Yuzhno-Sakhalinsk is monochrome and it is almost completely devoid of not only specific historical allusions, but also simple decor. The extremely laconic volumetric and spatial solutions of cottages (a cube under a four-pitched roof), the elusive strangeness of proportions, sizes and outlines of window openings – all this makes the Sakhalin suburbia completely unlike other far Eastern cities.

The main factor that shaped the architectural landscape of Vladivostok was a free port and unprecedented for the Russian Empire, the multi-ethnicity and multiculturalism of the city. The fragmentary historical center, built by Germans, Americans, French and Polish, allowed Vladivostok to

position itself in the market of the South-Eastern tourism industry as a "real European city". Eclecticism and romanticism, highly inherent in the historical architectural landscape of Vladivostok, is reproduced in the commercial vernacular again and again ("coastal architecture"), the suburbs strike with fantastic castles, but the brick is confidently replaced by the architecture of the log house, as more "historical", "authentic", "Russian", and, therefore, more attractive for tourists from Southeast Asia.

Conclusion. The main types of development of the colonized territories were traditionally forts (garrisons) and trading posts; forts symbolized the state idea, trading posts – private initiative. According to the author, updating the historical heritage of colonization, like any heroic narrative may have compelling commercial perspectives, and the reconstruction of some objects and fragments of building 1860–1930-ies will have a beneficial effect on the appearance of the post-Soviet far Eastern settlements.

References and sources

Arsenyev V. K. V debryakh Usuriyskogo kraya [In the wilds of the Ussuri region] // – Vladivostok: Knizhnoe delo [Book matter]. – 1926. – 464 p.

Arsenyev V. K. Kratky voenno-geografichesky statistichesky ocherk Ussuriyskogo kraya 1901–1911 [Brief military-geographical and military-statistical essay of the Ussuri region 1901–1911]. – Khabarovsk: Tipografiya Shtaba Priamurskogo voennogo okruga [Printing house of the Amur military district headquarters]. – 1912. – 335 p.

Viter I. V. Khronika stroitelstva goroda Petropavlovsk (1740–1923) [Chronicle of the construction of the Petropavlovsk city (1740–1923)]. – Petropavlovsk-Kamchatsky: SETO-ST, 1997. – 112 p.

Zueva N. S., Lynsha O. B. Dorevolutsionny Ussuriysk: formirovanie arkhitekturno-planirovochnoy struktury, toponimii i obraza goroda [Pre-revolutionary Ussuriysk: formation of architectural and planning structure, toponymy and image of the city]. – Ussuriysk: DVFU [Publishing house of the University (branch in Ussuriysk)], 2012. – 92 p.

Ivanova A. P. Gorodskiy prostranstva: predmestya i dorogi [Urban spaces: suburbs and roads]. Vladivostok and Khabarovsk, 2015–2018. – Khabarovsk: Izd-vo [Publishing house of the Pacific State University], 2018. – 244 p.

Kaufman A. A. Materialy po voprosu o kolonizatsionnoy vmestimosti Priamurskogo kraya [Materials on the colonization capacity of the Amur region]. – SPb.: Tipografiya V. F. Kirshbauma [W. F. Kirschbaum printing house], 1901. – 304 p.

Kaufman A. A. Po novym mestam: ocherki I puteviye zametki [On new places: essays and travel notes]. 1901–1903. SPb.: Obshchestvennaya polza [Public benefit], 1905. – 353 p.

Prey L. E. Pisma iz Vladivostoka [The letters from Vladivostok] 1894–1930. – Vladivostok: Rubezh [Milestone], 2011. – 464 p.

Samarin I. A. Pamyatniki istorii i kultury perioda gubernatorstva Karafuto (1905–1945) [Monuments of history and culture of the Karafuto governorship period]. – Uzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskaya oblastnaya tipographiya [Sakhalin regional printing house], 2015. – 167 p.

Samarin I. A. Sakhalinsky kirpich (seredina 19 – pervaya polovina 20 vv.): katalog kirpichey iz muzeev Sakhalinskoy oblasti i chastnykh sobraniy [Sakhalin brick (mid-XIX – first half of XX): catalogue of bricks from Sakhalin region museums and private collections]. – Uzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskaya oblastnaya tipographiya [Sakhalin regional printing house], 2018. – 114 p.

Yankovky Y., Yankovsky V. Nenuni: Dalnevostochnaya odisseya [Nanuni: the far Eastern Odyssey]. – Vladivostok: Rubezh [Milestone], 2012. – 640 p.

*Elena Evgenyevna Tinikova,
Candidate of History,
Senior Researcher
of the Department for International
and Interregional Relations
of the Khakass research Institute
of language, literature and history
Abakan, Russia
lena.tinikova@mail.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-184-188

URBANIZATION AND ITS IMPACT ON THE LIFESTYLE OF RESIDENTS OF KHAKASSIA IN THE MIDDLE OF THE XX – EARLY XXI CENTURIES *

The analysis of the modification of the lifestyle of the population in the Republic of Khakassia in the conditions of intensive stage of urbanization is carried out on the basis of a sociological study conducted in the summer of 2018, as well as on the basis of official statistics. Indicators that allow us to characterize the way of life of people were: the level and structure of employment, the distribution of free time, housing and living conditions.

Taking into account the fact that today it is already quite difficult to draw a clear border between the city and the village, since the "rural" environment is no longer typically rural, not only residents of cities but also villages of the region participated in the sociological survey. Also, the study took into account the ethnic factor, which, of course, has an impact on the urbanization processes in the republic. For example, the Khakas were much later included in the studied processes than the East Slavic peoples. The way of life of urban Khakas contrasted more with the way of life of rural Khakas, the latter found it more difficult to adapt to the urban environment.

* The work was carried out with the financial support of the RFBR, project No. 18-39-00074 (_a) "Study of the regional model of urban development of southern Siberia in 1945–2017".

The preserved traditions, the language barrier and external anthropological features of the Khakas played an important role. Therefore, respondents of the sociological survey were initially divided into 2 large ethnic groups: Khakas and Russians. In general, the empirical study surveyed 500 urban Khakas and 500 Russians, as well as 500 rural Khakas. The sample included all socio-demographic groups of adults over 18 years.

Keywords: urbanization, lifestyle, Khakassia, city, village.

In modern conditions urbanization plays an increasingly important role in the development of Russian society and determines the vectors of transformation of the main spheres of its life. Urbanization is always accompanied by a change in lifestyle of people living not only in urban areas, but also in rural areas. The concept of "lifestyle" is interpreted in science ambiguously. This is due to the existence of different methodological approaches and largely depends on the objectives of specific studies. In this article the "lifestyle" is understood as a set of characteristics such as the possibility of organizing labor, household and leisure of a person [Zarukina 2017, p. 137]. In this regard, the analysis of the modification of the lifestyle of residents of Khakassia in the conditions of intensive stage of urbanization is carried out on the basis of the characteristics of the following indicators: employment, distribution of free time, housing and living conditions.

A person's lifestyle is largely determined by the nature of his work. Back in the middle of the twentieth century in order to overcome the differences between the city and the countryside the Soviet state decided to consider rural labor as a kind of industrial [Sidorova 2019, p. 29]. As a result, collective farmers and members of their families began to represent the agrarian detachment of the working class, thereby increasing its number. Nevertheless, it is necessary to clearly separate the working class of cities, working villages and people working in state farms. In general, official statistics show that workers and employees made up the absolute majority of citizens, determining the social appearance of urban settlements. The share of workers and employees in the entire population of urban settlements of Khakassia in 1989 reached 99.3 %, including workers – 69 %, employees – 30.3 %, among the employed population respectively – 99.8 %; 68.3 %; 31.5 % [Collection..., p. 5–6].

After the collapse of the Soviet Union in the conditions of socio-economic crisis rural migrants rushed in the urban settlements of Khakassia, whose main goal was to find work. The situation as a whole has not changed

today: respondents who took part in our sociological study and migrated to urban settlements set goals related to employment. This is the lack of work in the village and the desire to find work in the city (24.6 % of respondents), the desire to live better, earn more (24.1 %). It should be noted that there is a slight difference between the answers of Khakas and Russians. Among Khakas the motives for moving to the city in connection with the search for work were indicated more often, and a third of the rural Khakas surveyed are not satisfied with their work today.

Scientists have long noted the presence of professional and industrial specialization between the Russian and Khakass population of the Republic. Conducted in the early XXI century sociological survey showed that Russians were employed mainly in heavy industries with good pay and a rich social base, while Khakas were mainly employed in small enterprises of light and food industry with low wages [*Ostapenko* 2003, p. 4]. As a result, most Khakas (85%) were not satisfied with their financial situation, among Russians this figure was lower – 64 % [*Anayban* 2006, p. 5]. At the same time, the Khakas felt socio-economic inequality between themselves and the Russians, and this was manifested in different opportunities for social growth.

For 15 years the situation in the Republic has undergone significant changes through the prism of ethnicity in the sphere of employment. This is primarily due to the overall change in the structure of the region's economy. The growth of service and trade enterprises has led to the fact that today the majority of respondents, regardless of nationality, work in this sphere – 19.8 %.

Of course, the difference between the spheres of labor activity of urban and rural Khakas is more significant. Due to the rapid growth of housing construction in the cities of the region, especially in the capital Abakan, many urban Khakas work in the construction industry today (10.9 % of respondents). Every fourth Khakas citizen is employed in the service sector. More often than in rural areas urban Khakas are represented in all levels of government (3.7 % vs. 2.5 %). For the sphere of work in the cities, especially in the capital Abakan, there are significant professional and qualification disparities, which often do not meet the expectations of the Khakas who arrived from the village. Thus, urban Khakas are more likely to work as workers than rural Khakas (39.2 % vs. 30.4 %), as well as middle-level employees (27.6 % vs. 25 %), while in rural areas it is easier for Khakas to

move up the career ladder and take leadership positions (3.6 % in rural areas vs. 2.5 % in the city).

The impact of urbanization has a particular impact on the distribution of leisure time of the urban population. In cities, where the population has more material opportunities and a wide range of leisure activities, the free time of the population is characterized by a significant diversity. First of all, this is manifested in the availability of active non-domestic leisure. For example, today a fifth of citizens prefer to go to the cinema in their free time, 12.0 % – meet with friends in cafes, 8.3 % – visit theaters, museums, philharmonic, 8.8 % – shopping, 5.9 % – spend time in entertainment centers. Also, urban residents are more likely to engage in sports (12.2 % vs. 5.4 %).

Rural residents deprived of such opportunities prefer to spend their free time at home, doing household chores and raising children (63 %), as well as with friends, going to nature (16.2 %). Among the villagers the commitment to self-education, reading is expressed more than in the city. 16.8 % of the village residents mentioned reading books, newspapers and magazines as their main leisure activity, 2.2 % regularly visit the library.

Almost an equal number of urban and rural residents of Khakassia go to dances and discos in their free time, and also prefer such home entertainment as music, TV, Internet.

A distinctive feature of the everyday leisure of urban residents today is the possibility of carrying out an active out-of-home pastime. This can not but affect the degree of satisfaction of residents of urban and rural areas with their leisure activities. Today, 31 % of rural respondents and 20.9 % of urban respondents are not satisfied with their leisure time.

Significant differences between urban and rural Khakas are observed in the housing and household sphere. Today, the norm of comfortable living conditions is the housing of 40.1 m² or more per person [Larina 2018, p. 44.] Neither in urban nor in rural areas of Khakassia the total area of residential premises, accounting for an average of 1 resident, does not correspond to this indicator. In the village it is 22 m²., in the city – 24.6 m².

At the same time, the rural housing stock is less well-equipped with water supply (only a third of the total area of the entire housing stock), baths (18.8 %) and hot water supply (20.2 %), water disposal (76.6 %) is often not centralized. Therefore, the provision of urban residents with comfortable housing conditions is still far ahead of the countryside.

Despite the blurring of the boundaries between the city and the village, the spread of urban forms of culture and household the city still differs from

the village in terms of more developed socio-economic sphere, ahead of its level of material prosperity of residents, the development of leisure space, comfortable living conditions. All this testifies to the preservation of differences in urban and rural lifestyle in the Republic of Khakassia.

References and sources

Anayban Z. V., Tyukhteneva S. P. Etnokulturnaya adaptatsiya naseleniya Uzhnoy Sibiri (sovremenniy period) [Ethnocultural adaptation of the population of southern Siberia (modern period)]. – M.: Institut vostokovedeniya RAN [Institute of oriental studies RAS], 2008. – 217 p.

Zarukina E. V. Gorodskaya infrastruktura i obraz zhizni gorozhan: problemy proektirovaniya [Urban infrastructure and way of life of residents: design problems] // Vestnik faculteta upravleniya SPBGUEY [Bulletin of the faculty of management of St. Petersburg State Economic University]. – 2017. – № 1–1. – P. 136–140.

Larina T. N., Kibytaeva A. N. Statisticheskiy analiz faktorov uluchsheniya zhilishchnykh usloviy naseleniya gorodskoy i selskoy mestnosti Orenburgskoy oblasti [Statistical analysis of factors of improvement of housing conditions of the population of urban and rural areas of the Orenburg region] // Sotsialnaya statistika [Social statistics]. – 2018. – № 3. – P. 40–49.

Ostapenko L. V. Sotsialno-ekonomicheskiye aspekty adaptatsii russkikh i khakassov k usloviyam transformiruyushchegosya obshchestva (po materialam etnosotsiologicheskogo issledovaniya v Khakasii) [Socio-economic aspects of adaptation of Russians and Khakas to the conditions of transforming society (according to the materials of ethnosociological research in Khakassia)]. Informatsionno-analiticheskiy bulletin № 1 [information and analytical bulletin]. – M.: Institut etnologii i antropologii RAN [Institute of Ethnology and anthropology RAS]. Tsentr po izucheniyu mezhnatsionalnykh otnosheniy [Center for the study of interethnic relations], 2003. – 26 p.

Sbornik po materialam Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989: Raspredeleniye naseleniya po obshchestvennim gruppam, istochnikam sredstv sushchestvovaniya, otraslyam narodnogo khozyaistva i zanyatiyam [Collection of materials of the all-Union census 1989: distribution of the population by social groups, sources of livelihood, sectors of the national economy and occupations]. – Abakan, 1991. – 54 p.

Sidorova G. P. “Preodoleniye razlichiy mezhdou gorodom i derevney”, ili sovet-skaya gorodskaya povsednevnost protiv selskoy [“Overcoming the differences between the city and the countryside”, or Soviet urban everyday life against rural] // Kultura i iskusstvo [Culture and art]. – 2019. – № 2. – P. 28–36.

*Irina Tagirovna Abdulova,
Researcher of the Independent
Social Research Centre
Irkutsk, Russia
abdulova@mail.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-189-194

NEW MICRODISTRICTS OF IRKUTSK: BETWEEN THE SUBURBS AND THE “SLEEPING” DISTRICT

The article discusses the formation of new suburban areas of Irkutsk, the formation of the community in them and the prospects for development. Using the methodology of qualitative sociological research the author studies one of the new suburbs of Irkutsk-the micro-district Berezovy. The research focuses on the motives of moving as well as life strategies and mobility of the population.

Keywords: urbanistics, suburbanisation, Irkutsk, suburbs, urban environment.

Post-soviet cities are facing serious changes. This is especially noticeable in Siberia, where the establishment and growth of cities quite often were not "natural" processes, but the result of state planning [Meerovich 2017]. After the state had left that field, the situation changed. The construction of cities ceased to be exclusively a matter of state, there was private ownership of land, there was an opportunity to build, to sell and to buy houses.

The second important reason of changes in the cities plays a global role. These are processes of suburbanisation which are going on all over the world. In short, this is a process of the growth and development of suburban area, where the middle class is moving searching for comfortable conditions. These changes have recently become the subject of analysis of sociologists, demographers and urbanists. Speaking about regional specifics it is

necessary to mention the works written by K. V. Grigorichev [2013] and A. S. Breslavsky [2017], dedicated to Irkutsk and Ulan-Ude, respectively.

Apart from “classical” suburbs in Irkutsk we can see relatively recent interesting phenomenon— mass construction of new microdistricts consisting of three and five-storey houses. Such microdistricts formally belong to the suburban Irkutsk district and they are situated on its lands. However, in fact, these are typical urban blocks, in which working in Irkutsk people live. Most often they are built outside the city boundaries and/or adjacent to them. The Economic basis of appearing such kinds of suburbs is simple: on the one hand, the high demand for economy class housing, on the other—the lack and high cost of urban land for large-scale development. Lands of rural areas which are close to the city have not been built up yet, they are cheaper, moreover, there is an opportunity to "attach" to the municipal infrastructure of the city. The feature of Irkutsk is a shortage of land – the city is old enough, its central streets are narrow, many buildings have the status of historical and architectural monuments, that makes urban development mostly point and expensive.

Flats in these microdistricts are of economy class (rough finish, small square) and they cost cheaper, than in the city, that allows the government to use them in programs of settling in shabby housing, resettlement from the north territories, for realization of housing certificates of the militaries. Besides, this kind of apartments are bought by young families and elderly people, who stop sharing housing with relatives.

There are several districts of this type around Irkutsk. The subject of my in-depth research¹ was one of the districts of the left Bank of the Angara river—the microdistrict Berezovy (Markovskoe settlement of Irkutsk district of Irkutsk region). In many respects it can be studied as a model. Among any analogous districts Berezovy impresses by its size. It is one of the biggest, its square is about 50 hectares. In addition to that, it isn't adjacent to the city boundaries, but it is located distantly. That is why, the problems which are easily solved in other neighborhoods, are urgent here. First of all, I mean the problem of accessibility (public transport), social security (clinics, school, kindergarten).

There are about 240 houses in Berezovy¹, however, even after conducting research, it is impossible to say exactly how many residents are

¹ New houses are constantly being rented out.

there. Berezovy is not taken into account by statistical services separately, data can be obtained only for the Markov municipality as a whole². Markovsky municipality is the largest in the Irkutsk region, according to official data, 32525 people³ are registered there. According to expert estimates, these figures can be safely doubled. According to expert estimates, from half to third of all residents of the municipality live in Berezovy, that is from 10 to 15 thousands of people. Anyway, it is necessary to take into account the flaws of official statistics-not everyone who lives in Berezovy is registered. Often it is because of social problems: "registration" in another area gives the right to "attach" to the school or clinic.

If we return to the methodological side of my research, its main questions were: what is the fate of areas like Berezovy? Are we facing the prospect of new ghettos on the outskirts of cities? Who lives in Berezovy and are the neighborhood community and favourable urban environment developing there?

If we talk about a typical suburb "in theory", so its inhabitants just leave the city life-the crowds and noise. For those who buy apartments in Berezovy, the main argument is to minimize costs. "Good ecology", which the developer advertises, for them it is rather an optional bonus. But the "urban" signs of a place to live are important: available public transport, social services, inexpensive shops near the house. In this sense, Berezovy is a suburb only geographically, with its neighbors, cottage settlements it shares only the place, not the values.

On the organization and rhythm of life it is more similar to the sleeping area of the Soviet era, minus the improvement and free service. So, for example, fully loaded minibuses in the morning and in the evening is the evidence of the direction of flows of people.

My hypothesis is that if a suburban resident wants to leave the city, so residents of areas such as Berezovy, on the contrary, want to "enter" the city and settle in it with the lowest costs. Therefore, the idea of "joining Irkutsk" is discussed from time to time among the residents.

People move to Berezovy consciously, this is not the most luxurious choice, but not "no hope". The most important thing - relatively low cost of

² We can not even take into account the number of voters, because the constituencies that include Berezovy include neighboring horticulture and cottage villages.

³ <https://irkutskstat.gks.ru/storage/mediabank/1Jan2019.xlsx>.

apartments. It allows people even with limited resources a freedom of choice: “this is the only affordable opportunity”. For example, you can change one large five-room apartment for three, for elderly parents and two children with families. Or you can change one “two room apartment” on two “one-room apartment” (it is good for a mother who wants to stop sharing housing with the adult son). Within Irkutsk it is impossible: “we could afford only this and Novo-Lenino” or any other variants are even worse. An additional advantage is that apartments can be bought nearby and maintain family ties (first, grandmother looks after her grandchildren, then she needs help).

Young families are willing to come to Berezovy. The cost is affordable: “it is good to start with something”. Perhaps because of this the district seems to be new, both houses and residents are young. Buying cheap apartments, people are ready for some drawbacks: “we knew what we got, still it is not luxury housing” – poor sound insulation and finishing flaws seem reasonable compensation for the low price. They say more critically about the shortcomings of social security: there is no clinic, bank, post office, school in Berezovsky, there are no places in the newly built kindergarten: “*we’d already had children, but there were neither school nor clinic*». Transport is served by private companies, so they often face official barriers⁴.

New neighborhoods are built by private developers, and by law the developer is not obliged to provide them with social infrastructure. This leads to the situation that the new areas seem to be “up in the air”: they do not have much that creates urban living conditions. Irkutsk authorities, which residents of microdistricts appeal to do not have the right to create social infrastructure on the “foreign” territory, and the district authorities do not have the resources for this.

Due to the reduced “entrance threshold” – the low cost of apartments or the issuance of these apartments under various state programs, people or families with low social resources find themselves in Berezovsky. I mean both a small amount of money, low salary, lack of savings, and low social capital, the level of education, lack of social networks, young or old age.

⁴ For example, the road on which the majority of private cars and minibuses pass in Berezovy has no official status of the road. It sounds ridiculous, but therefore it is impossible to agree on the route of public transport. It is impossible to spend budget money on its repair and improvement for the same reason.

Obviously, the demands of these families to the quality of the social environment are high and crucial. Since they simply do not have an opportunity to use paid options. They are not sufficiently fitted into the style of the city in order to solve problems using “contacts”. And this imposes a special responsibility on the authorities, understood in the broadest sense of the word: from the developer to the local administration and deputies.

For many people Berezovy serves as a kind of gateway to the urban life of Irkutsk, it is a place where you can learn new rules and regulations and accumulate resources. At the same time, under unfavorable circumstances, the district can become a trap—a place of accumulation and reproduction of poverty and dependence.

According to my observations, the people who settled in Berezovsky have several strategies for future life. The first strategy is temporary residence. In this case, the person or family increases social and material resources, changes jobs or other life circumstances and leaves for a place that seems more acceptable to him. In the second case, even understanding the shortcomings of Berezovy, a person does not leave, for example, for material reasons. With various degrees of activity he can contribute to changing the environment for better life. The person himself, or together with neighbors (and here it is appropriate to talk about the formation of the community) takes some steps: puts and collects signatures for the project of the Public Quarter⁵, improves playgrounds, goes to the cleanups, gets compensation from the developer.

Thus, the "good" scenario for Berezovsky is to become an important part of the city, a kind of "improved model", combining urban convenience and comfort of the suburbs. Probably, Berezovy could be an ideal place for young families. The negative scenario is to become “ghetto”.

References

Breslavsky A. S. “Prigorodnaya revolyutsiya” v regionalnom sreze (Ulan-Ude) [“Suburban revolution” in the regional context (Ulan-Ude)] // *Krestyanovedenie* [Peasant studies]. – 2017. – Vol. 2, № 1. – P. 90–101.

Meerovich M. G. Gradostroitel'naya politika v USSR (1917–1929). Ot gorodasada k vedomstvennomu rabochemu poselku [Urban planning policy in the USSR

⁵ The project to create a public space in Berezovsky and a number of necessary social facilities: schools, clinics, shopping center. Currently, its construction can not begin because of unresolved land issues.

(1917–1929). From the garden city to the departmental working settlement] // M. G. Meerovich. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye [M.: New literary review], 2017. –352 p.

Grigoriev K. V. V teni bolshego goroda: socialnoye prostranstvo prigoroda [In the shadow of the big city: the social space of suburb] // K. V. Grigoriev. – Irkutsk: Ottisk [Print], 2013. – 248 p.

*Aital Igorevich Yakovlev,
candidate of history, associate
Professor of Historical faculty
of the North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russia
aitalyakovlev@gmail.com*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-195-198

SUBURBAN VILLAGE KHATAS AND PROBLEMS OF SEASONAL AGGLOMERATION OF YAKUTSK AND NIZHNY BESTYAKH

In Eastern Siberia, there are large, developed urban agglomerations (cities and suburban settlements), which have developed almost traditional forms of relationship, both at the level of legal, economic space, and at the level of everyday, ordinary, common perception of the "relationship" of the two cities, suburbs. In the North-East of Russia, where there are special climatic and natural conditions, we assume the existence of certain forms of urban agglomerations – seasonal. This article is an attempt to identify the hypothesis of the existence of a "seasonal urban agglomeration" in the Republic of Sakha(Yakutia). The author relies on the features of the " interaction " of the capital Yakutsk and suburban Nizhny Bestyakh.

Keywords: seasonal urban agglomeration, Yakutiya, Yakutsk, Nizhny Bestyakh.

The capital city of Yakutsk and nearby cities, towns and villages stand out from the general panorama of the historical development of cities in the North-East of Russia. Yakutsk is the core of the political, economic, cultural and social attraction of the region. One of the features of the emerging urban agglomeration of Yakutsk and Nizhny Bestyakh is the natural factor-the climate and the presence of the Lena river. These two main factors make it possible, firstly, to assert the existence of a seasonal urban agglomeration,

and, secondly, form a promising scientific ground for researchers of the problems of history, urbanism, modern social and cultural anthropology.

In the summer between the city of Yakutsk and Nizhny Bestyakh there are several crossings operating from May to November inclusive. In summer, the connection between Nizhny Bestyakh and the city of Yakutsk is carried out through ferries, river trams, private water taxis. In the summer you can cross the river by car (cargo, passenger) at several points: the area Kangalassky Cape (Yakutsk – s. Sottintsy); Zhatay (Yakutsk – Nizhny Bestyakh, mainly cargo transport); the area Darklyakh (Yakutsk – Nizhny Bestyakh, all types of transport); s. Mokhsogolloh – s. Kachikatsy (villages are located in Khangalassky ulus, 100 km from Yakutsk, s. Kachikatsy is 102 km from Nizhny Bestyakh).

If these crossings are ferry and berths for small motorboats and boats, then a special place is occupied by the crossing of Hatass and Nizhny Bestyakh. Winter time and off-season dictate their rules in the economic relations of Yakutsk and Nizhny Bestyakh. During the freezing period (October–November) the icebreaker works. In the short period when the icebreaker stops breaking the ice, and the crossing has not opened yet, residents of the two cities cross the river only on foot. One of the first points where the ice crossing between the two cities opens is the suburban village of Hatas.

The village is located in the urban district of Yakutsk, at a distance to the south of 3 km with a population of 5000 people. The main production forces in the village are pig farming (Khatas pig complex), dairy cattle breeding, mainly private farms, potato and vegetable farming. Also, the village is a crossroads, where the official ice crossing Yakutsk – Nizhny Bestyakh takes place. During the off-season crossing Khatass–Nizhny Bestyakh becomes a point of concentration of the Republican and municipal authorities, law enforcement agencies, individual entrepreneurs from both banks, ordinary citizens of all Yakutia from the right bank and left bank of the Lena river.

The existence of the Khatass and Nizhni Bestyakh crossings is based on several factors, among which the fundamental ones are natural (geographical and climatic). First, the width and distance of the crossing (10–15 km) means that the two settlements are almost opposite each other. An important factor is the presence of large islands, the channel between which freezes faster than the riverbed of the Lena river. Islands are also a problem for transport, playing the role of natural barriers. Almost until mid–November the main channel of the river is used by ferries from Yakutsk, the path for which is laid by icebreakers.

In-depth interviewing inhabitants of the village of Khatass talk about the tense situation that exists in the off-season. At a time when the ferry crossing becomes extremely expensive in financial terms, difficult in terms of finding taxi drivers who are ready to cross to the other side in a large, "endless, tense queue, where there is complete lawlessness" [Field materials, S. Khatass, 2019] the inhabitant uses the services of "IRBIS" (air cushion ship). "IRBIS" begins to go from the end of October, "when there is an ice-run, that's when the tough: a couple of desperate airbags continue to work, there are kilometer queues to them, jostling, panic, screams as on the Titanic exactly! People tear children away each other to pass without waiting in line. Men are not allowed at all. On the third day, the wild men make a leap-capture the ship, throw out all the women and children by force! Then, fights among those men who had been standing unsuccessfully in waiting lists for 3-4 days and newcomers - new men, who protected children and women [and passed on vessel with air cushion] often occur. Then, three days later, the newcomers become wild and everything starts again" [Field materials, Khatass, 2019]. The situation is mirrored in the spring "when there is ice-run, people do not walk". When the river is not covered with ice, boats go on it, when the whole river is shackled by ice, hovercrafts go on it. But, when the river is covered with ice partially, not completely-only in the middle of the riverbed, and at the coast at this time the currents increase, which carry the fallen blocks and pieces of ice away, then almost no ship goes on the river. In these 3-4 days people are ready to pay any money to the one who will agree to transfer them to other bank. And there are always daring loners willing to take risks. Almost all attempts to cross the river at this time lead to damage of the engine or ship hull" [Field materials, Baishev]. The cost of crossing in the off-season on the "IRBIS" varies from 2000 to 3000 rubles. For comparison, we give an example of prices for the ferry Yakutsk-Nizhny Bestyakh in 2019, where "the average cost of one ton of cargo will be 340 rubles." [...].

It should be noted that there are no specific data that fully disclose the cargo turnover at the ferry. However, the impact of the ferry is felt in the shops of Yakutsk, where during the off-season they face problems with the supply of dairy products, vegetables (primarily fruits), medicines.

To sum up, we highlight two points at the end of this article. First: the urban agglomeration of Yakutsk and Nizhny Bestyakh at this stage of development can be defined as "seasonal", when the constant transport connection between the cities, the basis of all urban agglomerations of Russia is

lost completely for two or three days because of the climatic and natural features of the region during the off-season. Second, during the crisis time of lack of crossing in the off-season (spring and autumn) a point of concentration of transport links between the two cities is Khatassy. The presence of such a "crisis point" exacerbates the social side of the existing form of urban agglomeration of Yakutsk and Nizhny Bestyakh.

Sources

The fares for the ferry "Yakutsk – Nizhny Bestyakh» are known//Yakut-Sakha News Agency YASIA [Electronic resource]. – Access mode: <http://ysia.ru/tarify-na-paromnyu-perepravu-yakutsk-nizhnij-bestyah-ostalis-na-urovne-2016-goda/> (date of issue: 20.05.2019).

Field materials of the author. Khatassy, Urban district "Yakutsk city", June 2019 (informant Baishev Gavriil Mikhailovich, 1983).

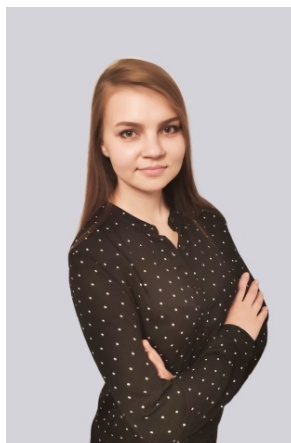
*Nataliya Sergeevna Ivanova,
Master of Sociology
Research Fellow of the
RANEPA's Center for Regional
and Urban Studies
Researcher of the Migration
and Ethnicity Research Group
Moscow, Russia*

nataliya.ivanova.0709@gmail.com

*Co-authors: Albina Sergeevna Andreeva, Master of international relations,
Researcher of the Migration and Ethnicity Research Group, Moscow, Russia
formulagerona@gmail.com*

*Evgeniy Aleksandrovich Varshaver, Candidate of Sociological Sciences,
Senior Researcher of the RANEPA's Center for Regional and Urban Studies,
Head of migration and ethnicity research group.*

*Moscow, Russia
varshavere@gmail.com.*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-199-200

FORMATION OF ZONES OF THE RESIDENTIAL CONCENTRATION OF MIGRANTS IN KOTEL'NIKI (MOSCOW REGION)

After the collapse of the Soviet Union Russia began to accept foreign non-ethnic migrants. The resident choice of such migrants in Russia was often determined by the minimum amount of time between the place of work and the place of residence, and one of the typical jobs for such migrants were the markets. As a result, Russia has developed a special pattern of resettlement of migrants, which refers to the residence of a large number of migrants in the vicinity of markets. However, despite the existence of this pattern over the past thirty years, and due to the lack of similar forms of resident concentration in other countries, no good descriptions of this pattern have been produced.

For a long time in Moscow the largest market was Cherkizovsky, which was located in the North-East of the capital. In 2009 it was closed, after what many entre-

preneurs moved outlets to the South-East of Moscow to another site – the market "Sadovod". Following the transfer of retail facilities, both businessmen and their employees moved. A new place of residence for many migrants was the town of Kotelniki near Moscow, which was experiencing a construction boom at that time. As a consequence, migration processes and moving market workers closer to jobs overlapped with the expansion of a small Soviet city, due to the construction of huge residential complexes. During these events, new buildings in Kotelniki became zones of high concentration of migrants with established emigrant infrastructure ("apartments-hostels", "ethnic" business, realtors specializing in working with migrants). This state of affairs contributes to the further inflow of migrants. The migration and ethnicity research group conducted a study of the formation of zones of resident concentration of migrants in the city of Kotelniki, the results of which will be presented in the report.

Keywords: resident concentration, migrants, markets.

*Valentina Gurozhapovna Zhalsanova,
candidate of Sociology,
Leading Researcher of the Department
of history, ethnology and sociology
of the Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia
valyazhal@list.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-2-201-204

RURAL MIGRANTS IN THE SUBURBS OF ULAN-UDE ADAPTATION EXPERIENCE AND LIFE STRATEGIES

The report is devoted to the analysis of adaptation of rural migrants in the suburbs of Ulan-Ude. The reasons and factors of the relocation of villagers to the city, as well as their future life strategies are studied based on in-depth interviews conducted in 2017 and 2019. The object of sociological research was rural migrants who settled in suburban areas. According to the results of the study, the most numerous group of migrants is represented by socially active immigrants from the village with high adaptive potential. Further life activity of rural migrants is caused by features of social and economic development of Ulan-Ude characterized by prevalence of negative tendencies, first of all, high level of unemployment and low level of salaries. As a result, the formation of a new migration mood in the form of intentions to leave Buryatia for other regions of the country/other countries becomes typical for many rural migrants.

Keywords: Republic of Buryatiya, Ulan-Ude, suburbs, rural migrants, life strategies, adaptation.

Migration processes in the Republic of Buryatia are characterized by the predominance of internal movements from rural areas in the direction of the

only major urban district of the region – to the capital, Ulan-Ude. Due to the lack of significant agricultural production modern village is unable to solve the problem of employment of many villagers, unable to provide a developed social infrastructure in the form of educational, medical, cultural institutions. Therefore, the main reason for the increasing year-on-year rural-urban migration is the deteriorating socio-economic situation of the majority of rural residents. The state in which the majority of villagers found themselves in the post-Soviet period can be described as deprivation, when there are no conditions and resources to meet the basic social needs characteristic of modern life. One more important reason is the changes in the value structure of the villagers, especially among the younger generation. The attitude to work has changed, dependent moods are growing. Z. I. Kalugina quite rightly notes that "the emerging institutional space, the current economic mechanism distort the value system of the individual, reducing or nullifying the instrumental value of labor in the public sector of agricultural production; rather contribute to social dependency than the development of market standards of behavior and consciousness, depriving the social base of the transformation of the agricultural sector; restrain the process of its modernization" [2000, p. 61]. Therefore, the presence of migration mood and actually the strengthening of migration processes can be explained by the processes that swept the Russian countryside in the post-Soviet period. "Transformation processes against the background of market transformations and democratization of the socio-political sphere have changed the social structure of the population, the image of the village and thus had a negative impact on the quantitative and qualitative characteristics of rural communities. The negative nature of the consequences of social changes has led to the fact that the state of anomie in rural society was deeper than in urban society and led to dysfunctional tension and disorientation of the rural population, the growth of a sense of social alienation because of the monocreativity of its space (a narrow market of social "opportunities"). Soviet values, which played a huge role in strengthening the social mechanism, were crossed out. New values that can unite society have not emerged. And most importantly-the sense of social security has disappeared, there are no norms and patterns of behavior that contribute to the formation of long-term life strategies. Tension and disorientation lead to the growth of deviant and delinquent behavior, low level of economic and socio-political activity" [Zhalsanova 2014, p. 60].

The rhetoric of most discussions about the village and the social situation of rural residents often refers to the statement of their plight, the increasing degradation and depopulation of villages. Largely agreeing with such views, however, we find it necessary to mention the fact that the migration mood is typical not only for youth but also for people of middle and old age, which is an evidence of the specific adaptive potential of the villagers, irrespective of their socio-demographic characteristics. Moving is a manifestation of courage and a certain activity of people, their readiness for significant changes in lifestyle. That is why, the most numerous type of rural migrants, in our opinion, are socially active people with a sufficiently high level of adaptive potential. It is they who contribute to the mass migration flow, as the whole family moves with them.

The move is the first step in the life of a rural migrant in the new conditions. This period can stretch from several months to several years and depends "on many factors: the availability of housing or the ability to purchase/build it in a short time; employment in the city; the presence of relatives/friends contributing to the arrangement in a new place" [Zhalsanova 2017, p. 176–177]. Despite the fact that the main destination of migration is the city of Ulan-Ude, it should be clarified that its suburbs administratively related to other municipalities-Ivolginsky, Zaigraevsky and Mukhorshibirsky districts of the Republic of Buryatia become the place of residence. This is largely due to the inability to purchase housing in the city, primarily because of the high cost of apartments. Also, it is essential that the suburbs are often a kind of rural life zones which are near the city - a village house (often without sewerage and water supply), the presence of farms in the face of gardens, and somewhere even livestock. Thus, living in the suburbs allows the recent migrant to maintain the usual rural lifestyle, which also contributes to adaptation in a new place, but it does not integrate him/her into the urban space. T. G. Nefedova notes that "the degree of rurality of the urban population employment is associated with the economic state of the city" [Nefedova 2013, p.25]. Ulan-Ude, despite its status as the main city of Buryatia and the center of all economic life, was unable to provide comfortable living conditions for rural residents.

The success / failure of further adaptation depends on the employment of the villager. The socio-economic crisis has had a negative impact on the labor market in the city as well, there is an increase in unemployment. As a result, rural migrants face a number of vectors for the development of fur-

ther life strategies: a new migration mood-the desire to move to another region of the country, and/ or to another country; pendulous migration – search for work in shifts in other regions/in other countries; strategy of "survival" on the spot in the form of one-time part-time jobs/kalyms or development of personal economy in order to sell products to citizens; disadaptation and further degradation and occurrence of deviant and delinquent behavior.

The study once again demonstrates the importance of studying social processes within the suburbs of Ulan-Ude. It is important to understand that the suburbs are not only a territorial entity, but, above all, the people living there.

References and sources

Zhalsanova V. G. Structurnoye rasseleniye selskikh poseleniy Buryatii [Structural settlement of rural settlements in Buryatia] // Vlast [Authority] . – 2014. – № 6. – P. 59–62.

Zhalsanova V. G. Migratsionnoye povedeniye selskikh zhiteley Buryatii: factory I tendentsii [Migration behavior of rural residents of Buryatia: factors and trends] // Chto mi znaem o sovremennykh rossiyskikh prigorodakh: sb. nauch. st. [What do we know about modern Russian suburbs] // ed. by A.S. Breslavsky. – Ulan-Ude: Publishing House BSC SB RAS, 2017. – P. 170–179.

Kalugina Z.I. Transformatsiya agrarnogo sektora Rossii: problemi effektivnosti I adaptatsii naseleniya [Transformation of the agricultural sector of Russia: problems of efficiency and adaptation of the population] // Mir Rossii [The world of Russia]. – 2000. – № 3. – P. 48–95.

Nefedova T. G. Desyat aktualnykh voprosov o selskoy Rossii: Otveti geografa [Ten urgent questions about rural Russia: the responses of the geographer]. – M.: Lenand, 2013. – 456 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
---------------	---

ЧАСТЬ 1

СЕКЦИЯ 1

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРИГОРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Бреславский А. С. «Постсоциалистическая пригородная революция» и пригородные исследования в России.....	8
Мкртчян Н. В. Миграция и субурбанизация в региональных столицах и пригородных территориях России.....	14
Григоричев К. В. «Частный сектор» российских городов: от наследия советской урбанизации к «внутреннему пригороду».....	22
Бадалов Э. С. Урбанизация и субурбанизация в Азербайджане.....	27
Медеуова К. А. Пригороды Астаны/Нур-Султана: от зеленого пояса до коттеджного хаоса	33
Дылдаев М. М. Особенности процессов урбанизации в Кыргызской Республике.....	40
Цыденов Д. Д. Разрастание городов Центральной Азии: пригороды Бишкека, Улан-Батора и Улан-Удэ.....	45
Чанади Г., Чизмади Э. Жилищная сегрегация и пригородное развитие в постсоциалистических агломерациях.....	51
Оуржедничек М., Клсак А., Немешкал И. Чешская субурбанизация в эпоху посттрансформации: развитие, оценка и вызовы.....	57
Кришьяне З., Круминьш Я., Берзиньш М., Скадиньш Т., Сечи Г. Apsite-Berina Е. Стареющий городской центр и обновляющиеся пригороды: Рига в 2000–2016 гг.	63
Кришьяне З., Сечи Г., Берзиньш М., Житин Д. Социальная сегментация в ходе субурбанизации после переходного периода: сравнительный анализ Санкт-Петербурга и Риги.....	67

СЕКЦИЯ 2

ПЕРСПЕКТИВЫ (СУБ)УРБАНИЗАЦИИ И ПРИГОРОДНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ГОРODOB

Винокурова А. В. Пригороды крупных дальневосточных городов России: территориальное и демографическое развитие (кейс Владивостока).....	73
---	----

Иванова А. П. Дальневосточная народная архитектура: города и субурбии.....	80
Тиникова Е. Е. Влияние урбанизации на образ жизни жителей Хакасии в середине XX – начале XXI века	86
Абдулова И. Т. Новые микрорайоны Иркутска: между пригородом и «спальным» районом	92
Яковлев А. И. Пригородное село Хатас и проблемы сезонной агломерации Якутска и Нижнего Бестяха.....	98
Иванова Н. С., Андреева А. С., Варшавер Е. А. Формирование зон резидентной концентрации мигрантов в подмосковном городе Котельники.....	102
Жалсанова В. Г. Сельские мигранты в пригороде Улан-Удэ: опыт адаптации и жизненные стратегии.....	104

ЧАСТЬ 2

THE SECTION 1

REGIONAL FORMS OF THE POST-SOCIALIST SUBURBAN REVOLUTION

Introduction	109
Breslavsky A. “Post-socialist suburban revolution” and suburban studies in Russia.....	111
Mkrtychyan N. Migration and suburbanization in the Russian regional capitals and their suburbs	117
Grigorichev K. “Private sector” of the Russian cities: from heritage of Soviet urbanization to the “inner suburbs”	125
Badalov E. Urbanization and suburbanization in Azerbaijan.....	130
Medeuova K. Suburbs of Astana/Nur-Sultan: from the green belt to the cottage chaos.....	136
Dyldaev M. Features of urbanization in the Kyrgyz Republic.....	143
Yuan J., Tsydenov D. Urban sprawl in Central Asia. Comparing the development of the suburbs of Bishkek, Ulaanbaatar, Ulan-Ude.....	147
Csanádi G., Csizmady A. Residential segregation and suburban development in post-Socialist agglomerations.....	152
Ouředníček M., Klsák A., Nemeškal J. Czech suburbanization in post-transformation era – the development, evaluation and challenges.....	157
Krisjane Z., Krumins J., Berzins M., Skadins T., Sechi G., Apsite-Berina E. Ageing core-city and rejuvenated suburbia: evidence from Riga, 2000–2016.....	162

Sechi G., Krisjane Z., Berzins M., Zhitin D. Social segmentation in suburbanization after transition: a comparative analysis of Saint Petersburg and Riga.....	166
---	-----

**THE SECTION 2
PROSPECTS OF (SUB)URBANIZATION AND SUBURBAN
DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN CITIES**

Vinokurova A. Demographic and territorial suburban development of Far Eastern cities of Russia.....	172
Ivanova A. Far Eastern folk architecture: cities and suburbia.....	178
Tinikova E. Urbanization and its impact on the lifestyle of residents of Khakassia in the middle of the XX – early XXI centuries.....	184
Abdulova I. New microdistricts of Irkutsk: between the suburbs and the “sleeping” district.....	189
Yakovlev A. Suburban village Khatas and problems of seasonal agglomeration of Yakutsk and Nizhniy Bestyakh.....	195
Ivanova N., Andreeva A., Varshaver E. Formation of zones of the residential concentration of migrants in Kotel’niki (Moscow region).../.....	199
Zhalsanova V. Rural migrants in suburbs of Ulan-Ude: adaptation experience and life strategies.....	201

**«ПРИГОРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В РЕГИОНАЛЬНОМ
СРЕЗЕ: ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ГОРОДСКИЕ ТЕРРИТОРИИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Сборник тезисов докладов международной научной конференции
(14–16 ноября 2019 г.)

Научное издание

Утверждено к печати ученым советом ИМБТ СО РАН

Печатается в авторской редакции

Верстка и макетирование – *Г. В. Кашина*

Обложка – *А. С. Бреславский*

Подписано в печать 06.11.2019. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 12,1. Уч. изд. л. 11,5. Тираж 150. Заказ № 6.

Редакционно-издательский отдел Издательства БНЦ СО РАН

670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Издательства БНЦ СО РАН

670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.